СОФЬЯ ШОЛОМОВА

Вокруг Короленко

Из цикла
«На перекрестках
страшных лет»

СОФЬЯ ШОЛОМОВА

Вокруг Короленко

Из цикла
«На перекрестках
страшных лет»

Харьков
2008

Издано на средства автора

Шоломова Софья. Забытые страницы. О родных В.Г. Короленко. – Харьков, 2009. – 242 с.: Илл.

Компьютерная верстка А.К. Польшин.
Технический редактор В.А. Шоломов

© Софья Шоломова. Забытые страницы. О родных
В.Г. Короленко. 2009

Глава 1

Друг Короленко

(о Я. К. Имшенецком)

10 мая 1938 года в дневнике В. И. Вернадского появилась запись: «…Из Полтавы сообщают, что там сплошные аресты и террор среди старых людей. Арестован Я. К. Имшенецкий – старый земец и кадет. Ему за 80 лет, стал очень богомолен. Друг Короленко. «Молился и писал мемуары». Не за мемуары ли он и арестован? Раньше был арестован его сын А. Я. Имшенецкий. Оба очень хорошие люди. Я. К. – оригинальный и умный человек…»

Приглашение к поиску

Эта запись – словно приглашение к путешествию в прошлые годы, такие страшные, но незабываемые… Она была опубликована в марте 1991 года сначала в журнале «Дружба народов», и возникла буквально из небытия. В ней содержится так много важного для понимания времени. Буквально в каждой строке, а их не так уж и много, содержатся такие подробности, которые интересны не только сами по себе. Возникают вопросы и желание найти новые документы.

Эта дневниковая запись, как своеобразная веха и свидетельство в одно и то же время. Она позволяет предположить хотя бы ориентировочно дату насильственного ухода из жизни одного из друзей Короленко – Я. К. Имшенецкого

***

Как сказал Вернадский, Я. К. Имшенецкий – «*старый земец и кадет*», а это уже немало**.** Это – вектор поиска сведений материалов по истории земского движения в России в начале XX века.

Даты его жизни говорят о том, что он принадлежал к тому же поколению, что и сам Вернадский.

И еще: Имшенецкий *был другом* Короленко! Это на самом деле забытый факт.

Имшенецкий был одним из первых, кто в 1922 году написал о Короленко к первой годовщине со дня его смерти.

Мне предстояло разыскать эту публикацию и вернуться к тому давнему и забытому тексту…

Арест Имшенецкого в 1938 году объясняет, почему его имя и его воспоминания не появились в книге «В. Г. Короленко в воспоминаниях современников» (М. 1962). Вообще удивительное издание: в него не вошло много свидетельств о Короленко…

***

Вернусь снова к записи Вернадского: «*Молился и писал мемуары».* Можно ли узнать их дальнейшую судьбу? Вопрос задан, но будет ли найден ответ…

И еще волнует строка: «*стал очень богомолен*…» Оставлю комментарий к этой строке на будущее…

Особенно важно было бы разыскать архивные материалы о мемуарных записях Якова Имшенецкого, о которых упоминает Владимир Иванович Вернадский

Имшенецкому было что рассказать: ведь он – участник и свидетель «страшных лет России».

Прежде нужно выяснить: единично ли было упоминание об Имшенецком в дневниках Вернадского. Для этого нужно было изучить тексты опубликованных дневниковых записей за другие годы. Это было делом

кропотливым и не легким, т. к. к публикации дневников Вернадского (к тому же далеко не всех!) приступили только с начала 90-х годов прошлого столетия.

Впервые тексты ранних дневников В. И. Вернадского времен революции и гражданской войны появились в Киеве лишь в 1994 году. Обратим внимание на некоторые записи, помеченные 1917–1918 годами. Они передают атмосферу тех грозных лет…. Оказалось, об Имшенецком есть упоминания в дневниках ученого и за более ранние годы.

1

3. 11. 1917 года. Петроград.

…кажется, целая вечность прошла после последних записей. Невозможное становится возможным, и развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой…. Обыватель ждет немца как избавителя…

2

6. 11. 1917 года.

… утром ЦК. Долгие споры о выходе наших из Комитета спасения….За социализм, как идейное мировоззрение, но и как по возможности вместе. Набоков, Васильев, Имшенецкий резко подчеркнули вероятие реакции и того, что нам придется идти с социалистами против правой реакции… обедал Имшенецкий. Настроение у всех тревожное, но растет государственное негодование…

***

Таким образом, краткие встречи Владимира Ивановича Вернадского с Имшенецким в эти

тревожные дни переломного времени были довольно частыми. А познакомиться они могли значительно раньше – ведь оба были членами конституционно-демократической партии. Да и встречи их в 1917 году были деловыми, связанными с принадлежностью к одной партии.

3

14. 11. 1917 года.

«…всюду и все время разговор об одном и том же. Тревожное и тяжелое настроение…»

Эта лаконичная запись достаточно верно передают атмосферу того времени, а частое упоминаемое слово «тревожное» – тревожное время или тревожное настроение – характеризует те дни достаточно выразительно. Именно в то время и происходили встречи Вернадского с Имшенецким. Вскоре оба попали в Полтаву. Для Имшенецкого это был родной город, в котором он прожил большую часть своей жизни.

***

Они встретились там как старые друзья. Это произошло в начале 1918 года. В то тревожное время их контакты были особенно интенсивными, но все же не выходили за рамки сугубо деловых. Вернадский немногословен, и на то было немало причин. Он записывает в дневник самые памятные и важные события. Частота упоминаний имени Имшенецкого характеризует динамику их встреч.

4

17. 2. 1918 года. Полтава.

«*… Вечером 15-го у Имшенецкого обычное заседание – подымался вопрос о самоохране в связи с ожидаемыми*

погромами при уходе большевиков. Затем мною был поднят вопрос о необходимости церковной организации для защиты церкви и для подъема национального духа…. Здесь находится возможность внеклассового общения на почве подъема глубочайших человеческих переживаний. Вместо того духа социальной мести, розни, стремления к грабежу, насилию, наживе, которое практически вытекло и вытекает из социалистических, в частности, большевистских внушений, в массе подымается чувство общности, мысль об общечеловеческих основах жизни, духовное единство и любовь…. Религиозный подъем есть один из величайших элементов очищения».

Вернадский пишет: «*… как странно сейчас, в каких-то отделенных временем образах вспоминать это прошлое, среду, в которой жил, и из которой сейчас почти никого нет в живых. Это не воспоминания, а воссоздание прошлого, в котором, наверно, есть черты и элементы, в нем не бывшие*».

***

Эта запись примечательна по многим причинам. К ее анализу я еще вернусь.

5

18 (31. 03.) 1918 года Вернадский записал: *«… все так сложно и в разговоре с Имшенецким, к которому обращалась бы партийная молодежь, которой дороги интересы России, я мог бы только высказать за и против, но сделать заключений не мог. Тут должен решать каждый сам… главное, ужасны и бессильны органы местного самоуправления и умственно ничтожны социалисты Полтавы».*

Вернадский продолжал: *«… работал над живым веществом… вчерне весь состав книги кончен. Но это только черновой набросок, который потребует*

огромного труда. Я знаю, что я даю здесь много новых концепций и нового понимания природы, но сумею ли сделать это понятным современникам. И ужасно ярко чувствую недостаточность собственного знания даже в области, уже доступной человечеству».

***

Некоторые разногласия Вернадского с Имшенецким по вопросу самоопределения Украины, который в то время стоял особенно остро, не повлияли на их дружеские отношения.

6

Прошло меньше месяца, и в дневнике Вернадского вновь упоминается фамилия Имшенецкого.

12. 04. 1918 года.

«*С Имшенецким и Бельговским обсуждали обращение и платформу украинской партии народной свободы. С ними интересный разговор об украинском языке и украинском вопросе. Оба себя считают украинцами, но считают, что культура духовная общая… я в этом во многом с ними согласен, но считаю, что их отношение к украинскому языку недостаточное*».

Так стал известным новый факт биографии Имшенецкого – его участие в украинской партии народной свободы. По всему видно, это был деятельный человек, который не хотел, да и не мог оставаться в стороне от происходящих событий. Скупые сведения, но и они **дарят** новые штрихи к портрету друга Короленко.

7

Не менее интересна следующая запись Вернадского:

5. (18. 4.) 1918 года.

«*... пошел гулять в запущенный городской сад. По дороге встретил Вл. Гал. Короленко. Городские*

Еще один Короленко……..121

Глава 6. Загадочный Евграф Короленко……..……124

Глава 7. Литературные двойники Короленко.
Часть 1……..135
Послесловие…….148
Приложение 1. Труды М. М. Плохинского (1864–1906)
в фонде библиотеки…….148
Приложение 2. Труды П. П. Короленко……149
Часть 2. Еще об одном литературном
двойнике Короленко……150

Эпилог……..……..…163

Список литературы……164

Иллюстрации……..……174

Содержание

Глава 1. Друг Короленко (о Я. К. Имшенецком)…….....2
Приглашение к поиску……..2
Приложение 1. Слово Имшенецкого о Короленко…...29
Памяти В. Г. Короленко. Первая годовщина
смерти…… ……...31
Я. Имшенецкий. – В сборнике «О голоде».
В. Г. Короленко в Полтаве…….34

Глава 2. О В.Г. Короленко по материалам
И. П. Белоконского……44
Страница книговедческая……..44
Страница биографическая……..61

Приложение 1.
Слово Ивана Петровича Белоконского о Короленко
(несколько фрагментов)……68
Белоконский о Короленко
как старосте политической партии……....69
И. П. Белоконский. Первая встреча……..71

Приложение 2.
Отдельные книги, публикации И. П. Белоконского…75

Приложение 3……..…76

Глава 3. К истории одной переписки В. Г. Короленко
(по материалам писем А. К. Лозина–Лозинского)..…78

Глава 4. Два Владимира……....102
Из дневников Вернадского о Короленко……103

Глава 5. Об Анюте Короленко (по страницам
дневников Вернадского)……...113

школьники, которые здесь копали грядки, очень приветливо ему кланялись, очевидно, зная, кто он такой….

… Я отличаюсь от своих политических единомышленников тем, что считаю возрождение украинского языка очень большим положительным явлением. Недавно у меня был разговор об этом ***с*** *Я. К. Имшенецким, Л. И. Бельговским, Л. Г. Ефимовичем, и мне очень стала ясна их точка зрения, с которой, однако, вполне я согласиться не могу. Оставаясь украинцами, они принимают русский язык, как ирландцы английский, и русскую культуру как родную, но в то же время, ясно чувствуют и свою обособленность, и свое, т. е. украинское значение в создании и русского языка, и русской культуры».*

Очень примечательная запись, естественно и органично соединяющая два имени – Имшенецкого и Короленко…

8

Весной 1918 года их встречи были особенно частыми.

9. (22. 04.) 1918 года.

«… работал над живым веществом, мысль идет все глубже и одновременно усиливаются и сомнения, и чувство незнания.

Вчера вечером у Имшенецкого собрание комитета. Сейчас, несомненно, во многом меняется настроение, и ужас содеянного, а равно предательство Рады, становится все более ясным».

Эти записи отражают общую направленность интересов Вернадского в эти памятные и трудные дни.

9

Для понимания настроенности Вернадского интересна следующая его дневниковая запись**:**

18. 04. (1. 05) 1918 года.

«*…как далеко **это** первое мая от того, которое было в прошлом году! Когда мы все участвовали в первом мае, надеясь, но, не веря, что есть что-то твердое, возрождающее в совершавшемся вокруг нас бедламе. Мы хотели верить в русскую революцию, в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем, а у меня все более и более поднимается презрение!»* (знаки Вернадского).

И завершает запись следующее его признание: *«… чем более я вчитываюсь в давно мне чуждую биологическую литературу и еще более вдумываюсь в природу, тем более и ярко, и сильно чувствую условность и мелочность обычных построений общественного и политического убеждения и необходимость и в этой области той же искренности, глубины и беспощадности мысли, какую всегда считал и считаю в научной области, научном искании…*

в общественной и политической жизни примешивались чуждые истине привычки, боязнь углубления, огорчения близких, выводов, которые были бы мне самому тяжелы своим противоречием с тем, с чем я сжился. Здесь я не был свободен в своих исканиях и в моих выводах. Иногда мне казалось это правильным, т. к. здесь добиться истины в сложном клубке событий иногда трудно до неимоверности.

А теперь? Когда жизнь разбивает старые убеждения и выявляет ошибочность жизненной деятельности! Не должен ли я смело, беспощадно и откровенно идти по пути полной переоценки своих убеждений и убеждений близких?..»

***

В этой записи состояние переживаемого духовного кризиса выражено предельно откровенно**.**

Стремительно сменялись события одно за другим. И вот новая запись.

594591

Цена 200 руб.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

25 Декабря 1921 г. — СМЕРТИ — 25 Декабря 1922 г.

Владимира Галактионовича КОРОЛЕНКО.

инв. 149796
Державна наукова бібліотека ім. Короленка, Харків № 5943 19-III-5

СОДЕРЖАНИЕ: От редакции. **Д. Якубович**—Стихотворение. **А. Б. Дерман**—Передовая. **Я. Имшенецкий**—Памяти В. Г. Короленко. **Гр. Коваленко**—Спомін про великого громадянина. **Я. Козаков** „Еврейский вопрос" в освещении В. Г. Короленко. **Л. Круповецкий**—В. Г. Короленко и дети. **Н. Матвеев**—Светлой памяти В. Г. Короленко. **А. Кривинская**—В. Г. Короленко у Германских властей. **Е. Саков**—из воспоминай о В. Г. Короленко. **И. Дорошев**—на спомін В. Г. Короленко. **М. Дудченко**—памяти В. Г. Короленко. **Д. Гольдберг**—В. Г. Короленко-арбитр. **Б. Сигалов**—из воспоминаний рабочаго-печатника. **В. Оголевец**—В. Г. Короленко в Полтаве. **Я. Повзнер**—В малом велик. **Л. Горфан**—из воспоминаний. **М. Зусманович**—Краткий и ясный ответ. **В. К—шев**—из записн. книжки друга В. Г. Короленко. **В. К—шев**—50 летний юбилей В. Г. Короленко. Из печати о В. Г. Короленко.

От редакции.

Выпускаемый в первую годовщину смерти Владимира Галактионовича Короленко однодневный журнал посвящается его памяти.

Редакционная комиссия при выборе материала для журнала руководствовалась не столько литературным достоинством статей, сколько тем значением, какое они имеют для освещения личности Влад. Гал-ча, его деятельности за время жизни в Полтаве и его отношения к различным слоям и группам Полтавского населения. Редакционную комиссию интересовали также те статьи, в которых отразилось отношение этих групп и слоев к Владимиру Галактионовичу.

Матерьял для журнала „Первая Годовщина" собирался в довольно небольшом кругу, без предварительного широкого оповещения о его предполагаемом выпуске. Это обстоятельство не могло не отразиться на составе журнала. Некоторые статьи, вошедшие в него, предназначались ранее их авторами для специального сборника памяти Вл. Гал-ча. Издание такого сборника является, однако, делом более отдаленного будущего.

Редакционная комиссия ясно сознает, что настоящая попытка лишь весьма слабая дань памяти великого писателя—гражданина. Она надеется, вместе с тем, что попытка эта побудит современников и сограждан Вл. Гал-ча продолжать дело собирания всего, что может еще более осветить и упрочить в нашей памяти образ ушедшего.

Памяти В. Г. Короленко. [1]

Проснись, Макар! Ты помнишь поселенца,
Который близ тебя в убогой юрте жил,—
По праву он тебе напоминал младенца
И сны твои выслушивать любил.
Припомни: в дикой мгле, где все мертво и бело
Средь мерзлых тундр, укутанных в снега,
Когда он шел с тобой,—не громче-ль сердце пело,
Не радостней шепталась-ли тайга?
Но ты не знал, что он, задумчивый и нежный,
Был, как пловец в неправедные дни,
Указывавший там, во мгле реки безбрежной,
Невидимые нам огни!
Что, как шаман, твоей отчизны скудной
Природу и сердца он мог зачаровать,
Что в час борьбы он шел на подвиг трудный,
Что к оскорбленному он нежен был, как мать!
Ты знаешь ли, Макар, что он ушел навеки
Из мира лжи, насилья и оков,
Но память, как волна, о друге—человеке
Поет он от льдистых тундр до шумных городов!
Явился на суд Великого Тойона!
И мало видел в мире Бог—Отец
На чашах беззаконий и закона
Хрустальней и прекраснее сердец!
Оно еще страдать не перестало
От черных ужасов покинутой земли
И чутко, как струна, и в небе трепетало,
Как-бы молясь:—„Отец,
слезам детей внемли!…"
О брат мой,—мы чужие друг для друга,
Но каждый, горечь ран своих тая,
Сред мира зла
заступника и друга
Нежнейшего лишились—ты и я!

Дм. Якубович.

[1]) Настоящее стихотворение принадлежит перу Д. П. Якубовича, сына поэта П. Я. (П. Ф. Якубовича), соратника В. Г. Короленко по „Русскому Богатству". Печатается в этом номере, составленном из Полтавского материала, в виде исключения, как наиболее ярко выражающее в сжатой форме настроение друзей и почитателей В. Г. Короленко после его смерти.

Редакция.

10

7 мая 1918 года.

«*Выехал в Киев…. Еду на съезд к-д. с Бельговским и А. Имшенецким. Полтавский комитет по моей инициативе пересмотрел вопрос о посылке депутатов на съезд и выбрал нас. Я. К. Имшенецкий, который должен был поехать, по моему мнению, остался, по решению большинства комитета, т.к. выборы в городские головы 8 мая и надеется, что продет С. Г. Семенченко. В комитете были большие дебаты в связи с решением поддерживать правительство, в которое вошел Василенко. Очень трудное и тяжелое положение*».

***

В этой записи упоминается сын Якова Имшенецкого, с которым Вернадскому также приходилось общаться.

Завершает эту запись следующее сообщение: «*…был вчера у Короленок. В. Г. спал. Разговор с Авдотьей Семеновной, Софией Владимировной, бабушкой. Невольно приходится касаться тяжелых вопросов – переработки идеалов жизни. Они переживают тоже многое тяжелое в связи с переоценкой ценностей и реальности*».

11

8 мая1918 года.

«*А. Я. Имшенецкий рассказывал о разговоре с Товкачем – украинский «сенатор», полтавский адвокат приехал из Киева…*»

***

Как видим, сын, так же как и отец, в то время активно занимался общественной деятельностью. А. Я. Имшенецкий тоже принадлежал к партии кадетов, и очевидно, это сыграло свою печальную роль в его аресте.

***

Имеет место ряд общих совпадений в биографиях Имшенецких – общественных деятелей, с биографиями и Дмитрия Ивановича Шаховского, и Владимира Ивановича Вернадского. Все они в течение многих лет знали друг друга и довольно часто общались. Подтверждением этого может служить одна фраза из письма Вернадского к историку права, общественному и политическому деятелю Н. П. Василенко (1866–1935).

***

4 (17). IV. 1918 года Вернадский написал Василенко из Полтавы в Киев: «*Дорогой Николай Прокофьевич! Давным-давно от Вас нет известий – а между тем, было бы очень важно знать, что сейчас делается и предпринимается в Киеве.*

Имшенецкий хотел написать Вам или Григоровичу-Барскому – не знаю, написал ли, т.к. он частью завален работой, частью находится в несколько угнетенном состоянии. Я Вам писал перед самым занятием Киева немцами, и не знаю, дошло ли к Вам мое это письмо. Мы здесь сидим, отрезанные от России и, в сущности, всего мира. Ни с Харьковом, ни с Киевом до сих пор сообщение не наладилось».

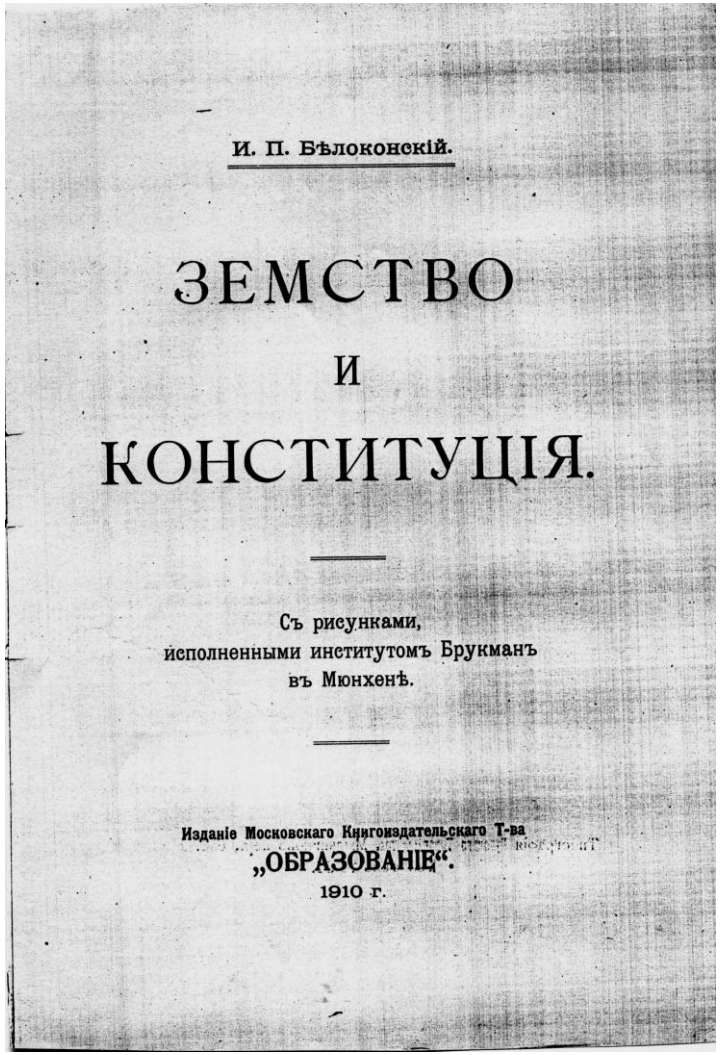
***

Упоминание о том, что Имшенецкий находится «*в угнетенном состоянии*» говорит об их довольно близких отношениях.

***

Несколько слов о Василенко, к которому были направлены строки этого доверительного письма.

Еще с начала 1890 года Н. П. Василенко работал в Киеве одновременно педагогом и журналистом. Одно время был сотрудником журнала «Киевская старина». С


И. П. Бѣлоконскій.

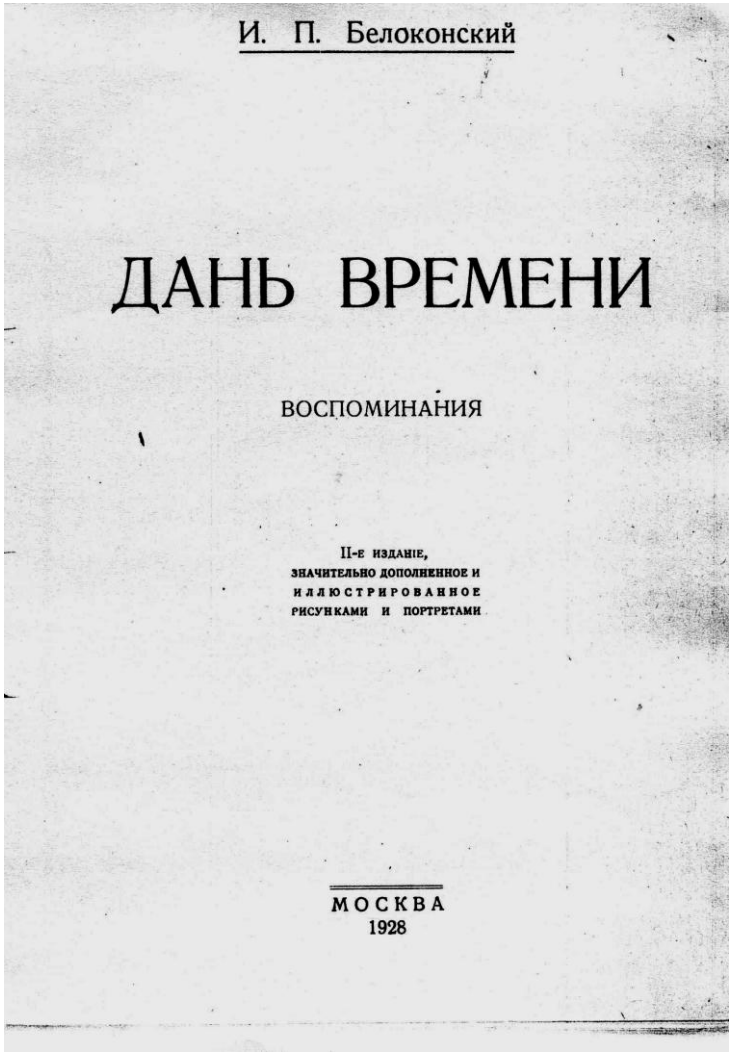
ЗЕМСТВО

И

КОНСТИТУЦІЯ.

Съ рисунками,
исполненными институтомъ Брукманъ
въ Мюнхенѣ.

Изданіе Московскаго Книгоиздательскаго Т-ва
„ОБРАЗОВАНІЕ".
1910 г.



1908 года был редактором газеты «Киевские отклики». В 1918 году кратковременно был назначен министром народного просвещения. С 1920 года – он член Украинской Академии Наук. Основным его трудом были «Материалы по истории украинского права», напечатанные в 1929 году.

Григорович-Барский Дмитрий Николаевич – адвокат, член ЦК кадетской партии, входил в состав защиты по делу Бейлиса. С 1919 года в эмиграции.

Интересно, что в примечаниях к этому письму Вернадского следует, вот какой комментарий об Имшенецком: «*Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858 – ?) – полтавский земский деятель, кадет*. Как видим, дата смерти отсутствует.

***

В фондах харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко сохранилось издание: Имшенецкий Я. К. Мелкий кредит и его значение в народном хозяйстве. – Полтава: тип. Д. Н. Подземского, 1913. – 23 с. (Б-ка журнала «Хуторянин»).

Обращает на себя внимание, что брошюра эта была напечатана в серии «Библиотека журнала «Хуторянин», на страницах которого неоднократно появлялись его статьи.

В 1906 году в Полтаве, в издательстве Шиндлера, вышла брошюра под названием: Имшенецкий Я. К. «Предстоящие выборы в Государственную Думу».

Всего 16 страниц, тем не менее, это важный исторический документ, который не потерялся со временем.

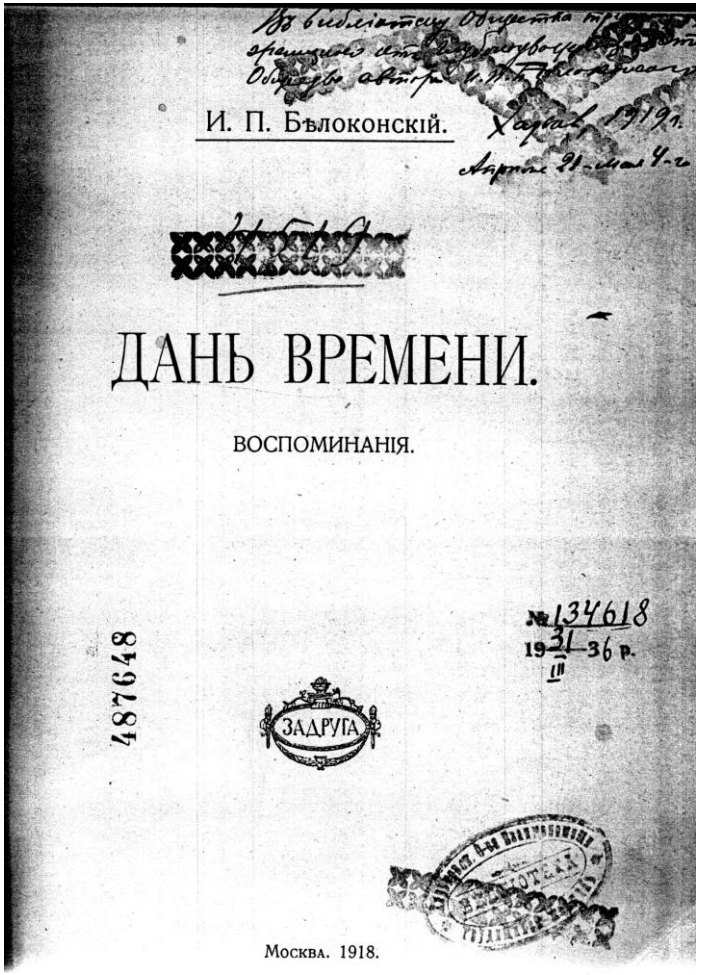
Существование этой брошюры еще раз подтверждает тот факт, что автор имел непосредственное отношение к деятельности Государственной Думы. Поэтому вполне закономерно было обратиться к историческим

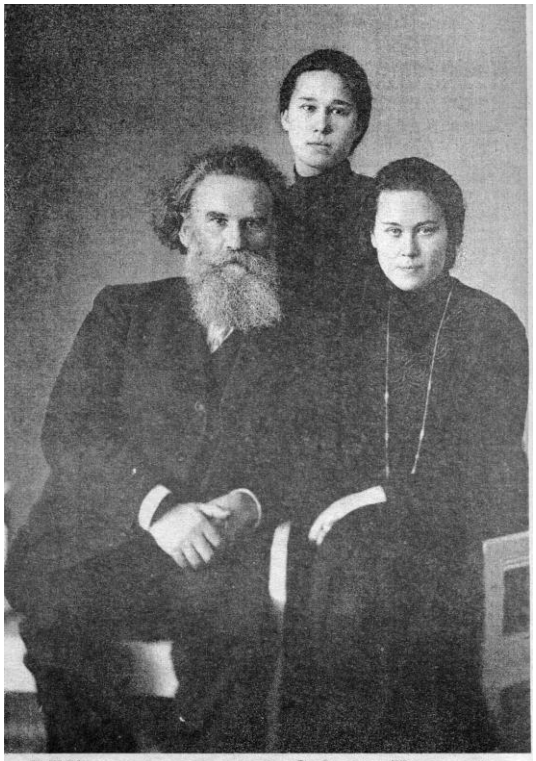
энциклопедиям и словарям.

В 1916 году в Петрограде в частном издательстве «Огни» был издан сборник под названием «К 10-летию Первой Государственной Думы (27 апреля 1906 – 27 апреля 1916». (Пг. Изд-во Огни. 1916. Сборник статей перводумцев).

Среди авторов – видных деятелей Государственной Думы – значится и Я. К. Имшенецкий. В сборнике он поместил краткий очерк воспоминаний под названием «В тюрьме». Приведу несколько отрывков из этой весьма интересной публикации:

- *«… к суме и тюрьме приводят у нас довольно часто такие пути, которые, казалось бы, должны были вести совсем в другом направлении. Пришли к этому и мы, первые русские народные представители, идя по пути выполнения возложенной на нас народом огромной исторической обязанности, стремясь осуществить те народные ожидания, которые налагали на нас огромную ответственность.*
- *…я хорошо помню и теперь то глубокое волнение, какое я переживал в тот день, когда меня выбрали в Полтаве членом первой всероссийской Государственной Думы.*
- *Ощущение принятой на себя огромной ответственности, неуверенность в своих силах, сознание того, что борьба общественности со старым режимом еще далеко не окончена и исход ее еще не предрешен, направляли воображение не на одни только светлые перспективы. Помню, как мое настроение после окончания выборов оказалось под влиянием всех этих нахлынувших мыслей, не совсем совпадающих с тем, какое было широко разлито кругом.*
- *…Я понял, что в тот день избранием нам доверены были самые дорогие надежды, самые заветные желания народа, что от своих избранников*





В.Г.Короленко с дочерьми Софьей и Натальей. Полтава. 1911 г.

население ждало, прежде всего, готовности выполнять принятые ими на себя обязанности до конца, каковы бы ни были условия работы, и каков бы ни был этот конец. Под влиянием этих мыслей настроение как-то быстро выпрямилось, и все сомнения покрылись определенным уже раньше принятым решением.

- *Назначенное по так называемому Выборгскому процессу 3-х месячное заключение, к которому присуждены были 18 декабря 1907 года 156 бывших членов первой государственной Думы за подписание составленного после роспуска Думы воззвания «Народу от народных представителей», я отбывал в Петербурге.*
- *8 мая 1908 года бывшие депутаты в составе 20-ти человек прибыли на выборгскую сторону к воротам одиночной тюрьмы, так называемых «Крестов»… по отношению к нам в тюрьме применяли режим строгий, но без излишних придирок.*
- *…жизнь в тюрьме у меня наладилась довольно быстро, настроение духа почти все время оставалось бодрым, и я довольно систематически работал.*
- *…чтобы дать более ясное представление о характере тюремных настроений, переживаний и всей жизни, я приведу некоторые записи из моего дневника, который я вел в тюрьме*».

В этой публикации мое внимание обратил на себя отрывок из записи в дневнике Имшенецкого:

15 мая.

«Сегодня получил от Владимира Галактионовича его книжку «Отошедшие».

22 мая.

«*Сегодня получил много писем: из Полтавы, Чернигова, Сосницы и Москвы. Особенного в этих письмах ничего нет, но наплыв даже обычных известий извне и*

приветствий вызвал некоторое волнение…

31 мая.

Вчера и сегодня лето. Вчера зацвела желтая акация. Сегодня едва – едва начинают распускаться цветочные почки сирени. Завтра праздник Святого Духа…только один снял свой тюремный колпак и перекрестился. Очевидно, в этой среде «вечерний звон» не наводит тех дум, того настроения, как будит он в деревне.

…я спрашивал у надзирателя, нельзя ли пойти в церковь. Говорит, что уголовные ходят свободно, а политическим нельзя. Надо подавать прошение начальнику тюрьмы… прошение можно подавать только по воскресениям.

5 июня.

Жизнь идет однообразно, а каково же тем, которые сидят не три месяца, а годы, и часто не знают, когда и чем кончится это сидение?

Сколько молодых сил здесь затрачивается зря, тогда как они так необходимы стране и могли бы сделать так много полезного. Получил второе письмо от Владимира Галактионовича, в котором есть скрытый упрек, что не ответил на первое письмо.

Он, очевидно, не знает, что права мои по посылке писем чрезвычайно ограничены: могу послать одно письмо в течение первого месяц заключения, два в течение второго и по одному письму каждое воскресение на третий месяц.

Напрасно он шлет укор, хотя я и не отвечаю, но другого такого внимательного читателя писем, как я, сейчас он не имеет.

Здесь каждое письмо, даже открытка с коротким приветствием внимательно перечитывается, во всяком случае, не менее двух раз.

Владимир Иванович Вернадский в гимназические годы.

В.И. Вернадский в гимназические годы

Короленко, В. Г.

В.Г. Короленко

И. П. Бѣлоконскій.

Евграф Максимович

8 июня.

Только сидя в тюрьме, познаешь истинную долготу суток.

12 июня.

Наслаждаюсь чтением огромной книжищи «Очерк истории украинского народа» профессора Мих. Грушевского…. Прекрасная книжка, очень красиво и увлекательно написана…. Читаю с бесспорным увлечением. На родных полях и равнинах поистине встают живые образы прошлого, которые и трогают, и волнуют, и возмущают. Историку удалось наполнить жизнью и движением ту ушедшую от нас темную даль времен, те бесконечно длинные переливы прошедшей жизни, на последних волнах которых по воле судеб очутились мы, и которые так же властно влекут нас к себе, как и переливы будущего.

20 июня.

Разбираю заметки на полях книг тюремной библиотеки… авторы их обнаруживают очень много фантастической веры в «свои» догмы…. Признание за существующим «буржуазным» государством каких бы то ни было заслуг не допускается…. Полемика между представителями разных толков возникает постоянно и по самым неожиданным поводам, и ведется всегда в формах крайней напряженности.

3 июля.

В настроении здешних жильцов, если судить о нем по заметкам на полях книг, много нервности и еще больше нетерпимости. Особой нетерпимостью отличаются заметки, окрашенные настроением нездорового национализма.

6 августа.

Нас выпустили,… с этим выходом из тюрьмы окончилась самая важная, самая значительная полоса моей жизни. Возложенное на меня в апреля 1906 года поручение я выполнил, как мне повелевали моя совесть и мой разум. Я всегда помнил о принятой мною на себя ответственности и шел без уклонения по тому пути, на какой указывал своим избирателям, как на правильный. Путь этот, в конце концов, привел меня, как и многих мох товарищей по первой Думе, к тюрьме. По той ли дороге мы пошли, по которой следовало, об этом пусть судит история. Мы же сделали то, что сделали».

***

Эти записи передают не только атмосферу заточения и общую настроенность автора, но и свидетельствуют о его постоянном духовном союзе с Короленко. Сам характер этих записей говорит об их добрых отношениях.

Из этой публикации частично виден и облик Якова Имшенецкого, как человека предельно честного и ответственного. Не менее интересна даже простая хронология и фактография его ареста и временного заточения.

***

Зная, что Имшенецкий жил в Полтаве, закономерно обратиться к такому справочному изданию, как «Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины 18 века» (Издательство Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава. 1912).

В этом издании приводится подробная биографическая справка об Имшенецком:

«Имшенецкий Яков Кондратьевич. Родился 21 марта 1858 года в селе Бобе Сосницкого уезда Черниговской губернии.

Иллюстрации:

Имшенецкий Я.К.

И. П. Белоконский.
С фотогр. 1880-х г.г.
Из собр. Музея «Каторга и Ссылка».

4. Межов В. И. История русской и всеобщей словесности. Библиографические материалы. – Спб., 1872.
5. Межов В. И. Систематический каталог русским книгам, продающимся в кн. магазине И. И. Глазунова (1825–1869). – Спб., 1869.
6. Межов В. И. Первое прибавление к систематическому каталогу русским книгам. – Спб., 1870.
7. Межов В.И. Второе прибавление за 1870 г. – Спб., 1871.
8. Межов В.И. Третье прибавление к систематической росписи книгам, продающимся в кн. магазине И. И. Глазунова. – Спб., 1882. – С. 743, 757.
9. Межов В. И. Четвертое прибавление (1881–1882). – Спб., 1884.
10. Межов В. И. Пятое прибавление к систематической росписи книгам, продающимся в кн. магазине И. И. Глазунова (1883–1887). – Спб., 1889. – С. 638, 701.
11. Северный вестник.1887. – № 5. С. 148–150.
12. Указатель статей, помещенных в журнале «Русская мысль» (1880–1889). (б.м.) (б.г)
13. Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. – Пг., 1914. – Т. 3. – С. 191.
14. Русский энциклопедический словарь. Под ред. И. И. Березина. – Спб., 1878. – Т. 3.
15. Русский биографический словарь. Под ред. А. А. Половцева (Ки-Ко). – Спб., 1903.
16. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд. 2-е. – Спб., 1915. – Т. 1. – Вып. 1–3. – С. 404.
17. Скабичевский А. История новейшей русской литературы (1848–1906). 6-е изд. – Спб., 1906. – С. 383–389.

В 1885 году окончил Новороссийский университет.
В 1887 году поступил статистиком в Полтавской губернии земскую управу, принимал участие в основном статистическом описании губернии и в разработке данных этого описания.
В 1893 году – податной инспектор Миргородского уезда, в 1897 г. – полтавского уезда.
В 1902 году – начальник отделения полтавской казенной палаты.
В 1906 году – член первой государственной Думы.
После роспуска Думы – фактический редактор «Смоленского вестника».
С февраля 1909 года – товарищ управления полтавского общества взаимного кредита.
С 1887 года принимает участие в литературе; печатал статьи по общественным и экономическим вопросам в «Русских ведомостях», «Киевских откликах», «Южных записках». Принимал деятельное участие в редакторских комитетах «Хуторянина» и «Полтавщины».
Его работы, кроме газетных и статей:

1. К вопросу о порядках крестьянского землевладения в полтавской губ.
2. К вопросу об основаниях оценки земель, применительно к условиям полтавской губернии.
3. Хуторянин и его читатели.
4. Что такое интеллигенция. – Вестник знания. 1904.
5. Выборный мировой суд. – Московский ежегодник. 1907.
6. Л. Андреев о жизни человека.
7. Интенсификация в крестьянском хозяйстве. – Русское богатство. 1908, и др.».

Названия основных публикаций Я. К. Имшенецкого позволяют продолжить историко-

библиографический поиск.

* * *

В 1993 году в Москве вышел современный биографический словарь: «Политические деятели России в 1917 году». Именно в этом издании и были помещены наиболее полные биографические сведения, которые оказались очень интересными, значительно дополняющими запись Вернадского*:* «Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858-?). Родился в *семье священника.* Окончил семинарию, учился в Московском университете (в 1881 исключен за участие в волнениях студентов), а также в Киевском университете, затем окончил Новороссийский университет (Одесса) в 1885 году.

С 1887 занимался статистикой, в 1893–1906 годы был на государственной службе.

Специалист по экономическим и аграрным вопросам, сотрудничал в столичных и провинциальных газетах. Был близок к «Союзу Освобождения».

В кадетскую партию вступил в год её организации (1905), избран в состав ЦК на 6-м съезде партии (1916): лидер полтавских кадетов.

Вошёл в состав редакций газеты «Народная Свобода» – Думский Листок» и журнала «Вестник Партии Народной Свободы».

Член 1-й Государственной Думы (от Полтавской губернии), выступал на её заседаниях по аграрным вопросам. Подписал Выборгское воззвание, призывавшее население к гражданскому неповиновению; осужден на 3 мес. и лишён права занимать общественные и государственные посты.

После Февральской революции 1917 года выступил 16 марта в Полтаве на собрании, устроенном отделением Партии Народной Свободы, и изложил основные пункты программы партии. Был гласным

Т. 3. Ч. 4. – М., 1982
Т. 4. Ч. 1. (1895–1917). – М., 1983
Т. 4. Ч. 2. – М., 1984
Т. 4. Ч. 3. – М., 1985
Т. 4. Ч. 4. – М., 1986
Т. 5. Ч. 1. – М., 1988
Т. 5. Ч. 2. (Дополнения). – М., 1989. – С. 276
10. Кубанский календарь на 1905 год
11. Кубанский сборник. – Екатеринодар. 1894. – Вып. 3.
12. Кубанский сборник. – Екатеринодар. 1911. – Вып. 11.
13. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. – М., 1957. – Т. 1. –С. 249; – М., 1960. – Т. 4. – С. 246.
14. Венгеров С. А. «Источники словаря русских писателей». – Пг., 1914. – Т. 3. – С. 191.
15. Венгеров С. А. Критико - биографический словарь русских писателей и ученых. Изд. 2. – Пг., 1915. – Т. 1. – Вып. 1–3. – С. 404.
16. Энциклопедія українознавства. – К., 1996. – Т. 3. – 1140 с.
17. Новый энциклопедический словарь. Под редакцией К. К. Арсеньева. – Пг. Т. 22. (б. г.). – 829 с.
18. Польовий Р. Кубанська Україна. – К., 2002. С. 145.

Часть 2.

1. Первый систематический каталог книг ХОБ. – Х., 1887.
2. Каталог ХОБ (Правленский). – Х., 1890, 28.
Т. 1. – Х., 1897.
Т. 2. – Х., 1901.
Т. 3. – Х., 1908.
Т. 4. – Х., 1913.
3. Систематический указатель журнала «Киевская старина» (1882–1906). –Полтава, 1911. – С. 14, 34.

Глава 7.
Часть 1.

1. Первый систематический каталог книг ХОБ. – Х.,1887.; Каталог ХОБ (Правленский). – Х.,1890, 28; Каталог ХОБ. – Т. 1. – Х.,1897. – Т. 2. – Х.,1901. – Т. 3. – Х., 1908. – Т. 4. – Х.,1913
2. Каталог книг за 1892 год русского общества книгопродавцов и издателей. – Спб., 1893. – С. 42–43
3. Систематический указатель журнала «Киевская старина»(1882–1906). – Полтава, 1911. – С. 34
4. Межов В.И. Систематическая роспись книг, продававшихся в книжном магазине И. И. Глазунова.: Первое прибавление. – Спб., 1870. Второе прибавление за 1870. – Спб., 1871.
Третье прибавление. – Спб.,1882. – С. 411
Четвертое прибавление(1881–1882). – Спб.,1884.
Пятое прибавление (1883-1887). – Спб., 1889. – С. 638, 701
5. Историко-филологический факультет за первые сто лет харьковского университета. (1805–1905). Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. – Х.,1912. – С. 127
6. Назаренко В. Ю. ХИФО // Вопросы литературоведения. – Х., 1999
7. Харьковский календарь. – Х., **1887–1897**
8. Адрес – календарь: Общая роспись начальствующий и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1878. – Спб., 1878. – Ч. 1–2
9. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах.
Т. 2. Ч. 2. (1801–1856). – М., 1978
Т. 3. Ч. 1. (1857–1894). – М., 1979
Т. 3. Ч. 2. – М., 1980
Т. 3. Ч. 3. – М., 1981

полтавской Городской Думы.
На 8-м съезде партии 11 мая сделал доклад по национальному вопросу:
«Лозунг – «Автономия Украины» смутно воспринимается широкими слоями населения, но они инстинктивно чувствуют, что у них есть какие-то более широкие национальные требования, и они уже не мирятся на том, чтобы им было разрешено читать книги на украинском языке. Но наряду с этим, также определенно выявилось и другое: при всех положениях, при всех постановках вопроса прямо, определенно, решительно и даже со страстностью, народ всегда заявляет, что ни о каком отделении от России не может быть и речи. С этим сознанием общности народной надо считаться, дорожить им, и, в этих целях, надо указать украинскому народу путь к осуществлению его национальных требований.... Опасность разъединения и распада государства по отношению к Украине нереальна, потому что разделить территорию Украины от России никаким образом нельзя, чтобы на Украине не осталось ни одного русского, и наоборот». Этот текст был напечатан в «Вестнике Партии Народной Свободы».
Читаем дальше: «Вместе с другими делегатами-украинцами Имшенецкий возражал против проекта резолюции по национальному вопросу, который предусматривал предоставление в вопросах хозяйства, культурной жизни губернии или области самоуправления, но при контроле со стороны общегосударственных властей, вплоть до отмены постановлений. И вопрос был отложен до созыва Учредительного Собрания.
На съезде избран вновь в Центральный Комитет. 9 июля 1917 года Имшенецкий выступил на 1-м общем собрании партии в Екатеринославе и указал, что нахождение партии на крайнем правом фланге – явление

временное и «не должно приводить в смущение», и что партия вскоре займёт место в центре, которое она занимала ранее. На 9-м съезде партии избран кандидатом на выборы в Учредительное Собрание от Полтавской и *Черниговской губерний.* Выдвинут в кандидаты в Учредительное Собрание и от полтавского отделения партии (по списку № 3 *под первым номером*). В августе 1917 года вошёл в новый состав Городской Думы и в её финансовую комиссию. Член Предпарламента. О*ктябрьские события в Петрограде встретил крайне негативно.* 12 ноября 1917 года на заседании полтавской Городской думы был оглашен Универсал украинской Центральной Рады об объявлении Украинской Народной Республики. Имшенецкий выступил с речью, в которой поддержал намерение Центральной Рады бороться с анархией и гражданской войной, её попытки «наладить жизнь, устроить порядок при посредстве местных органов» в условиях, когда «центральной власти государства» «совершенно нет». По мнению Имшенецкого: «... и Рада, и Секретариат приступили к этому делу не с той государственностью и осторожностью, не с тем сознанием ответственности, какое естественно было предъявить к этому случаю, а с чисто большевистской демагогией. Вводить коренные изменения государственного строя в крае, пользуясь разрухой, почти накануне открытия Учредительного Собрания, это ни в коем случае не значит укреплять власть. Упразднение росчерком пера права собственности на землю, введение 8-часового рабочего дня, преобразование суда, и всё это с чисто ленинской решительностью и легкомыслием, может только обострить гражданскую войну и разруху. Обещание заставить союзников и врагов немедленно начать переговоры о мире звучит совершенно по-большевистски и является чистой демагогией. И пока

Глава 6.

1. Баландин Р. К. Отсвет вечности // Природа. – 1987. – № 3. – С. 125–128.
2. Комментарии к Дневникам 1921–1925 гг. // Наука. – М., 1998. – С. 158.
3. Короленко Е. М. По поводу свежих событий в Польше. – СПб., 1863. – С. 4, 41–42.
4. Короленко В. Г. История моего современника. – М., 1930. – С. 127–131
5. Короленко В. Г. История моего современника. Кн. 1–2. 1948. – С. 440–441
6. Короленко В. Г. История моего современника. – М., 1965. – С. 436–437, 463, 472, 916–917
7. //Природа. – 1988. – № 2. – С. 82–93
8. Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 5. № 74
9. http://www.libun.ru/book1710/page2.html
10. https://isir.ras.ru/vivernadskyarchive/7_actview.aspx?id=3560 – 15
11. http://www.ael.ru/iatp/2003/efimova/EKOLOG/tema/te...
12. http://intervud.ru/all/memoirs/a/3850.5.html - - intervud.ru (всего 2)
13. .www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors
14. http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/moch02i.htm
15. http://ref.neword.ru/sectref/type73/element6130
16. http://www.reflist.ru/doc/11217.shtml - www.reflist.ru
17. http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/balandin.h
18. http://amdor.ru/belees/memoirs/b/11104.
19. http://zapravdu.ru/istoriya-rossii/russkie-i-nerus...

3. Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1911). – М.,1990. – 285 с.
4. Вернадский В.И. Дневники (1918–1921). – К., 1994.
5. Вернадский В. И. Дневники (1926–1934).. – М., 2001. – С. 392–394, 416-417.
6. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. – М., 1981. – С. 17.
7. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. – К., 1908–1914. – Т. 1–4.
8. www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors
9. http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/moch02i.htm
10. http://www.ael.ru/iatp/2003/efimova/EKOLOG/tema/te...
11. ttp://intervud.ru/all/memoirs/a/3850.5.html
12. www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors
13. http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/moch02i.htm

Глава 5.

1. Вернадский В. И. Дневники (1918–1921). – К., 1994. – С. 71 – 72.
2. В.И. Вернадский. Дневники (1926-1934 гг.) // Наука. – М., 2001. – С. 392-394, 416–417.
3. Корнилов А. Воспоминания // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 108–129.
4. Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Дружба народов. – 1991. – № 3. – С. 241–269.
5. Вернадский В. И. Дневник 1941 года // Новый мир. – 1995. – № 5.

Рада будет идти этим явно большевистским путём, она не может дать Украине ни мира, ни земли, ни порядка». Предложенная им резолюция была отклонена».
Автор этой статьи М. Е. Голостенов заключает: *« Дальнейшая его судьба неизвестна*».

***

Отсутствие даты смерти Имшенецкого кажется непонятным, тем более, что в аннотированном указателе книг и публикаций в журналах «История дореволюционной России» (М. 1982. Т. 3. Ч. 4. С. 67), где называются две его публикации, указаны обе даты его жизни: (1858–1938), что находится в полном соответствии с дневниковой записью Вернадского.
В этом современном справочном издании «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах». (Т. 5. Ч. 2. Доп. к т. 1–5. Ч. 1. М. 1989) приведены следующие краткие сведения: «*Я. К. Имшенецкий (1858–1938) – статистик, общественный деятель, депутат Первой Государственной Думы».*
Таким образом, дата его смерти установлена окончательно. Он пал еще одной жертвой сталинского режима и погиб в ГУЛАГЕ!

***

Вновь обратимся к тексту дневника Вернадского, датированного печальным 1938 годом, а вернее, к примечаниям к записи об аресте Имшенецких.
«Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858 – ?) – экономист, начальник отдела Казенной палаты в Полтаве, председатель местного комитета конституционно – демократической партии, с 1916 – член ЦК, член комиссии по выборам в Государственную Думу от кадетов.
Весной 1918 принимал участие в попытке создать

украинскую к.-д. партию (член комиссии по уставу и программе).
В ноябре 1919 вышел из состава партии вследствие идейных разногласий.
После 1920 работал в кооперации. *Судьбу после ареста в 1938 выяснить не удалось».*
И еще: «Имшенецкий Александр Яковлевич (1887–1967) – юрист, выпускник юридического факультета Московского университета, служил помощником присяжного поверенного в Полтаве. По ложному обвинению осужден и сослан в 1938, реабилитирован в 1959».
Светлая память всем, кто стал жертвой сталинских лагерей.
Хотелось завершить этот этюд не на печальной ноте, и потому я выбрала другое направление уже, казалось бы, завершающегося поиска: а как имя Имшенецкого отражено в литературе о Короленко?

***

В книге «Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской» **(**М. 1930.), упоминается о том, что Я. К. Имшенецкий писал Короленко в сентябре 1915 года, когда тот отдыхал у младшего брата. В примечаниях к этим письмам есть уточнение: «*Имшенецкий Яков Кондратович (р. 1858), полтавский общественный деятель, близкий к семье В. Г. человек*».

***

В книге П. И. Негретова «В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1921)» **(**М. 1990**),** вышедшей под редакцией А. В. Храбровицкого, на страницах 185, 200, 201 и 218 приведены чрезвычайно важные материалы, лишь частично дополняющие этот сюжет. Воспроизведу наиболее интересные из этих документов:

42. http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/007/010/10305.htm
43. http://www.rulex.ru/01021343.htm
44. Негретов П. И. В. Г. Короленко.: Летопись жизни и творчества (1917–1921). – М.,1990. – 285 с.

Глава 3.

1. Короленко В. Г. О литературе. – М., 1957. – С. 487.
2. Гиперборей. – Пг., 1913. – № 1.
3. А. Блок. Собрание сочинений в 6-ти томах. – М., 1971. – Т. 5. – С. 463.
4. Известия по литературе, науке, библиографии. – Пг., 1917. – № 1.
5. Овсянико - Куликовский Д. Н. Собр. соч. – Спб., 1912. – Т. 5. – С. 74.
6. Короленко В. Г. Собрание соч. в 10-ти томах. – М., 1956. – Т. 10.
7. Чапыгин А. Жизнь моя. – Л., 1934. – С. 256.
8. Летопись. – Пг., 1917. – № 3–4.
9. Голлербах. – Вестник литературы, театра и искусства. – Пг., 1922. – № 16.
10. Богема. – Пг..1915. – № 5–6. – С. 46.
11. Короленко В. Г. Письма к А. Г. Горнфельду. – Пг.,1924.
Архивные источники отражены в самом тексте.

Глава 4.

1. Мочалов И. И. В. И. Вернадский и религия. – М., 1991.
2. Мочалов И. И. Братья Владимиры: социальная ориентация В. Г. Короленко и В. И. Вернадского в последние годы жизни // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2002 г. М.: Диполь-Т. 2002.

Т. 1. – С. 567**.** *(В этом источнике неверно указан год смерти – 1930 год, в то время как И. Белоконский умер 7 февраля 1931 года – С.Ш.)*
24. Деятели революционного движения в России. Био - библиографический словарь. – М., 1933. – Т. 3. Вып. 1. 80-годы. (А–В). – С. 250–251.
25. interpretive.ru/?word=42340&wn
26. www.strelna.ru/ru/comments/encyclopedia/266281.htm 15КБ
27. www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=9495
28. http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/1331http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/1331
29. http://www.onb.kursk.ru/cyclopedia/doc/BELOKONSKIYj%20IP.html
30. http://www.myorel.ru/tv/?article=287http://www.myorel.ru/tv/?article=287
31. http://www.nlr.ru/res/epubl/zemstvo/p3.htm Земство и библиотечное дело: по материалам общероссийской печати (1864-1917).
32. www.duma.gov.ru/100let/4_1_3_1.html 25КБ 25.11.2005
33. www.democracy.ru/library/bibliodict/biblio/page4.html 196КБ
34. www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem4/19.php 21КБ
35. interpretive.ru/?word=42340&wn=.
36. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/69426
37. http://www.vgd.ru/index.php?t=55056&IB2XPvgd_=ad6ef755f043d8...
38. http://www.rulex.ru/01021343.htm
39. http://mirimen.com/co_beo/Belokonskij-Ivan-Petrovich-6AE.htm...
40. http://mirslovarei.com/content_beo/Belokonskij-Ivan-Petrovic...
41. www.gumer.info (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem4/in

- **7 января 1921 года.** Письмо к дочери о разгроме их дачи в Шишаках Полтавской губернии. Приписка Е. С. Короленко: *«В. Г. очень слаб. Ходит плохо и говорит тяжело и тоже плохо, хотя свое работает хорошо. Пишет «Историю моего современника»*…» (ЦГАОР ф. 1137. В. И. Вернадский. Оп. 1, ед. хр. 508).

- **20 мая 1921 года.** Я. К. Имшенецкий пишет из Полтавы земскому деятелю И. П. Белоконскому: «*Владимир Галактионович постепенно уходит заживо из жизни. Сознание у него, насколько можно видеть, совершенно ясное, но средства общения с окружающей жизнью очень слабы: слышит плохо, но все же слышит, и ему можно без особого затруднения сообщить все. Но речь и передвижения очень затруднены. При его общительном характере это его очень гнетет. Смерть его зятя, Ляховича, очень ухудшила его состояние»* .

- **21 мая 1921 года.** Из письма Короленко к П. В. Мокиевскому:
«*Уже хлопоты о «смертниках» (бытовое явление) доставляли много волнений, а теперь… одно время я не выходил из Чрезвычайки. Представьте себя, как на нервного человека должна действовать необходимость сообщать женам о том, что мужья уже расстреляны раньше, чем возбуждены хлопоты и тому подобные прелести. А мне это приходилось нередко. На днях (около месяца назад) мне пришлось испытать эти прелести в своей семье. Мой зять (меньшевик) был арестован, в тюрьме заразился и 17 марта (апреля) мы его похоронили. Можете представить, как это должно было подействовать на меня. Человек был превосходный, и мы все его очень любили…»*

• **13 августа 1921 года** Короленко пишет общественному деятелю и члену редколлегии издательства «Задруга» С. Д. Протопову: «*Здоровье мое довольно плохо, а тут меня выбрали почетным председателем Комитета помощи голодающим. Силы мои уже не прежние, но делаю, что могу, хотя стараюсь не утомляться…. Обратился и к местным статистическим силам. Здесь есть люди очень серьезные, в том числе бывший сотрудник Ник. Фед. Анненского – Аронский и еще Як. К. Имшенецкий, с которыми и предстоит мне сегодня поработать».*

Последняя фраза свидетельствует о многом, и, прежде всего о том, что общение Короленко с Имшенецким было постоянным. А вот, над чем именно им предстояло поработать, остается неизвестным…

***

Софья Владимировна Короленко в «Книге об отце» (Ижевск. Изд-во Удмуртия. 1968.) упоминает об Имшенецком, но главное, указывает на то, что это был *близкий* знакомый писателя и всей семьи в целом.

В главе «Переезд в Полтаву» читаем: «В *августе 1900 года мы с матерью приехали в Полтаву, где М. И. Сосновский нашел нам квартиру в доме П. П. Старицкого на Александровской улице. Теперь этого небольшого домика с крутым крыльцом, выходившим на две улицы, уже нет… отец приехал позже, 11 сентября. Круг знакомых нашей семьи составляли, главным образом, бывшие ссыльные, из которых иные встречались с Короленко еще во время его ссылки.*

Это был круг, по характеристике отца «третьего элемента» – работников статистики, земских учреждений, с-х. Общества: М. И. Сосновский, А. Э. Смиренко, Л. Г. Левенталь, Н. В. Аронский, А. И. Белинская, Я. К. Имшенецкий, К. К. Лисовская».

В примечаниях, помимо прочего, приведены и даты

7. Белоконский И. П. Дань времени. Предисловие А. Константинова. 2 изд. – М. 1928. С. 174.
8. Белоконский И. П. В годы бесправия.: Дань времени. – М., 1930. – 160 с.
9. Короленко С. В. Книга об отце. – Ижевск, 1968. С. 325.
10. Короленко В. Г. История моего современника. Т. 5. – М., 1929. С. 210.
11. Белоконский И. П. Цензурная нецензурность. Отрывки из воспоминаний литератора. – В сб.: В защиту слова. – Спб., 1905. С. 224–234.
12. Каторга и ссылка. – 1927. – № 8. С. 161–162.
13. Сб-к: О голоде. – Х., 1922. С. 8–9.
14. Белоконский И. П. Земское движение. Изд. 2-е. – М., 1914. – 397 с.
15. Белоконский И. П. Отрывки из воспоминаний. // Голос минувшего. – 1914. – № 3. С. 135–155.
16. Белоконский И. П. Отрывки из воспоминаний. // Голос минувшего. – 1914. – № 4–5. С. 154–174.
17. Белоконский И. П. Отрывки воспоминаний. // Голос минувшего. – 1914. – № 7. С. 138–163.
18. Белоконский И. П. Отрывки из воспоминаний. // Голос минувшего. – 1914. – № 12. С. 138–166.
19. Белоконский И. П.. «Земское движение. Изд. 2-е, исправленное, значительно дополненное и иллюстрированное 260 портретами земских и общественных деятелей и группами». – М., 1914. Издательство «Задруга». – 397 с.
20. Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь.– М., 1989. – С. 223. Писатели Орловского края. – Орел, 1981. – С. 27 – 31.
21. Павлов А.В., Чухно, Симиренко Л. П. // Наукова думка. – К., 1980.
22. Исторический обзор деятельности Х. О. Г. (1869–1909). – М., 1911. – С. 97.
23. Українська Радянська Энціклопедія. – К., 1959. –

16. Имшенецкий Я. К. В. Г. Короленко в Полтаве. – В кн.: О голоде. – Х., 1922. – С. 10–17.
17. Имшенецкий Я. К. Памяти В. Г. Короленко. – В кн.: Первая годовщина смерти В. Короленко. – Полтава, 1922. – С. 3.
18. Энциклопедія українознавства.– К., 1993. – Т. 1. – С. 212 (укр. яз.).
19. history.municip.ru/win/bibl-11.htm
20. http://hrono.rspu.ryazan.ru/biograf/imshecki.html hrono.rspu.ryazan.ru
21. http://www.nbuv.gov.ua/vernadsky/e-texts/archive/l-vasilenko.html
22. http://www.rubricon.com/ann/pdr/10_i/10_i9512.asp
23. http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/l-vasilenko.html
24. http://politbook.ru/content174151/
25. politbook.ruhttp://politike.ru/dictionary/477/word
26. http://www.forum.inway.su/archive/index.php/t-745.
27. http://inform-t.ru/show.aspx_symb_8&page_64.php -
28. *http://www.kodeks.ru/*
29. http://www.vgd.ru/I/iluhin.htm

Глава 2.

1. Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому // Задруга. – М., 1922. – С. 90.
2. Белоконский И. П. Дань времени. – М., 1918. – 368 с.
3. //Южный край. – Х., 1918, – 26 июня.
4. Короленко В. Г. История моего современника. – М., 1965. – С.631, 638, 988.
5. Короленко В. Г. Письма к П. С. Ивановской. – М., 1930. – 279 с.
6. Негретов П. Н. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1921). – М., 1990. – С. 17, 101, 106, 127, 140, 174–175. 182, 200–204.

жизни Имшенецкого: «Имшенецкий Я. К. (1858–1938) – *близкий знакомый семьи Короленко в Полтаве».*

***

Скупые, но в то же время значительные подробности о друге Короленко я обнаружила в современном издании многолетней сотрудницы музея им. В. Г. Короленко Л. К. Гейштор: «Вблизи Короленко». (Полтава. 2001.).

Читаем: *«С мая 1923 года в работе редакционной комиссии постоянно принимали участие, кроме Евдокии Семеновны и Софии Владимировны (представителей), следующие члены комиссии: редактор – консультант А. Е Грузинский, лит. работник А. Л. Кривинская, А. Я. Имшенецкий, литературный критик А. Б. Дерман (Москва), литературный работник Т. А. Богданович (Ленинград). Они жили в Полтаве или при надобности приезжали сюда. Комиссия начала с выработки общего плана построения собрания сочинений и распределения материала по томам. План был оригинален, впоследствии его изучали специалисты».*

Так стало известно, что сын Имшенецкого входил в состав редакционной комиссии по увековечиванию памяти писателя и изданию его полного собрания сочинений. Значит и А. Я. Имшенецкого можно отнести к числу близких людей семьи Короленко.

Л. К. Гейштор в своей книге приводит чрезвычайно интересный документ – перечень лиц, которые отправлялись как члены семьи писателя в эвакуацию.

Читаем: «*Эшелон направлялся на Урал в Свердловск. В фондах музея хранится документ – удостоверение, выданное переселенческим отделом исполкома Полтавского областного совета депутатов трудящихся от 31. 08. 1941 г., где перечислена семья Короленко. Список длинный:*

1. Короленко С.В. – 54 года.

2. Ляхович Туся. – 2 года.
3. Кривинская Анна Леопольдовна. – 65 лет.
4. Кривинская Любовь Леопольдовна. – 54 года.
5. Рабинович Роза Александровна. – 59 лет.
6. Александровская Татьяна Борисовна. – 15 лет.
7. Имшенецкая Антонина Яковлевна. – 52 года.
8. Имшенецкая Татьяна Александровна. – 27 лет.
9. Имшенецкая Юлия Бенционовна. – 3 года.
10. Имшенецкий Марк Бенционович. – 1 год.
11. Короленко-Ляхович Наталья Владимировна. – 52 года.

Из 11 человек собственно членов семьи Короленко – 3, друзья и их дети – 8. Из них – 5 евреи». Четверо – это члены осиротевшей семьи Имшенецких, оставшиеся после ареста Якова Кондратьевича и Александра Яковлевича. Судя по отчествам, Антонина была дочерью Я. К. Имшенецкого, а Татьяна – дочерью Александра Имшенецкого. С ними крошечные дети. Документ достаточно красноречив.

***

На сайте «Всероссийское генеалогическое древо» обнаружился ряд новых и очень интересных сведений об Имшенецком и членах его семьи:

«ИМШЕНЕЦКИЙ ЯКОВ КОНДРАТЬЕВИЧ 1858, с. Баба Сосницкого уезда Черниговской губернии. *Сын священника*. У него дворовое место и 3 десятины земли родового имения в Сосницком уезде Черниговской губернии. Окончил Новороссийский университет со званием действительного студента. Канцелярский чиновник Черниговской казенной палаты, 4.2.1886.Уволен в отставку по домашним обстоятельствам 19. 6. 1886. Статистик Полтавской губернской земской управы 1. 4. 1887. И. д. податного инспектора Миргородского уезда Полтавской губернии

Список литературы

Глава 1.

1. Вернадский В. И. Дневник 1938 года. – www.srcc.msu.su/uni-persona/vernadsky/1938.htm
2. Вернадский В. И. Дневники 1917–1919. – К., 1994. – http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/l-vasilenk...
3. Имшенецкий Я. К. Мелкий кредит и его значение в народном хозяйстве. – Полтава, 1913. – 23 с. Библиотека журнала Хуторянин.
4. Имшенецкий Я. К. Предстоящие выборы в Государственную думу. – Полтава, 1906.
5. Имшенецкий Я. К. В тюрьме. – В кн.: К 10-летию Первой Государственной Думы. Пг., 1916. – С. 130–143.
6. Павловский И. Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины 18 века. – Полтава, 1912. – С. 78–79.
7. //Исторический архив. – 1999. – № 1. – С. 185.
8. Политические деятели России в 1917 году. – М., 1993. http://slovari.yandex.ru/dict/pdr/%D0%98
9. //Вестник партии народной свободы. – 1917. – № 14 – 16. – С. 14.
10. История дореволюционной России в дневниках и документах. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. – М., 1982. Т. 3. Ч. 4. С.67.
11. Короленко В. Г. Письма к П. С. Ивановской. – М., 1930. – С. 173, 179, 181, 185.
12. Негретов П. Н. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1921). – М., 1990. – С. 200, 201, 218.
13. //Вестник литературы. – 1921. – № 10. – С. 15.
14. Короленко С. В. Книга об отце. Предисловие А. Западова. Примечания М. Л. Кривинской. – Ижевск, 1968. – С. 53.
15. Гейштор Л. К. Вблизи Короленко. – Полтава, 2001. – С. 29, 216.

Эпилог

Вспомним слова Лавра Короленко: «Прожив много лет в помещичьей среде наших степных помещиков *новороссийского края*»... Можно предположить, что он мог быть земляком Прокопия Короленко, поскольку последний был историком кубанского и запорожского казачества, и даже писал на украинском языке. Возможно, научные интересы Прокопия Короленко могли быть обусловлены какими-то скрытыми биографическими обстоятельствами. Он тоже издавался в Киеве с 1874 года, т. е. практически в то же самое время, что и Лавр (с 1877 по 1885 год). Они вполне могли знать друг о друге и, более того, даже состоять в дальнем родстве. Вполне возможно…

Историк литературы А. Скабичевский в биографическом очерке, посвященном жизни и творчеству В. Г. Короленко, отмечал, что «*прадед писателя был запорожским казаком».*

Не исключено, что у всех у них могли быть одни и те же родовые истоки, разные ветви которого уходят в глубокую старину.

В этом ряду имен Лавр (1822–1886) был самым старшим, Прокопий (1834–1913) шел вслед за ним. Быть может, Владимир Галактионович знал о них, во всяком случае, о трудах Прокопия Петровича Короленко, столь плодотворно и достойно трудившегося на протяжении долгой жизни. И хотя все они принадлежали к разным поколениям, тем не менее, их объединяло то, что каждый по-своему оказался причастен к истории и культуре Украины. Как и первые произведения Владимира Короленко, так и сочинения его «двойников», читались в одно и то же время первыми посетителями и читателями Харьковской Общественной Библиотеки, в настоящее время носящей имя достойнейшего человека XX столетия – Владимира Галактионовича Короленко.

21. 5. 1893. В 1915 году надворный советник, управляющий Полтавским обществом взаимного кредита и член совета кооперативного отделения Полтавского общества сельского хозяйства. (Полтава, 1915 г.). Губернский секретарь, ст. 4. 2. 1886, 15. 7. 1894. Коллежский секретарь, ст. 6. 1. 1896, 20. 5. 1896.Серебряная медаль в память царствования императора Александра III для ношения на груди на александровской ленте, 26.2.1896. Св. Станислав 3 ст., 13.4.1897. И.д. податного инспектора Полтавского уезда, 14. 7. 1897. Титулярный советник, ст. 6. 1. 1899, 23. 7. 1899. Св. Анна 3 ст., 1. 4. 1901. Утвержден в занимаемой должности, 26. 11. 1901. Начальник IV отделения Полтавской казенной палаты, 28. 5. 1902. Пребывал в этой должности в 1905 году. *Давал объяснения 27. 9. 1905 в том, что он не занимался активной общественной деятельностью и не высказывался об образе деятельности правительства. З*емский статистик в Полтавской губернии. Управляющий делами Полтавского общества взаимного кредита. В 1913 – член Совета Центрального банка обществ взаимного кредита.

Жена: МАРИЯ ЗАХАРЬЕВНА урожденная СЕРБИНОВИЧ, дочь священника. Дети:

БОРИС 19. 9. 1885. Заведующий земской ремесленно-учебной мастерской в местечке Сорочинцы. (м. Сорочинцы, Полтавской губернии, 1915 г.).

- АЛЕКСАНДР, 21. 3. 1887.
- АНТОНИНА, 15. 1. 1889.
- ВИКТОР, 27. 10. 1891.
- АНДРЕЙ. Помощник присяжного поверенного. (Полтава, 1915).
- АННА. Классная надзирательница Кобелякской

женской гимназии, (г. Кобеляки, Полтавской губернии, 1915)».

Заметим, что в этом источнике послужной список Якова Кондратьевича Имшенецкого более полный, чем в других справочных изданиях, хотя события его жизни прослежены только в дореволюционный период. Если ранее было известно только об одном его сыне – Александре, который также был достаточно близок семье Короленко, то теперь стали известны сведения и о других детях Имшенецкого – старшего.

Благодаря этому источнику, начатый историко-библиографический поиск дает надежду на новые находки в будущем.

Приложение 1. Слово Имшенецкого о Короленко

В отделе редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко бережно сохраняются две публикации Имшенецкого о Короленко:

1. Я. К. Имшенецкий. В. Г. Короленко в Полтаве. – В кн. О голоде.

В этой публикации кратко рассматривается тема «Короленко и полтавская интеллигенция. Участие Короленко в общественной жизни Полтавы».

2. Имшенецкий Я. К. Памяти В. Г. Короленко. – В кн. Первая годовщина смерти В. Короленко. – (Полтава. 1922.)

Издателем была общественная организация под названием «Лига спасения детей», в которой деятельно работал писатель и его дочь Софья.

В публикации Имшенецкого ярко выписан духовный облик В. Г. Короленко. Оба издания представляют собой подлинные раритеты. В этих работах Я. К. Имшенецкий,

году.

В истории литературных двойников и курьезов, в данном случае связанных с жизнью и ранним периодом творчества Владимира Галактионовича Короленко, трудно переоценить важность обнаруженных сведений и особенно последней находки о Лавре Короленко.

биографическим словарям в поиске дат жизни этого беллетриста положительного результата, к сожалению, не дало. И лишь в издании С. А. Венгерова «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых (от начала русской словесности и до наших дней)» (Пг. 1915) прежние библиографические сведения были дополнены. Стали известны даты жизни Лавра Короленко, что представляется чрезвычайно важным и существенным: «*Лавр Григорьевич Короленко, беллетрист, подполковник. Умер 18 января 1886 года 64-х лёт».*

Поскольку он умер в самом начале 1886 года, то вряд ли мог увидеть в печати свое «полное собрание сочинений», о котором, надо полагать, он мечтал…

***

Лавр Григорьевич Короленко(1822 – 1886) был старшим современником В. Г. Короленко и вполне мог знать о блистательном начале литературной деятельности писателя.

Владимир Галактионович Короленко дебютировал рассказом «Сон Макара», напечатанным журналом «Русская мысль» в мартовском номере 1885 года. Уже первое его произведение обратило внимание и публики, и критики. Образы его были ярки и сочны, юмор весел и задушевен. Критик А. Скабичевский писал: «*Общий голос по прочтении этого произведения был тот, что ничего подобного в нашей литературе до такой степени сильного и поразительного не появлялось».*

Затем последовали его «Очерки сибирского туриста» в первых номерах «Северного вестника» в 1885 году. В том же году появилась и повесть «В дурном обществе», еще больше упрочившая известность автора. Но верхом совершенства, лучшим, что было до сих пор написано Короленко, является «Слепой музыкант», напечатанный в «Русской мысли» в 1886

используя несколько конкретных фактов и событий в биографии писателя, приходит к интересным обобщениям. Заслуживают внимания его мысли о газете «Полтавщина», о жестокости и ее предотвращениях авторитетом Короленко. Особенно проникновенны его мысли о заветах всей жизни Короленко.

На пожелтевших от времени страницах круг авторов значителен равно, как и названия самих публикаций. Приведу часть из них:

- А. Дерман. Яркий свет правды и любви к человеку. Полтава. 25. 12.
- Гр. Коваленко. Спомін про великого громадянина.
- Я. Козаков. «Еврейский вопрос» в освещении В. Г. Короленко.
- Л. Круповецкий. В. Г. Короленко и дети.
- А. Кривинская. В. Г. Короленко у германских властей в Полтаве.
- И. Дорошев. На спомін В. Г. Короленка.
- Б. Сигалов. Из воспоминаний рабочего-печатника.
- Я. Повзнер. В малом – велик.
- Ф. Покровский. Александр III и Короленко (из журнала «Былое».1918. № 13).

Этот своеобразный сборник открывался стихотворением Дмитрия Якубовича:

«Проснись, Макар!
Ты помнишь поселенца,
Который близ тебя
В убогой юрте жил, –
По нраву он тебе напоминал младенца
И сны твои выслушивать любил».

Тексты этих публикаций забыты, а ведь они во многом

интересны, и потому приводятся полностью в специальном приложении.

1
Памяти В. Г. Короленко.
Первая годовщина смерти.

- «Все, что совершается в жизни, подчинено « закону достаточного основания», всё имеет свои причины и все может быть объяснено. Но кроме холодного разума, познающего эти причины, людям дано и трепетное сердце, дана « воля жизни», оценивающая и направляющая эту жизнь.
- Роль и влияние разума и сердца на склад той или другой индивидуальной жизни не одинаковы: у одних характер жизни определяется преимущественно указаниями разума, у других – велениями сердца.

В.Г., несомненно, принадлежал ко второму типу: не вопросы познания и объективного постижения мира владели его настроениями, не они направляли устремления его великой души; эти вопросы, конечно, не были совершенно чужды, но преимущественное внимание он отдавал не им, а вопросам справедливости, вопросам людских отношений.

- Не столько устремления к холодной истине, сколько жажда водворения в жизни правды и человечности определяли жизненный путь В. Г.
- И в своей художественно-литературной деятельности он был, прежде всего моралистом, в том смысле, что вопросы правды и человечности он ставил в центре своего художественного внимания.
- Горячая отзывчивость В. Г. на эти именно вопросы, однако, очень часто отвлекала его от его художественной работы, и он шел навстречу и на

как своеобразные памятники своего времени, таким удивительным образом причастные к творческой биографии Владимира Галактионовича Короленко.

Обратим внимание еще на одну крошечную, но интересную деталь: на последней странице петербургского журнала «Северный вестник» было помещено объявление о том, что в книжную торговлю специально для иногородних поступили книги:

И. П. Белоконского. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. (Орел.1887). Автор этих очерков был большим другом Владимира Короленко. Но вслед за этими сведениями упоминается полное собрание сочинений Лавра Короленко (Спб.1887).

В заключение хочется отметить, если бы библиограф В. И. Межов не выполнил свою работу столь профессионально, то нам трудно пришлось бы в поисках «литературного двойника» Владимира Галактионовича Короленко.

***

Когда этот историко-библиографический поиск, казалось, был уже полностью завершен, последовала еще одна поразительная находка.

Так, в дореволюционном справочном издании известного историка русской словесности и библиографа С. А. Венгерова «Источники словаря русских писателей» (Пг. 1914), помимо сведений о В. Г. Короленко, напечатаны сведения и о его «литературном двойнике»: *«Лавр Короленко, беллетрист. 1870 – 1880. Отзыв о его Полном собрании сочинений (1884) напечатан в журнале «Северный вестник». 1887. № 5».*

Таким образом, нашёл подтверждение сам факт реальности существования такого беллетриста, как Лавр Короленко, чьи сочинения удостоились даже рецензии.

Однако обращение к дореволюционным

видно, что полное собрание сочинений Лавра Короленко было предпринято еще при его жизни, и он сам его пересмотрел, исправил и дополнил, но затем умер, не дождавшись выхода издания в свет (важная деталь, как косвенное указание на то, что до 1885 года автор, скорей всего, не дожил – С.Ш.). Ветераны же, которые его некогда читали, успели опочить раньше его».

Выходит, Лавр Короленко был значительно старше Владимира Короленко. Но, к сожалению, даты его жизни были неизвестны.

Об имевшей место путанице, связанной с их именами, неизвестный рецензент пишет с иронией и некоторой долей сарказма: «*При таких условиях изданию грозило быть погребенным на веки вечные в каком-нибудь книжном амбаре, если бы не выручило появление нового Короленко с его быстрым и вполне заслуженным успехом. И думал ли Владимир Короленко, издавая свой небольшой томик, что на буксире этого томика ему придется тащить за собой три такие увесистые баржи, как три тома сочинений своего однофамильца, баржи, наполненные таким мусором и щебнем, который не годится даже и для удобрения полей».*

И заканчивается рецензия риторическим вопросом: «*Впрочем, надо отдать справедливость издателям: они оказались все-таки настолько совестливыми людьми, что вместо расточения покойному литератору каких бы то ни было похвал, как это всегда водится, скромно предпослали каждому тому следующий эпиграф из Алкорана. Таким образом, Лавр Короленко является перед вами в виде петуха, обличающего мировых посредников во славу Аллаха! Неправда ли в этом есть нечто щедринское?!».*

Несмотря на столь резкую рецензию, смеем утверждать, что сохранившиеся тома сочинений Лавра Короленко являются безусловной библиографической редкостью

посильную помощь, откладывая часто свою литературную работу до более благоприятного времени.

Естественно, что В. Г. Короленко оказывался для очень и очень многих таким именно ближним: и к нему шло, много шло и за помощью, и за утешением, и за советом.

- Много горя, много слез, а иногда и трогательных волнений приходилось В. Г. видеть и переживать. Много, очень много времени, а еще больше духовных сил отдавал в своей жизни В. Г. этому горю и этим общениям с ближними.

С душевным надрывом и гнетущим недоумением он стоял среди этой бушующей и беспощадной борьбы.

- Почему должен и должен ли быть осужден рабочий за воровство принадлежностей из мастерской, не имеющий возможности иначе накормить своих детей? Если не должен, то почему надо оправдывать воровство?
- Почему вообще нужны казни людей, уже побежденных в борьбе и тем более стоящих вне этой борьбы, как ему казалось, и потому совершенно не опасных?

На все это и на многочисленные другие «почему» у жизни имеются свои ответы. Но В.Г. требовал не объяснения, а оправдания, примирения на основе человечности и высшей правды. И не находя такого оправдания, он сам вмешивался в гущу страшной борьбы, постепенно все более и более растрачивая в ней остаток своих все слабеющих физических сил. Он не мог, не умел и сознательно не хотел стоять в стороне от той беспощадной борьбы, которая шла кругом, здесь около него.

- Ни заботы близких людей, ни советы врачей, не могли устранить его от участия в этой борьбе. Пока были хоть слабые силы, В. Г. Короленко с твердостью и мужеством подвижника оставался на своем посту. Но скоро сил не хватило…

- Многие, судя по его белой голове, белой бороде и старческой фигуре последних двух лет его жизни с недоумением и удивлением узнали, что умер В. Г. Короленко 68-ми лет.

Между тем еще 10 лет тому назад мы с ним ездили на велосипедах по миргородскому уезду.

Я помню жаркий летний пасмурный день и толстый слой пыли на дороге возле села Зубовка.

Трудно было гнать велосипед по подушке из этой пыли и я, да и наш третий спутник – Шура Волькенштейн, с трудом поспевали за умелым и опытным велосипедистом, каким был В. Г. Короленко.

- Не старость и не лета, а горячее сердце и чуткая к чужому горю душа надломили организм В. Г.: слишком много в последние годы оказалось в жизни огня для восприимчивого сердца и горя для отзывчивой души.
- Всему есть предел в земной жизни….
- Шопенгауэр думал, что «смерть есть сон, в котором индивидуальность забывается; все же другое вновь пробуждается или лучше сказать, не засыпало». Так ли это трудно решить.
- Во всяком случае, смерть есть великая тайна, проникнуть в которую дух человеческий неудержимо стремился и стремится, несмотря на все неудачи этих стремлений. Если разум бессилен оправдать эти стремления, то он также бессилен и отстранить их. Очевидно, потребность проникновения в эту тайну коренится в самом существе человеческого духа.
- И растворилась ли полная духовной красоты индивидуальность души В. Г. Короленко в более обширном потоке духовного мирового начала и слилась ли с необъятным потоком или продолжает жить в каких-то иных, нам неведомых формах бытия, но и сейчас, через год после смерти, может быть, не с такой определенностью, как непосредственно после смерти, наша душа решительно отказывается примириться с

не пришлось окончить дни свои в мире и спокойствии старому ветерану: грянула эмансипация и Лавр Короленко волей-неволей был увлечен во все её треволнения. В результате этих треволнений произошло то, что старик ожесточился до мозга костей против новых порядков и всего окружающего: прежде всего, конечно, против крестьян, затем и против дворян, но более всего, против мировых посредников. Много накопилось в нем желчи за все эти бурные годы, и всё он выливал на бумагу в виде записок, в которые вносил выдающиеся события своей жизни, наблюдения, остроты и т. п. (Так говорится в предисловии)».

Очевидно, автор рецензии упоминает предисловие, помещенное в первом томе, который в фонде библиотеки, к сожалению, не сохранился.

В этом предположении нас убеждает заключительная часть рецензии, которая, надо заметить, звучит почти с издевкой по отношению к рецензируемому сочинению: *«Можно ли найти в России хоть одного ветерана, который не вёл бы записок. Но далеко не всем подобным запискам суждено бывает выйти в свет в печатном виде. Запискам Лавра Короленко посчастливилось. Если верить предисловию, некоторые из его произведений, например: «Накануне новой жизни» выдержало несколько изданий (заметим, что о киевском издании этого сочинения мы нашли сведения ранее – С.Ш.). Надо полагать, что их покупали такие же ветераны южно-российских степей, не менее автора озлобленные на мировых посредников, и потому с наслаждением упивавшиеся желче - излияниями их сотоварища».*

Позиция рецензента не отличается объективностью, а запальчивость выдает человека совершенно другой формации и возраста.

Интересной представляется и такая подробность, на которую указывает рецензент: *«Из предисловия также*

писатель Владимир Короленко. Кстати недавно вышел в отдельном издании небольшой томик его произведений. Представьте теперь себе, что читает провинциальный читатель в какой-нибудь газете объявление о выходе в свет полного собрания сочинений Лавра Короленко в трех томах. Читатель может и не обратить внимания на то, что писателя, которым он интересуется, зовут вовсе не Лавр, а Владимир. Выписывает он издание – и можно вообразить себе его разочарование! А разочарование должно быть ужасное! *И главное дело, откуда выкопали этого Лавра Короленко! Никто никогда и не слыхивал о существовании подобного литератора*».

Такой эмоциональный стиль для рецензента представляется непозволительным. Однако вспомним читательские маргиналии на полях сохранившихся томов, чтобы как-то оправдать эту эмоциональность. И далее рецензент продолжает: « *Я убежден, что даже и самые библиографы не подозревали, что существовал некогда Лавр Короленко и написал так много невообразимо – бездарнейшего сумбура…. Тем не менее, оказывается, что такой литератор был, служил в Вознесенском уланском, Черниговском драгунском полку, участвовал в усмирении польского мятежа 1831 года и в походе в Молдавию и Валахию в составе вспомогательного отряда в помощь турецкому султану в 1833 году, и по командировке, в делах против горцев в 1839 году, и в венгерской кампании и, наконец, в Крымской».* Вот какой послужной список военного служивого Лавра Короленко приводит безвестный рецензент. Жаль только, что при этом он опускает источники, из которых почерпнул все эти сведения. Неизвестны, к сожалению, и даты жизни Лавра Короленко.

И далее: «*Затем Лавр Короленко, утомившись от столь многочисленных походов, вышел в отставку и поселился в своем имении в южном крае на отдых. Но*

тем, чтобы от В. Г. Короленко ничего не осталось в жизни из того, что реально жило в нем».

2

Я. Имшенецкий. – В сборнике «О голоде».

В. Г. Короленко в Полтаве.

- Владимир Галактионович Короленко поселился в Полтаве летом 1900 года. Переселился он в Полтаву, рассчитывая уйти от петербургской сутолоки и суеты, в надежде, что в тихой Полтаве он сможет больше уделять времени свой художественно-литературной работе.
- И, действительно, первое время Владимир Галактионович вел в Полтаве довольно уединенный образ жизни. Но уйти от окружающей сутолоки жизни, от разнообразных ее выявлений, от горестей и радостей окружающих его людей, Владимир Галактионович не мог, так как для него это означало бы уйти от самого себя. И скоро двери Короленковской квартиры оказались широко открытыми.
- По субботам в довольно просторной столовой небольшого домика на углу Александровской и Круглой улиц, где теперь выстроен большой двухэтажный дом бывшего Крестьянского банка, уже в первую зиму стало собираться довольно многочисленное общество. Здесь в непринужденной беседе обсуждались разнообразные вопросы: политические, литературные, общественные. В эти непринужденные разговоры и беседы за чашкой чаю, отражавшие все то, чем мы жили, и что нас волновало в то время, Владимир Галактионович умел вносить особое оживление и художественную яркость.
- По характеру и приемам мышления, по способу

изложения своих мыслей во Владимире Галактионовиче чувствовался, прежде всего, художник. Неоднократно он говорил о себе, что он не политик и не экономист, что в тонкостях политических и экономических программ он плохо разбирается.

- И все же беседы с Владимиром Галактионовичем и о политических, и об экономических вопросах бывали в высокой степени интересны и поучительны. Он вносил в обсуждение этих вопросов особое освещение, ставил их на особую плоскость. Чаще всего по поводу того или другого вопроса он вспоминал какое-нибудь событие, какой-нибудь случай из своей жизни. И его яркий, образный рассказ об этом событии чрезвычайно жизненно освещал обсуждаемый вопрос, или какую-нибудь сторону этого вопроса.
- Отвлеченные соображения и понятия вдвигались Владимиром Галактионовичем в фон живой действительности, из которой эти понятия получали плоть и кровь и яркую, живую окраску.
- Иногда даже короткого замечания Владимира Галактионовича было достаточно, чтобы вызвать в воображении слушателя картину той живой действительности, в условиях которой надо было искать материалы для суждения о данном вопросе. Я и теперь помню одно из таких замечаний и тот поток мыслей, какой оно вызвало у меня. Разговор шел об общем политическом положении. Было это в 1903 или в 1904 году.

– Я боюсь, – сказал Владимир Галактионович, что у нас будет конституция, но не будет конституционных гарантий.

- Я не помню, что еще прибавил он к этому, но помню, что это вызвало у меня в уме картину российской действительности, со всеми ее бытовыми особенностями. И мне стало ясно, что вдвинуть конституцию в эту действительность гораздо легче, чем

собрания сочинений.

Просмотр первых двух «Прибавлений» положительного результата не дал. Зато в «Пятом Прибавлении» нас ожидал «сюрприз» – скрещение имен Владимира Короленко и Лавра Короленко. Помимо библиографического описания сочинений В. Г. Короленко, было приведено также описание и «Полного собрания сочинений» Лавра Короленко. Т. 1–3. (Спб. 1887). Было указано также и другое издание этого автора: Повести и рассказы: Из записок прошлого времени. Лавра Короленко. Т. 1–3». Изд. Спб. 1885, напечатанное в количестве 800 экз. Один экземпляр его и сохранился в фонде библиотеки.

Обратим внимание на то, что оба издания появились в Петербурге, а не в Киеве, и были напечатаны в одной и той же типографии. Так, где же были напечатаны «Повести и рассказы», в Киеве или Петербурге?

***

Но, если сочинения Лавра Короленко издавались и переиздавались, то должны же быть и отклики. И на самом деле, В. И. Межов указывает на одну рецензию о полном собрании сочинений этого автора. Её обнаружение наконец-то дало удивительные сведения, и позволило завершить поиск, связанный с «двойником» В. Г. Короленко. На основные вопросы мы получили пусть краткие, но вполне определенные ответы.

К сожалению, автор рецензии себя не назвал, однако текст её представляется настолько интересным, что мы приводим его полностью: «*Книга эта представляет собой не совсем благовидную спекуляцию*, на которую очень легко может быть пойман иной провинциальный читатель. Всем известно то всеобщее внимание, какое возбудил в читающей публике своими талантливыми рассказами молодой

Просмотр указателя к этому журналу дал неожиданные результаты. В нем приведены ссылки на других однофамильцев Владимира Галактионовича:

- Короленко В. «Признаки украинской колонизации на Урале».
- Короленко П. «Азовцы».

Но, увы, о Лавре Короленко сведений и в этом источнике не оказалось. Загадка оставалась…

Малоизвестный и абсолютно забытый автор, чьи произведения появлялись несколько раз в короткий период времени – с 1875 по 1887 год…. Так неужели эта личность так и останется не разгаданной?

Поиск продолжался…. Были просмотрены многие книговедческие указатели, справочники и каталоги. Но поначалу и это не дало никаких результатов…

***

Неожиданную находку подарил книговедческий справочник, где были приведены библиографические описания изданий последней четверти 19 века.

Так, в «Третьем прибавлении к систематической росписи книгам, продающимся в книжном магазине И. И. Глазунова» даны следующие описания двух книг этого автора:

- *Короленко Лавр. Накануне новой жизни. Рассказы Лавра Короленко. – К. Типография Доброжанского. 1876. (Тираж 1100 экз.).*
- *Короленко Лавр. Сгоряча хорошо блох ловить. – К. Типография Федорова. 1875. (Тираж 1200 экз.).*

Эти сведения, хотя и скупы, но интересны. Предположение о том, что его сочинения печатались в Киеве, подтвердилось. Однако в фонде библиотеки эти издания почему-то не были представлены, хотя тираж их был по тем временам немалый. Заметим, последний рассказ был помещен в один из томов его полного

создать в ней условия, гарантирующие элементарные права гражданина.

- И это предвидение художника жизнь оправдала с суровой непреклонностью: мы прожили десять лет при царской конституции, а конституционных гарантий, обеспечивающих наши гражданские права, не имели и не имеем. Беседы эти с участием Владимира Галактионовича были не только интересны, но и поучительны; решали ли мы возникший вопрос, или он оставался открытым, приходили ли к согласию, или каждый оставался при своем мнении, но в понимании вопроса и его освещении всегда что-то прибавлялось новое.
- Будучи художником по складу своего мышления**,** Владимир Галактионович был, однако, прежде всего, живым и отзывчивым человеком, с необыкновенной чуткостью откликавшимся на запросы окружающей жизни. В 1904 и 1905 годах он принимал горячее участие в нараставшем тогда общественном движении.
- Когда группа лиц с его участием приобрела газету «Полтавщину», он предупреждал нас, чтобы мы не очень рассчитывали на него, что много времени уделять «Полтавщине» он не может, так как у него есть своя большая работа. Но жизнь оказывалась сильнее добрых намерений, и захватываемый развертывавшимися событиями этой жизни Владимир Галактионович отдавал «Полтавщине» больше внимания и труда, чем каждый из нас.
- Наступили события 1905 и 1906 годов: 9-ое января, 17-ое октября, Сорочинская трагедия, созыв Государственной Думы и многое другое. Всему этому Владимир Галактионович уделял очень много внимания и отдавал много своих сил.
- Когда после 17-го октября общественная жизнь получила возможность выйти на улицу и площади, Владимир Галактионович быстро стал в Полтаве самым

известным, самым популярным и самым заметным человеком в широких кругах местного населения.

- Подготовлявшиеся в 1905 году в Полтаве погромы в октябре и особенно напряженно в 20-х числах ноября не осуществились, и этим Полтава в значительной мере обязана Владимиру Галактионовичу.
- В тревожные дни он все время был на базаре, около театра, вообще там, где была волнующаяся, темная, чем-то недовольная, чего-то ожидающая толпа, готовая в каждый момент устремиться по пути дикой жестокости.
- И Владимир Галактионович напрягал все силы, чтобы предотвратить эту жестокость. Ясные и искренние слова его действовали на эту враждебно настроенную массу, вызывали в ней какие то настроения и чувства, разбивавшие ту волну жестокости, которая подымала настроение толпы.
- Существенную помощь в этом отношении оказывали Владимиру Галактионовичу Е.И. Сияльский и покойный Д.О. Ярошевич. Остальные из нас принимали в этом участие больше в роли статистов. Но и в такой роли наше присутствие в толпе было необходимо, и мы были там.
- Необходимо, однако, отметить, что у небольшой группы интеллигенции с Владимиром Галактионовичем во главе была тогда и реальная поддержка в форме организованных противо – погромных выступлений железнодорожных рабочих. Без этой поддержки, надо думать, предотвратить погром вряд ли было бы возможно.
- Особенно трудное и напряженное положение было в 20-х числах ноября. Одно время мы уже теряли надежду, силы слабели, и казалось, что дальше сдерживать эту надвигавшуюся лавину дикости невозможно. Был пасмурный, сырой ноябрьский день; унылые и усталые мы толкались в толпе по грязным

рассказах хоть отчасти картины того и другого, – картины правдивые, взятые из жизни, без всяких собственных мнений, в которых я старался изобразить, насколько позволяли мне силы, подмеченные мною черты настоящего и прошлого быта этих классов.

Благодаря благодетельной реформе, – освобождению крепостных, – быт крестьянского населения новороссийского края значительно изменился, но, к сожалению, многие новые земские деятели не оправдали возложенных на них высочайшею волею обязанностей. Не сумели поставить многих помещиков и многих крестьянских общин в надлежащее положение. Вследствие чего и теперь нередки случаи неприятных столкновений между бывшими помещиками и крестьянами, одинаково убыточных обоим сельским классам. Одним из образцов таких столкновений может служить, отчасти, приведенный мною здесь рассказ «Мировой посредник». Затем рассказ «Уполномоченный для выбора в гласные» представляет образец того, как бессильно мелкопоместное дворянство привести в исполнение какое-либо законное желание или удовлетворить крайним потребностям в своих нуждах официальным порядком, благодаря полному господству на земских выборах в наших захолустьях влиятельных землевладельцев и их партий, связанных между собой, большей частью, родством и разными побочными мелкими интересами».

Что ещё можно почерпнуть из этого текста? Указано время его написания – 1876 год. Место написания – Киев. А само издание, напомним, было осуществлено в 1885 году, в Петербурге, в типографии Дома призрения малолетних бедных на Лиговке. Значит, первое издание могло появиться в конце 70-х годов.

Поскольку автор был жителем Киева, то он мог издавать свои сочинения и в Киеве, и печататься в журнале «Киевская старина».

почти пятьсот страниц. Однако год издания не соответствует тому, который значился в библиографическом описании, сделанном в «Первом каталоге книг ХОБ», и более того, получается, что третий том вышел позже второго, о котором мы говорили выше.

Возникает вполне закономерный вопрос, когда же появилось первое издание «Повестей и рассказов» Лавра Короленко? Интересно, что на титульных листах обоих изданий, – второго тома из собрания сочинений и третьего тома «Повестей и рассказов», – один и тот же эпиграф. Путаницу можно было бы разрешить, будь в наличии первый том из собрания сочинений и хотя бы краткая биографическая справка об авторе.

Почему его книги переиздавались в течение такого короткого времени: с 1885 по 1887 год? И опять-таки непонятно, почему отсутствуют биографические сведения о нем?

Третий том предваряет краткое предисловие автора. Именно оно дает хоть минимальное представление о его личности, и потому считаем необходимым привести текст полностью:

«Прожив много лет в помещичьей среде наших степных помещиков новороссийского края, я был свидетелем всех благодетельных реформ нового царствования, и это побудило меня издать в свет часть моих воспоминаний обо всем виденном и слышанном мной в нашем обществе во время этих важных преобразований. (Уже вполне конкретная деталь к портрету автора! – С.Ш.). *С одной стороны, я видел старую, с другой – новую Россию, в лице деятелей всех классов сельского населения: помещиков, крестьян и отчасти чиновничества, а потому смею надеяться, что люди, которым дорого всё наше русское, прошлое и настоящее, положение и порядок вещей в изображаемых мною средах общества, найдут в моих*

тротуарам. И вдруг что-то произошло, по толпе, словно пробежала какая то искра, и почувствовалось, что в настроении толпы произошел перелом. Суровость на лицах сглаживалась, глаза смотрели с большим доверием на окружающих; на недавно еще враждебных лицах появились приветливые улыбки. Как, отчего это произошло, уловить было трудно, но ясно стало, что погрому не бывать. Толпа потребовала «ораторов», потребовала Короленко.

- Мы немедленно очутились на балконе городского театра, усталость куда то исчезла, начались речи. Владимир Галактионович в этот момент был дома, за ним пошли. Когда через несколько минут Владимир Галактионович появился на балконе театра, огромная толпа, заполнявшая площадь перед театром (тогда еще не было здесь бульваров), встретила его дружными и радостными, долго не смолкавшими приветствиями.
- Владимир Галактионович стоял под градом этих приветствий, как символ победы человечности и света над духовною темнотой и озлобленностью**.**
- Одним из мотивов, побудивших Владимира Галактионовича напечатать письмо к Филонову по поводу сорочинских событий того же 1905 года, была, как он пишет, надежда, что громко сказанная правда способна еще остановить разливающуюся все шире «эпидемию жестокости».
- Вот эта именно вера в силу громко сказанной правды в деле борьбы с жестокостью и бесчеловечностью и была основным и направляющим правилом жизни Владимира Галактионовича. Этому правилу он приносил в жертву всегда, и неуклонно и интересы своей художественной работы, и интересы личного благополучия, и интересы своего здоровья.
- Служение человечности силою громко высказанной правды и вера в торжество правды были во всей жизни Владимира Галактионовича до самых

последних дней.

- Революция всегда и неизбежно сопровождается суровой и беспощадной борьбой; чем глубже и шире развертываются в стране революционные события, тем напряженнее и ожесточеннее проходит борьба интересов разных групп населения, интересов, выступающих в этой борьбе с полною откровенностью и мало считающихся с требованиями правды.
- В революционных условиях борются не право с правом, а сила с силой, и сила побеждающая обычно не считается ни с правом, ни с справедливостью, а свою победу утверждает на беспощадном приведении своего противника в состояние полного бессилия. Иначе, конечно, и быть не может. Естественно поэтому, что в условиях революционной борьбы Владимиру Галактионовичу пришлась столкнуться не с эпидемией, а с лавиной жестокости. И он мужественно и самоотверженно вступил в борьбу с этой лавиной.
- После приезда Владимира Галактионовича из-за границы еще до революции я как-то спросил его, как он относится к происходящим у нас событиям. Он ответил, что, пробыв два года заграницей, он все еще не может овладеть пестрой сменой быстро нараставших тогда событий.
- Мне кажется, что ему так и не удалось до конца жизни примирить свой разум, поставить его в возможность спокойного и художественно-ясного, столь характерного для него прежде понимания текущих событий общественной жизни.
- И этот духовный разлад определялся, конечно, не трудностью понимания того, что происходило кругом, а резким несоответствием происходившего со всем душевным укладом Владимира Галактионовича и с требованиями той правды, которую он нес на своем жизненном знамени.
- В начале революции Владимира Галактионовича

протяжении всего повествования постоянно произносит герой в каком-то сомнамбулическом или даже бредовом состоянии. И только в конце читатель узнает, что поэт «с огромной связкой стихотворений собственного изделия ехал в корпусный штаб для поступления в военную академию».

Затем следует цикл из десяти рассказов под названием «Копия приказов, словесных приказаний и прочее», что полностью совпадает с тем, что было помещено во втором томе «полного собрания сочинений» автора. Это позволяет предположить их идентичность. Обоснованность такого предположения подтверждает то, что помимо регистрационного номера, кем-то карандашом следует другой – № 153.

Чрезвычайно интересна карандашная маргиналия, сделанная рукой неведомого читателя Лавра Короленко на полях рассказа «Старая быль»: *«как не стыдно писать такую ерунду»*.

Однако это далеко не единственный негативный отзыв, оставленный уже другим неведомым читателем. Так, например, в рассказе «Городской сад» уже чернилами и другим почерком на полях написаны три слова, которые звучат как приговор автору: «*Рассказы Короленко гадость*», причем эта же фраза присутствует и на последней странице тома. Там же есть еще одна надпись, оставленная уже другим почерком: «*Эта книга очень гадкая и не советую её читать»*.

Согласимся, такие детали делают книговедческий поиск весьма увлекательным и оправданным.

***

Сохранилось еще одно издание этого автора, на титульном листе которого читаем: «Повести и рассказы: Из записок прошлого времени. Лавра Короленко. Том 3.». (Спб. 1885), при этом также указано, что это «второе, исправленное издание». В сохранившемся томе

Время издания говорит о том, что автор был современником В. Г. Короленко. Примечательно, что в этом же году и тоже в Петербурге вышла книга «Очерки и рассказы» Владимира Короленко, а его публикации в журналах стали появляться с начала 80-х годов.

Вполне закономерным был поиск биографических сведений о Лавре Короленко. Но ни в одной энциклопедии, ни в одном биографическом словаре сведений об этой загадочной личности почему-то нет. Естественно было предположить, что в этом случае имеет место литературная мистификация. Предположение, что автор скрыл себя под псевдонимом, не подтвердилось, поскольку просмотр «Словаря псевдонимов» тоже не дал положительного результата.

***

Когда библиографический поиск, казалось бы, зашел в тупик, в фонде библиотеки обнаружилось еще два тома сочинений этого автора. На титульном листе одного из них указано: «Повести и рассказы. Из записок прошлого Лавра Короленко. Второй том. Второе, исправленное издание».

Книга была напечатана в той же типографии в Петербурге в 1886 году и содержит почти 350 страниц. Постараемся постранично изучить сохранившийся экземпляр этого издания и рассмотрим более детально несколько сочинений, помещенных в этом томе.

Так, вначале напечатан рассказ или «истинное происшествие» под названием «Тревога». Имеется и подзаголовок: «рыцарь без страха и упрека». Весь тон написанного в описании главного героя звучит весьма иронично, а местами почти злопыхательски, оставляя неприятное и недоуменное впечатление у читателя.

Такое же впечатление оставляет и следующее произведение под названием «Прозаик и поэт», в котором стихами никак не назовешь то, что на

привлекли в качестве третейского судьи для решения спора между типографскими рабочими и хозяевами типографий. Владимир Галактионович как то раньше определял свое отношение к такого рода спорам таким образом, что при возможности помочь в этом столкновении интересов надо помогать более слабой стороне; а так как более слабой стороной всегда были рабочие, то он считал своею обязанностью становиться на их сторону. Но в данном случае он был призван не в качестве заступника, а в качестве судьи, в положении же судьи он всегда считал первою обязанностью беспристрастие, и в своем решении мог исходить только из требований справедливости.

Я не помню подробностей этого суда. Но легко понять, в каком трудном положении оказался Владимир Галактионович, поставленный среди борющихся сил, среди борьбы, в конкретных условиях которой никто не хотел считаться ни с требованиями беспристрастия, ни с требованиями справедливости.

Даже вопрос о том, какая из сторон в данном случае является более слабою, оказался в новых условиях далеко не таким простым, каким он представлялся прежде. Естественно, что из этого суда ничего не вышло, он не мог удовлетворить ни рабочих, ни хозяев, ни самого Владимира Галактионовича.

- Отдавая свои симпатии и помощь более слабому, Владимир Галактионович всегда оставался на почве строгой справедливости…. Тем не менее, его в последнее время нередко обвиняли в пристрастии, ставили ему в вину, будто бы он к большевикам относился более снисходительно, чем к деникинцам. Весьма возможно, что в этом была известная доля правды: деникинщина в известной мере была для Владимира Галактионовича осколком той власти, с которой он всю жизнь боролся; большевизм все же являлся отпрыском того общественного течения, в рядах

которого Владимир Галактионович всю жизнь работал.

- Естественно, что отношение его к тому и другому не могло быть во всех отношениях одинаковым. Но пристрастие Владимира Галактионовича, если в данном случае можно говорить о пристрастии, могло сказываться и, может быть, действительно проявлялось в его политических выступлениях. В той же работе, которую можно считать главным делом его в течение революционного периода, в его борьбе с проявлениями жестокости, этого пристрастия и следа не было.
- Для Владимира Галактионовича политический противник, вследствие одного этого, никогда не был врагом; ни об убеждениях, ни о вере, ни об общественных симпатиях не спрашивал Владимир Галактионович тех, кому нужна была его помощь. И революционеры, и консерваторы, и красноармейцы, и офицеры прежней армии, и рабочие, и предприниматели – все шли к Владимиру Галактионовичу за помощью; и на все обращения он откликался с отзывчивостью и горячим сочувствием.
- Все, кто попадали под страшные удары происходившей борьбы, на кого эта борьба обрушивалась в формах холодной жестокости и нараставшего взаимного озлобления, для Владимира Галактионовича были, прежде всего, людьми, человеками, с которыми обращались бесчеловечно.
- Я помню, с каким раздражением и недоумением Владимир Галактионович говорил по поводу замечания одного должностного лица о том, как может Владимир Галактионович хлопотать о С–ме, когда С–а известный консерватор. Для Владимира Галактионовича С – ма был, прежде всего, человек, захваченный беспощадными зубьями колеса революционной борьбы.

И Владимир Галактионович не мог понять, как можно, наклеив на человека этикетку «консерватор», за нею не видеть живого человека. Так активный деятель

(Сведения из « Нового энциклопедического словаря». Под ред. К. К. Арсеньева. Т. 22. Пг. б. г.).

Часть 2

Еще об одном литературном двойнике Короленко

Среди самых первых изданий, поступивших в ХОБ, в разделе «Беллетристика» значились три тома «полного собрания сочинений» некоего Лавра Короленко. Следует заметить, что книги этого автора поступили в фонд гораздо раньше, чем произведения В. Г. Короленко.

«Короленко Лавр. Полное Собрание Сочинений в трех томах. – Спб. 1885–1887. (№ 151; № 153); 3. № 155). В настоящее время сохранился лишь второй том (регистрационный № 153).

Из титульного листа этого тома узнаем, что сочинение Лавра Короленко было напечатано в типографии Дома Призрения малолетних бедных в Петербурге в 1887 году. На титульном листе напечатан необычный эпиграф, толкование которого может быть неоднозначным: «*Бог и Тот благосклонно слушает и петуха, поющего во славу Всемогущего. (Из Алкорана)».*

В томе более 300 страниц. Он включает в себя произведения разных жанров, – как рассказы и повести, так и драматические произведения автора. В книге помещены рассказы о поручике Снегиреве и генерале Лямке, истории о штабс-капитане Шике и корнете Курочкине. Все это позволяет предположить, что автору была хорошо известна жизнь и быт военных в России в середине 19 века. Заключает том рассказ с ироничным названием: «Сгоряча хорошо блох ловить».

7. Путешествие иеромонаха Тарасия. – Х.1896 (штамп «изъято»).

Приложение 2

Труды П. П. Короленко

1. Черноморцы. 1874.
2. Древние сведения о межигорском монастыре. 1885.
3. Исторические записки о войске черноморском. (КС. 1887).
4. Черноморское казачье войско. 1892.
5. А. Чуев. 1896.
6. Материалы по истории войска запорожского. 1896.
7. 200-летие кубанского войска. 1896.
8. Первоначальное заселение черноморскими казаками кубанской земли. 1898.
9. Некрасовские казаки (б. д.).
10. Путешествие Гаджанова по Армении. (б. г.).
11. Азовцы.
12. Кошевые атаманы.
13. Предки кубанских казаков на Днестре.
14. Головатый.
15. Турецкие эмигранты в кубанской области.
16. Церковные древности кубанских казаков.
17. Записки о черкесах.
18. Казаки на Хопре.
19. К вопросу об образовании астраханского войска. 1908.
20. Сочи. 1910.
21. Борьба украинских гетманов с поляками.

революции не мог понять Короленка, а Короленко не мог понять этого революционного деятеля. Владимир Галактионович все силы свои в последние годы отдал служению человечности и борьбе с эксцессами жестокости, неизбежной в условиях революционной борьбы.

- Целесообразно ли было растрачивать силы на борьбу с тем, что неизбежно и неустранимо? И не были ли поэтому усилия Владимира Галактионовича безрезультатными, как думали некоторые?
- Жестокость в борьбе неизбежна, но сила и степень, до которой она подымается, определяется, между прочим, и тем противодействием, какое оказывает общественная среда проявлениям этой жестокости.
- Участие Владимира Галактионовича в этом «противодействии» имело, прежде всего, моральное значение: он открыто и громко настаивал на том, что с требованиями правды и справедливости должны считаться при всяких условиях, он поддерживал у окружающих веру в то, что жестокость не есть что-то безусловно неустранимое, что с этой жестокостью должно и можно бороться, что на нас лежит нравственная обязанность вести эту борьбу.
- Но кроме моральных, усилия его имели и огромные реальные результаты: многие обязаны ему жизнью, многие смягчением наказания, многие тем, что удары на них падали с меньшей жестокостью и большей осмотрительностью. Но еще больше было таких, которые, благодаря Владимиру Галактионовичу, совсем не попадали под удары взаимного раздражения борющихся.
- Активное участие такой крупной моральной величины, как В. Г. Короленко в «противодействии», несомненно, придавало ему огромную силу и значение; без участия Владимира Галактионовича результаты

противодействия, бесспорно, были бы слабее, река жестокости разлилась бы с большей силою, и жертв ее было бы гораздо больше.

- Понятно, поэтому то чувство жути и чисто физического страха, которое некоторые выражали по поводу смерти Владимира Галактионовича: в нем из нашей жизни ушел один из устоев гуманности и человечности, и стало более страшно жить.
- Можно надеяться, к счастью, что девятый вал революционной бури прошел, что напряженность борьбы и связанных с нею жестокостей идет на убыль.

Но все же еще не конец, еще предстоит нашей родине пережить много суровых дней, и отсутствие Владимира Галактионовича чувствуется, как не заживающая рана на нашем общественном теле. Владимира Галактионовича нет среди нас, он ушел за грани этой жизни. Но и оттуда он будет помогать осуществлению того дела, которому он отдал свои последние силы. Если не громко сказанные слова, то это будут делать оставшиеся действенными заветы жизни великого художника и великого гуманиста.

службе с 5. 06. 1851 года. Участник многих военных кампаний. Автор более 30-ти работ по истории Кубани. Умер в Ставрополе». (18). Заметим, автор неоднократно ссылается на работы П. П. Короленко.

В этом источнике дата смерти отличается от той, что сообщала «Энциклопедия українознавства».

Послесловие

Некоторые подробности биографии Прокопия Петровича. Короленко, несомненно, сближают его со знаменитым однофамильцем – Владимиром Галактионовичем Короленко. Даты жизни Прокопия Петровича Короленко говорят о том, что он был старшим современником Владимира Галактионовича.

Приложение 1

Труды М. М. Плохинского (1864–1906) в фонде библиотеки

1. Архивы черниговской губернии. – М. 1899.
2. Гетман Мазепа. – Х.1892.
3. Иноземцы в Малороссии. – М. 1905. Ч.1. Греки, цыгане, грузины.
4. Материалы для истории внутренней жизни левобережной Украины. – Х. 1891.
5. Поселение грузин в Малороссии в 18 веке. – Х. 1893.
6. Почетные члены харьковского университета. – Х. 1895. Отд. оттиск из «Записок харьковского университета.

что он выступал в разных жанрах, причем писал и на украинском языке.

И все-таки этот поиск оказался результативным, он подарил немало находок.

Так в «Новом энциклопедическом словаре» под редакцией К. К. Арсеньева после большой статьи о Владимире Галактионовиче Короленко следует текст о его однофамильце: «Короленко Прокопий Петрович, историк. Умер в 1913 году. Писал на малорусском языке рассказы и стихи и этнографические заметки, но известность приобрел в качестве историка черноморского казачества Кавказа и Малороссии». И затем достаточно полно сообщаются сведения о более чем 20-ти его трудах (см. приложение 2). И заканчивается материал очень интересным сообщением об этом незаслуженно забытом, но, безусловно, достойном памяти человеке: «*На завещанные им средства строится больница в станице Павловской Кубанской губернии, богадельни – в Сочи и устроен также для туберкулезных детей санаторий близ Геленджика».* Такие подробности характеризуют П. П. Короленко еще и как человека в высшей степени благородного и отзывчивого.

***

Неожиданная находка обнаружилась в современном издании. Так в 2002 году в Киеве вышло обширное исследование Рената Польового «Кубанська Україна». В главе «Неповний список діячів Кубанської України» приведены о нем краткие биографические сведения, которые значительно расширяют те, что уже были найдены по другим источникам: «П. П. Короленко – (5. 07. 1834 – 6. 02. 1912). Историк, краевед, архивариус кубанского казачьего войска.(1893 – 1902). Родился на хуторе Павловка в Чорномории. Систематического образования не имел. На военной

Глава 2

О В.Г. Короленко по материалам И. П. Белоконского

С именем Владимира Галактионовича Короленко в отделе редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко связано немало документов.

Каждая из реликвий сохраняет какие-то малоизвестные страницы его жизни и творчества. Каждая раскрывает нечто новое – интересное и малоизученное…

К таким реликвиям можно отнести публикации о писателе одного из его современников, известного земского и общественного деятеля Ивана Петровича Белоконского (1855 – 1931).

Страница книговедческая

Остановим свое внимание, в первую очередь, на изданных письмах писателя.

В 1922 году в книгоиздательстве «Задруга» была издана книга – «Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому». Она вышла практически накануне первой годовщины со дня смерти писателя тиражом в 2.000 экземпляров.

Во вступлении оговаривалось, что некоторые письма писателя пришлось опустить, «как не подлежащие пока опубликованию по условиям настоящего момента».

Содержание их было разнообразным, и включало в себя немало сведений автобиографического характера, а

также немало данных, рисующих обстановку жизни и работы покойного писателя в разное время. Помимо этого, много места в этих письмах занимало описание фактического положения новейшей русской литературы. В публикуемых письмах В. Г. Короленко к Белоконскому затрагивается широкий круг вопросов: от суждений о прошлом и будущем России, сведений автобиографического характера – от обстановки жизни и работы до сведений о конкретных людях, их судьбах. Особый интерес представляют краткие и емкие суждения, посвященные защите достоинства и чести отдельных деятелей культуры и литературы.

По убеждению редакции, в этих документах был виден «*духовный облик писателя-гуманиста наших дней»* – того писателя, который в последние годы жизни был совестливым голосом родной литературы.

Издание этих писем Короленко может быть отнесено к самым первым посмертным публикациям эпистолярного наследия писателя.

По этому поводу во вступительном слове редакция справедливо отмечала: *«Письма представляют чрезвычайно большой интерес, как для личности самого писателя, так и для истории его времени»,* при этом *о*собо отмечалось мастерство Короленко в области эпистолярного искусства. Редакция понимала, насколько важно опубликовать письма Короленко, и тем самым расширить сферу его творческого наследия.

Он всегда писал письма под живым впечатлением от того или иного явления или события, от той или иной мысли, писал всегда сдержанно, и в то же время, достаточно эмоционально и интересно.

Примечательно, что его письма к Ивану Петровичу Белоконскому охватывают чрезвычайно продолжительный период жизни писателя – почти 40 лет, начиная со дня их знакомства.

некий «Г. С. Короленко – автор исторического очерка «Черноморцы за Бугом», напечатанного в «Военном сборнике» в 1868 году». Однако в данном случае составитель явно ошибся, поскольку автором этой работы был не кто иной, как Прокопий Петрович Короленко. Напомним название первой части, о которой уже шла речь выше, – книге «Черноморцы».

В 1915 году С. А. Венгеров издал другое справочное издание, которое как бы дополняло предыдущий справочник. В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» биографические сведения, к сожалению, не отличались большей полнотой, и эта ошибка снова повторяется.

Другие дореволюционные энциклопедии и справочники – «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», «Энциклопедический словарь т-ва Гранат» биографических сведений об историке Прокопии Петровиче Короленко почему-то не приводят.

***

Биографические данные о нем обнаружились неожиданно… в современном справочном издании «Энциклопедія українознавства». Именно в этом справочнике приведены краткие, но, тем не менее, важные факты: «*Прокопий Короленко (1834–1913) – историк Кубани. Писав по - українські оповідання, вірші, етнографічні замітки. Праці:*

- *Черноморцы (1874).*
- *Історія чорноморської війни з 1775 по 1842 рік.*
- *Материалы по истории войска запорожского (1897).*
- *Предки кубанских казаков на Днепре и Днестре (1901).*
- *Кошевые атаманы Черноморского казачьего войска (1902)».*

Заметим, что год смерти П. П. Короленко долго оставался неизвестным, равно как было неизвестно и то,

комитета и общества любителей изучения кубанской области. Действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей, член Харьковского историко-филологического общества и Таврической ученой архивной комиссии».

Эти штрихи к творческому портрету историка Короленко чрезвычайно интересны, особенно подтверждение его творческих связей с членами историко-филологического общества при харьковском университете.

И потому трудно объяснить, почему же ни «Украинская Советская энциклопедия», ни «Украинская литературная энциклопедия» не приводят биографических сведений о человеке, столь долго трудившемся на ниве исторических исследований, и так скрупулезно исследовавшем историю запорожского казачества.

Было правомерно предположить, что у П. П. Короленко могли быть псевдонимы. Однако в «Словаре псевдонимов» под ред. И. Ф. Масанов сведения о П. Короленко отсутствуют.

***

Находку подарило дореволюционное справочное издание «Источники словаря русских писателей», составленное известным библиографом и историком литературы С. А. Венгеровым, в котором имена Владимира Галактионовича Короленко и Прокопия Петровича соседствуют. Именно из этого издания мы узнаем год рождения последнего: *«Прокопий Петрович Короленко – историк черноморского казачества. Родился в 1834 году*». Помимо этого, в справочнике приводятся два отзыва на его труды, один из которых на его работу «200-летие кубанского казачьего войска…» Это издание в библиотеке сохранилось.

Заметим, отдельной строкой сообщается, что был еще

В. Г. Короленко познакомился с ним в 1880 году по пути в ссылку в Сибирь, затем отмененную.

И. П. Белоконский отдельно оговаривает, хотя и не объясняет до конца, что далеко не все письма «*возможно сейчас публиковать*». Тем не менее, значительная их часть все же увидала свет (почти 100 документов!).

Письма эти чрезвычайно важны для воссоздания «мозаичного» портрета писателя, которого современники единодушно называли «*совестью русского общества».*

***

То обстоятельство, что письма В. Г. Короленко были напечатаны именно в этом издательстве, не является простой случайностью.

Кооперативное издательство «Задруга» возникло задолго до революции. Его руководителем был известный общественный деятель и историк С. П. Мельгунов.

Еще в 1911 году Мельгунов основывает самое известное свое предприятие – кооперативное издательство «Задруга». За 11 лет своего существования оно выпустило более 500 книг по самому широкому кругу вопросов – от научно-общественной и политической до детской и музыкальной литературы.

В этом издательстве, причем еще до революции печатались сочинения В. Г. Короленко, воспоминания Н. Морозова, В. Фигнер и др. Вхож в работу издательства был и И. П. Белоконский как достаточно известный земский деятель и литератор.

К сожалению, судьба этого издательства в советские годы оказалась печальной. В 1918–1919 году издательское дело было изъято из рук частного капитала и передано органам советской власти. Несколько лет оно просуществовало как кооперативное содружество

членов редакции. Но в 1922 году издательство было вовсе ликвидировано советской властью.

Деятельность этого издательства рассмотрена в самостоятельном историко-книговедческом сюжете.

***

Отдельной страницей в жизни издательства было создание нового периодического издания – журнала «Голос минувшего» (1913 – 1923).

В редакцию этого журнала входили В. И. Семевский, А. К. Дживелегов, П. Н. Сакулин. С. П. Мельгунов фактически являлся главным редактором.

Журнал опубликовал много ценных мемуарных и документальных источников по русской истории и литературе XVIII – начала XX столетия. В этих публикациях значительное место занимали материалы по истории освободительного движения и передовой общественной мысли. Историк и общественный деятель С. П. Мельгунов с глубоким почтением относился к В. Г. Короленко и И. П. Белоконскому и неоднократно публиковал их произведения.

***

Сохранившийся экземпляр книги писем Короленко к Белоконскому имеет отличительную особенность: дарственную надпись автора лаконичного содержания: «*Общественной Библиотеке от Белоконского*».

И дата, словно веха в его собственной творческой жизни – «10 октября 1922 года. Харьков».

На протяжении многих лет Иван Петрович Белоконский был достаточно тесно связан с харьковской общественной библиотекой и являлся многолетним членом Правления библиотеки. Так, в 1903 году он выступал по конкретным вопросам формирования книжного фонда библиотеки, в частности, просил

последних своих трудов, теперь печатаемый. Всеми уважаемый Прокопий Петрович, к величайшему сожалению всех, кто знаком с ним лично или по его печатным трудам, в настоящее время почти ослеп, и работать не может. Труд этот весьма интересен по своей непосредственности к первоисточникам и близости к интересам дорогой нам Кубани».

Не менее интересным оказалось и краткое предисловие автора, в котором он отмечал следующее: «Цель моего труда была собрать возможно более материалов о переселении казаков кубанского войска в Закубанский край и выяснить те события, какие происходили при этом переселении…»

И затем: «*Будучи современником начала и конца переселения за Кубань, я во всё время собирал записки и рассказы очевидцев, бывших действующими лицами или причастными к громкому делу переселения, вёл заметки личных моих впечатлений о событиях знаменательного для кубанцев 1861 года, когда решался важный вопрос – быть или не быть на родной земле. Ко всему этому я долгое время изучал кубанский войсковой архив, где сосредоточены дела разных учреждений по этому предмету. С таким запасом данных я решился приступить к изложению в порядке рассказа событий по делу переселения кубанских казаков с их земли на земли враждебных России закубанских горцев.* ***Это будет свод материалов, добытых мной в течение 49-ти лет».*** (Последняя фраза выделена автором – С.Ш.).

Трудно переоценить важность этих признаний, которые личность автора делают зримой в каких-то самых важных его чертах. После вступления, на отдельном листе помещен портрет автора, который сопровождается такими словами: *«Надворный советник Прокопий Петрович Короленко – почетный член Кубанского областного статистического комитета, ставропольского губернского статистического*

этнограф, чем как историк.

В дополнительном томе этого справочника, изданного в 1889 году, нас ожидала основная находка: указание на то, что *автобиография П. П. Короленко была напечатана в «Кубанском сборнике» (1913. Т. 18)*, при этом имелась аннотация: «1834–1900. Происхождение. Родители. Самообразование. Изучение истории кубанского казачества. *Избрание автора членом ряда губернских исторических обществ».*

Последняя фраза говорит о том, сколь достойной признания и уважения была научная и просветительская деятельность П. П. Короленко.

К сожалению, именно этот выпуск сборника в фонде библиотеки не сохранился, не сохранился он и в ЦНБ ХГУ, где имеются два других выпуска сборника.

***

В 1883 году вышел первый выпуск этого издания. «Кубанский сборник» издавал в Екатеринодаре Кубанский Областной Статистический комитет. В нем имя П. П. Короленко отсутствует.

В 1894 году в третьем выпуске уже встречается публикация «почетного члена Кубанского Областного Статистического комитета» П. П. Короленко под названием «Кубанские казаки». Заметим, что ранее указаний на эту работу не было.

В одиннадцатом выпуске «Кубанского сборника» обнаружилась чрезвычайно важная находка. В нём была помещена статья, а вернее, весьма объемный труд П. П. Короленко под названием «Переселение казаков за Кубань в 1861 году» с приложением и записками полковника Шарапы. Этот труд автора предваряет несколько интересных слов «от редакции». Читаем: *«Постоянный сотрудник и автор многочисленных статей, помещенных разновременно в Издательском Комитете прислал нам, быть может, один из*

разъяснить ему, каким именно образом «делается выбор книг», считая, что контроль над формированием книжного фонда – это одна из важнейших функций Правления.

И. П. Белоконский был также многолетним дарителем в фонд ХОБ, как собственных трудов, так и книг других авторов из своего личного собрания, что документально отражено в Отчетах библиотеки за дореволюционный период. Следует заметить, что членом Правления харьковской общественной библиотеки была и его супруга Валерия Николаевна Белоконская.

***

Первое письмо Белоконскому было написано Короленко в далеком 1883 году.

Короленко писал И. П. Белоконскому из местечка Амга Якутской губернии: «… *Спасибо, Иван Петрович, за Ваше сообщение. С великим бы удовольствием отозвался на приглашение Ядринцева, но вопрос этот пока еще представляет неразрешенную проблему. Я говорю о возможности писать для печати».*

Николай Михайлович Ядринцев был известным публицистом и сибирским общественным деятелем, издававшим в то время в Петербурге газету «Восточное обозрение», куда через Белоконского приглашал В. Г. Короленко к сотрудничеству.

Этот текст автор воспроизведет также и в своей книге мемуаров под названием «Дань времени». По свидетельству мемуариста, своим «*четким, твердым, красивым почерком*» Короленко быстро отвечал на самые даже незначительные его просьбы.

С октября того же года письма от писателя стали приходить достаточно регулярно.

В 1893 года Белоконский покинул ссылку и переехал в Орел, затем в Курск, и только гораздо позже поселился в

Харькове, но всюду, где бы он не жил, его ожидали задушевные и теплые письма Короленко. Он старался деятельно помогать своему другу и на литературном поприще.

Так, 30 сентября 1898 года Короленко сообщал, что рассказ И. П. Белоконского принят в печать в журнале «Русское богатство». При этом он писал: *«Очень мне понравился ваш очерк в «Русских ведомостях»… сжато, ярко, вообще хорошо. Итак, давайте пробовать еще*».

В жизни И. П. Белоконского это был трудный период: полиция запретила ему заниматься активной земской службой. Он решил попробовать свои силы как литератор и публицист, и поэтому поддержка Короленко была особенно кстати.

Поселившись в Харькове, он часто приезжал к писателю в Полтаву. А когда писатель был проездом через Харьков, то об этом непременно сообщал другу и они также встречались.

11 апреля 1902 года Короленко поделился с Белоконским значительным событием в своей творческой жизни, имевшим общественный резонанс: он отказался от звания почетного члена Академии Наук, защищая честь и достоинство Максима Горького.

30 апреля 1903 года умерла мать писателя – очень близкий ему человек. Этим печальным событием он также поделился с Белоконским, который хорошо знал Эвелину Осиповну еще по годам ссылки, совместно проведенной в Сибири.

В мемуарах о жизни политических ссыльных конца 70-х у Белоконского не раз встречаются указания на живое участие матери писателя в судьбах разных революционеров, подвергавшихся гониям со стороны правительства.

В 1879 году за нею был даже учрежден негласный надзор, и она об этом прекрасно знала.

***

Естественно было провести поиск сведений об однофамильце В. Г. Короленко, столь успешно работавшего в науке и постоянно издававшегося, начиная с 1874 года и до начала XX века.

В «Адрес – календаре: Общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1878 год» о П. П. Короленко удалось найти всего одну строчку: «Прокопий Петрович Короленко – секретарь уездной полицейской управы кубанской губернии в г. Ейске».

Просмотр этого же источника за другие годы положительного результата не дал.

В «Кубанском календаре» на 1905 год значится, что «надворный советник Прокопий Петрович Короленко был непременным членом кубанского областного статистического комитета». В этом справочном издании обнаружилась еще одна интересная деталь: «товарищем прокурора в Екатеринодарском окружном суде значился «коллежский асессор Феодосий Прокопьевич Короленко». Скорей всего, это был сын историка.

Изучение многотомного справочного издания «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» дало до обидного мало. Была обнаружена ссылка не одну работу историка, но зато ранее нам неизвестную: «Короленко П. П. На берегах Абхазии. (Военный Сборник.1891. Т. 200. № 8., т. 201. № 9). Там же приведена краткая аннотация этой публикации: «Октябрь 1886 года. Плавание по Черному морю из Новороссийска в Сухуми. Характеристика побережья. История Абхазии. Сухуми, его история, окрестности. Дорога от Сухуми до Афона. Ново-Афонский монастырь».

Эти сведения скупы, но они указывает на то, что в данной публикации П. Короленко выступает больше как

обоих изданий одна и та же – 3 августа 1936 года. Очевидно, эти издания поступили с другими книгами из частного книжного собрания М. Плохинского.

Михаил Мелентьевич Плохинский был многолетним членом Правления Харьковской Общественной Библиотеки. Он окончил историко-филологический факультет харьковского университета и в 1888 году защитил научную работу на тему «Очерки из внутренней жизни русских 17 века». В 1890 году М. Плохинский напечатал в «Харьковском календаре» работу «О цыганах в Гетманщине и в Слободской Украине».

Плохинский Михаил Мелентьевич – украинский историк-архивист и автор большого количества научных работ (см. отдельное приложение 1). Названия многих тем, которые рассматривал в своих работах М. Плохинский, говорят о том, что с П. П. Короленко его связывали общие интересы.

Просмотр «Харьковского календаря» позволил выяснить, что М. Плохинский преподавал в 1890 году во второй женской гимназии историю, при этом указывается, что к тому времени он уже «был кандидатом филологических наук».

В 1894–1897 году он был также сверхштатным учителем истории и географии в харьковском уездном училище.

В 1896 году он был еще и архивариусом харьковского университета.

Последнее обстоятельство представляется немаловажным в истории автографов П. П. Короленко, который мог обращаться за консультациями именно к М. М. Плохинскому. Характер их взаимоотношений, скорей всего, был сугубо деловым, что и отразилось на достаточно официальной форме сохранившихся автографов.

Позже Белоконский напишет об Э. О. Короленко в своих воспоминаниях проникновенные строчки.

Главы его книги воспоминаний поначалу печатались в журнале «Голос минувшего» и только затем книга выходила отдельным изданием.

***

Переписка Короленко с Белоконским достаточно интенсивной была и в годы революции. Следует заметить, что последнее письмо Короленко написал Белоконскому в июле 1921 года, когда уже был неизлечимо болен, и жить ему оставалось всего несколько месяцев. Короленко писал: «*я уже привык с Вами говорить всегда просто».*

Не удивительно, что Белоконский часто обращался к другу с разными просьбами. Чаще всего, он просил не для себя, а для кого-то: то купить какое-то пособие по телефонной связи для сына их общей знакомой, то найти место для учительницы, бывшей каторжанки. И таких случаев было немало. По сохранившимся письмам ярко прослеживается удивительная отзывчивость Короленко. Поток людей страждущих и нуждающихся в реальной помощи, к нему все нарастал. По этому поводу И. П. Белоконский пишет: «*В. Г. не только осаждался у себя людьми, слезами и мольбами, но он еще устраивает просителей по переписке, ведя интенсивную переписку».*

29 января 1919 года В. Г. Короленко доверительно пишет своему другу в Харьков**:** «*Кроме общей нервности, общего горя от междуусобий никаких экстренных неблагополучий нет…»* В кратком комментарии к этому письму мемуарист отмечает: «*Зная природу В. Г., можно было быть уверенным, что «междоусобия», как он выше выразился, создадут для него еще и еще новые муки».*

Бытовые трудности он переносил безропотно, но то, что

происходило вокруг него, переживал остро и не отстранено.

2 ноября 1920 года Короленко с горечью писал в Харьков: «*… этот год или года произведут страшную брешь в среде русской интеллигенции».*

***

К 1920 году Короленко многое прозревал в дальнейшем развитии текущих политических событий. Об этом он написал в своих знаменитых письмах к Луначарскому. Кое-какие вопросы он затрагивал и в письмах к Белоконскому.

Он писал ему: *«Одно ясно, может наступить реакция, но прежний строй пал безвозвратно. Новому придется еще выкарабкиваться из своих ошибок, порой – безумия и преступлений, но старое погибло!».*

В. Г. Короленко неизменно интересовали люди и их судьбы и не удивительно, что в письмах к другу он спрашивал о том, каков «*нравственный и литературный калибр»* того или иного человека.

11 января 1921 года Короленко с грустью написал ему: *«С прошедшим Рождеством! Для меня этот праздник сопряжен со многими воспоминаниями. Между прочим – канун его – день именин моей покойной матери…*»

И далее посетовал, что здоровье его ухудшается, он хуже слышит и даже затруднена речь. Это было одно из последних его писем к старому другу.

***

В «Истории моего современника» В. Г. Короленко неоднократно упоминает о Белоконском. Так, в главе «Политическая партия в пути» он пишет: «*... к нам присоединили еще целую партию из мценской тюрьмы, среди которых помню И. П. Белоконского, впоследствии довольно известного писателя, а тогда*

Плохинскому от автора. 25 сентября 1891 года». Важно отметить, что автограф датирован значительно раньше, чем время его харьковской публикации, о которой речь шла выше.

Из сохранившихся книг П. Короленко эта является самой ранней по времени издания и самой объемной: в ней более 200 страниц и 27 отдельных приложений на 70 страницах. Книга состоит из двух частей «Черноморцы за Бугом» (7 глав) и «Черноморцы на Кубани» (тоже 7 глав).

Обратим внимание на названия этих частей, поскольку в дальнейшем эта деталь окажется весьма существенной. Немаловажно, что это серьёзное исследование было напечатано в Петербурге в государственной типографии, что указывает на важность затронутых в нем вопросов.

В «Систематической росписи книг, продававшихся в книжном магазине И. И. Глазунова», которую подготовил и издал известный библиограф и книговед В. И. Межов, указан тираж сочинения «Чорноморцы». (Спб. 1874.) – 1250 экземпляров. И эта подробность представляется весьма существенной, как существенно и время издания. Эта книга могла быть вообще одной из первых работ историка.

Второй автограф полностью идентичен первому, и сделан он на другом труде П. П. Короленко – историческом очерке «Двухсотлетие кубанского казачьего войска. (1696–1896)», напечатанном в 1896 году в Екатеринодаре. Автограф датирован 9 декабря 1896 года. В книге более 90 страниц. Основной текст сопровождают специальные приложения, содержащие наиболее важные исторические документы и материалы.

В данном случае даты могут свидетельствовать о продолжительности знакомства автора с человеком, которому были подарены эти книги.

Примечательно, что дата поступления в библиотеку у

На последней странице мы находим интересную деталь о том, что «подробное описание поселения черноморцев на Кубани и устройство их быта на войсковой земле» были изложены П. Короленко в реферате, напечатанном во втором томе «Известий общества любителей изучения Кубанской области». Так стала известна еще одна работа этого исследователя.

Однако этих работ в библиотеке, к сожалению, нет.

***

В фонде отдела сохранилась ещё одна брошюра, на титульном листе которой обозначено: П. Короленко. «Справка, извлеченная из дел Харьковского Исторического Архива по истории малороссийских казаков». (Х. 1905). Объем её невелик – не более 20-ти страниц. На обороте титульного листа указывается, что это отдельный оттиск из «Сборника ХИФО, т. 16., и печать разрешил председатель ХИФО профессор харьковского университета Н. Ф. Сумцов. В этой брошюре опубликованы только сами источники без какого-либо авторского комментария.

О чем свидетельствует эта находка? Прежде всего, о том, что в начале XX века П. Короленко сотрудничал с харьковскими учеными, с которыми, не исключено, мог иметь и личные творческие контакты. В изучении истории казачества ему существенно помогли материалы из харьковского исторического архива.

***

В фонде отдела редких изданий и рукописей сохраняется два сочинения этого ученого с его дарственными надписями. Рассмотрим их в хронологической последовательности. На титульном листе книги под названием «Черноморцы» (Спб. 1874. Тип. Департамента уделов.) имеется надпись обычного содержания: «Уважаемому Михаилу Мелентьевичу

сотрудника одесских газет…»

В другой главе он ссылается на книгу Белоконского, к тому времени только появившуюся в печати.

Работая над главой о красноярской тюрьме, Короленко не имел под рукой воспоминаний Емельянова, и обратился за помощью к Белоконскому. Он спрашивал старого друга: «*Кстати, не вспомните ли что-нибудь яркое из емельяновских обличений в катковской газете. Дрянцо было порядочное…*»

***

В книге «Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской» **(**М. 1930.) писатель несколько раз по разным поводам упоминает имя Ивана Петровича Белоконского.

Так, в частности, он сообщает в одном из писем, датированном 1911 годом: «*Белоконский прочтет лекцию в пользу общества трудящихся женщин «Призрачное счастье». (Харьк. губерн. ведомости. – 1911. – 29 окт.).*

Он живо интересовался активной деятельностью Белоконского в различных общественных организациях Харькова.

***

В книге Негретова о Короленко несколько раз цитируются документы, касающиеся личности Белоконского. Так, например, приводится фрагмент письма писателя в адрес старого товарища, датированный 9 апреля 1919 года: *«Верю, что Россия не погибнет, а расцветет, хоть мы последнего и не увидим. Пережить предстоит, конечно, еще очень много. Кризис будет тяжелый и бурный, но Россия - страна не только большая, но и с великими возможностями. У неё мало культуры, в том числе особенно нравственной.*

Но это дело наживное, а натура у русского человека

хорошая, хотя пока он еще слишком склонен к порокам и – увы! – особенно к воровству…»

Естественно, Белоконский не мог включить этот текст в свою книгу «Письма Короленко к Белоконскому».

***

В 1918 году Белоконский издает книгу воспоминаний под выразительным названием «Дань времени».

Некоторые главы были напечатаны еще до выхода книги в свет на страницах журналов «Былое» и «Голос минувшего». Уже первое издание привлекло внимание отечественного читателя, и потому не удивительно, что вскоре книга была переиздана вновь, но в уже расширенном варианте. И в каждом ее издании имеются эпизоды, связанные с личностью Короленко и конкретными обстоятельствами его жизни.

Так, в книге, напечатанной в 1918 году, т.е. *еще при жизни писателя,* было приведено несколько интересных отрывков, посвященные Короленко.

Узнав об этом замысле Белоконского, Короленко приветствовал издать их под названием «Дань времени». Он живо откликнулся на просьбу – прислать свою фотографию и отослал в Харьков единственный в то время имевшийся у него экземпляр. Казалось бы, мелкий штрих, но он удивляет.

Когда вышло первое издание книги «Дань времени», Короленко откликнулся теплыми словами приветствия: «*Я думал в благодарность за «Дань времени» прислать Вам свою новую работу «Земли! Земли!». Ее должен был издать Центросоюз, и значительная ее часть даже напечатана. И все-таки встретились «независящие обстоятельства», и книга, по-видимому, света не увидит*…»

Эта книга Короленко выйдет гораздо позже, в

В конце публикации указаны только инициалы автора – П. П. Короленко. Но как их расшифровать? Долгое время на это также не находилось ответа, т. к. ни в энциклопедиях, ни в биографических справочниках сведений о нем не было…

Сначала эта его работа была напечатана в журнале «Киевская старина», а затем вышла в виде отдельного оттиска. Она как бы продолжила более раннее его историческое исследование под названием «Черноморские казаки», напечатанное еще в 1877 году и тоже в Киеве. То обстоятельство, что книги П. Короленко издавались, как правило, на Украине, дало основание продолжить поиск сведений о нем в украинских изданиях. Этот поиск не принес желаемого результата.

В фонде библиотеки сохранилось также и другое издание этого автора под названием «Кошевые атаманы черноморского казачьего войска XVIII столетия». Этот историко-биографический очерк был издан в 1901 году в Петербурге в качестве «бесплатного приложения к журналу «Вестник Казачьих войск». По объему он немного больше предыдущей работы, но, в отличие от первой, имеет два самостоятельных раздела и краткое предисловие.

Это небольшое предисловие автор завершает такими словами: «Об этих-то двух атаманах (Сидоре Игнатьевиче Чепеге и Захарии Алексеевиче Чепеге) я намерен сообщить, хотя б те скудные сведения, какие удалось мне собрать при изыскании материалов по истории кубанцев, помещенные в статье моей «Предки кубанских казаков с Днепра и Днестра». Таким образом, появилось указание на его работу – «Предки кубанских казаков с Днепра и Днестра». (Изд. Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар. 1901). Подобная деталь указывает на серьёзность и устойчивость интересов историка.

● Первые четыре атамана бывшего черноморского, ныне кубанского казачьего войска. – Екатеринодар. Изд. и тип. А. Сташевского. (600 экз.).

● Черноморское казачье войско. (1775–1792). Исторический очерк. – Екатеринодар. Изд. и тип. А. Сташевского. (600 экз.)».

Эти работы в фонде библиотеки, к сожалению, не представлены. Представляют интерес и тиражи изданий обоих авторов.

Остановим внимание на отличительных особенностях каждого из сохранившихся изданий.

***

Нам удалось разыскать один экземпляр работы историка П. П. Короленко «Азовцы», который представляет собой оттиск из журнала «Киевская старина». В этой брошюре более сорока страниц. Композиционно исторический материал расположен в пяти разделах, при этом каждый раздел имеет подзаголовок, что дает читателю представление о том круге вопросов, которые рассмотрены именно в этом разделе.

Первый раздел – Жизнь задунайских запорожцев в турецкой империи.

Второй раздел – Атаман Гладкий.

Третий раздел – Поселение запорожских выходцев в России и образование из них азовского казачьего войска.

Четвертый раздел – Государственная служба азовского казачьего войска.

Пятый раздел – Переселение азовцев в Закубанский край.

В своем исследовании автор опирался на труды Скальковского, Эварницкого, Кондратовича, а также на материалы, хранившиеся в кубанском войсковом архиве.

1922 году, в издательстве «Задруга», причем в урезанном варианте, а затем и вовсе будет изъята. Ее можно считать одним из первых его посмертных изданий. Очевидно, ее выходу непосредственно способствовал И. П. Белоконский, который в то время деятельно сотрудничал с этим издательством.

Пройдут десятилетия, и только в 1990 году в журнале «Новый мир» выйдет бесцензурный и полный вариант этого смелого сочинения Короленко-публициста.

***

В книге «Дань времени» Белоконский вспоминает свои первые впечатления от встречи с молодым Короленко. Согласно этим сведениям они близко познакомились в Нижнем Новгороде. Но впервые встретиться им довелось в необычных условиях – на этапе, и пройти мимо впечатлений от личности молодого Владимира Короленко было просто невозможно.

Белоконский вспоминает: «*Всегда серьезный, вдумчивый, сосредоточенный Владимир Галактионович располагал к себе искренностью и теплотой, сердечностью, проявлявшимися по отношению ко всем его окружавшим. Каждый чувствовал, что если он обратится к Короленко, то встретит чуткое отношение к своей нужде, получит обдуманный ответ и совет. Мягкий по натуре, он был стоек в своих взглядах и убедителен в доводах*…»

И еще: «*В. Г. играл одну из первых ролей в смысле предупреждения гибельных конфликтов»,* которые вспыхивали среди заключенных.

Белоконский убежденно записал: «*Лично я уверен, что Короленко в значительной мере способствовал тому, что наше этапное путешествие до Томска дошло благополучно».*

Короленко удалось создать такую особую атмосферу среди политзаключенных, что его единодушно все выбрали старостой. Он пользовался авторитетом, как среди жандармского, так и конвойного офицерства. И вообще его влияние на конвой, по наблюдениям Белоконского, было благотворным.

Интересна и другая важная черта характера Короленко, на которую указывает мемуарист: «*В. Г. Короленко видел в каждом индивидууме, прежде всего, человека во всей сложности и разнообразии его природы, а затем уже судил о нем, как о носителе тех или иных взглядов, причем если эти взгляды были глубоки и искренни, то В. Г. относился к ним с полным уважением, как бы они не расходились с его личными воззрениями».*

Это редкое качество писатель сохранил на всю жизнь, какие бы разочарования ему не пришлось переживать в жизни от встреч с разными людьми.

Вот одно из свидетельств: «*Из невыносимого положения спас меня В. Г. Короленко, – пишет мемуарист, – одолживший мне денег, тогда с проблематичной надеждой на возврат. Он принял меня в Нижнем Новгороде как* ***родного***» (выделено в тексте автором – С.Ш.).

В этом городе в те годы обычно селились бывшие политзаключенные. Белоконский свидетельствует о том, что нижегородский губернатор мечтал о благосклонности ссыльного Короленко, чтобы укрепить свой авторитет в городе, но ни на какие компромиссы В.Г. Короленко не шел. Наоборот, вскоре об этой одиозной фигуре он напишет в своем очерке «В голодный год».

К середине 90-х годов XIX века слава Короленко-публициста уже гремела по всей России. Белоконский пишет: «*Да иначе и быть не могло, если иметь в виду, что к этому времени русское общество обладало уже*

В третьем томе, наряду с книгами В. Г. Короленко, поступила книга П. Короленко «Кошевые атаманы черноморского казачьего войска. 18 ст.». – Спб. 1901.

Сравнительный анализ печатных каталогов Харьковской Общественной Библиотеки показал, что некоторые сочинения Прокопия Короленко и В. Г. Короленко поступали в библиотеку практически в одно и то же время.

Интересно, что время выступления в печати П. Короленко практически совпадает с тем временем, когда сочинения Владимира Галактионовича Короленко издавались самым интенсивным образом.

Назовем сочинения П. Короленко:

- Черноморские казаки. – К.1877.
- Азовцы. – К.1891.

Несколько позже в библиотеку поступили и другие произведения этого автора:

- 200-летие кубанского казачьего войска 18 столетия. – Екатеринодар.1896.
- Кошевые атаманы. – Спб. 1901.

Судя по тематике произведений П. Короленко, автора интересовала история казачества. Его работы появлялись в печати, начиная с 1877 года и даже в начале XX века.

Безусловно, он был современником Владимира Галактионовича.

Впервые скрещение их имен нам встретилось в справочном издании – «Каталоге книг за 1892 год русского общества книгопродавцов и издателей», в котором приведены такие сведения:

В. Г. Короленко:

- Очерки и рассказы. 5-е изд. – М. 1893. «Изд. Русская мысль». (2000 экз.);
- Дети подземелья. – М. 1893. (10000 экз.).

П. Короленко:

Глава 7

Литературные двойники Короленко

Часть 1

Изучение формирования фонда Харьковской Общественной Библиотеки подарило немало интересных и загадочных историко-книговедческих сюжетов, которые потребовали трудоёмких библиографических разысканий.

Правомерно предположить, что в библиотеку, с самого начала её существования, поступали и произведения Владимира Галактионовича Короленко, к тому времени уже известного писателя. Об отдельных экземплярах его первых изданий, сохранившихся в фонде нашей библиотеки, мы расскажем ниже.

В первом томе «Каталога ХОБ» среди первых поступлений значатся книги не только В. Г. Короленко, но и его однофамильца некоего П. Короленко, книги которого поступили в фонд значительно раньше.

В первом томе «Каталога ХОБ» значатся такие произведения:

- Короленко (инициалы не указаны). Слепой музыкант. – Спб. 1887. (№ 2520).
- Очерки и рассказы. – М. 1887. (№ 3651).
- За иконой. – Спб. 188. (№ 7620).

О некоторых сохранившихся экземплярах мы расскажем в самостоятельном исследовании.

Во втором томе каталога указаны следующие сочинения В. Г. Короленко:

- Очерки и рассказы. Кн.2. – М. 1893. (№ 24674).
- В голодный год. – Спб. 1894. (№ 27447).

такими литературными ценностями, как «Сон Макара», «В дурном обществе», «Слепой музыкант», Ийом-кипур», «В голодный год», «Без языка»…»

В 1895 году Короленко входит в состав редколлегии журнала «Русское богатство» и переезжает в Петербург. Когда же туда приехал Белоконский, то он сразу же нашел поддержку писателя и в житейском, и в творческом плане. Мемуарист приводит фрагмент еще одного письма писателя этого периода: «*Знаменитый писатель был в то же время редкой души человеком. Из писем ко мне, изданных в 1922 году в Москве, видно, что он вечно был занят мыслью о «спасении» кого-либо из «невыносимого положения»*.

И. П. Белоконский называет Короленко «*притягательным магнитом»*.

***

Заметим, что в харьковской газете «Южный край» был напечатан едва ли не первый отклик на эту книгу Белоконского. Так, уже 26 июня 1918 года на страницах этого периодического издания появилась рецензия под названием «В Сибирь он следовал в одной партии с Короленко».

23 июля в газете было перепечатано и письмо самого Короленко по случаю приближающегося его юбилея. Вот этот замечательный текст: «*В «Полтавском дне» помещено следующее письмо Короленко в редакцию: «В местных газетах я прочел известия о тех предположениях, которые некоторыми кружками и учреждениями связываются с 65-летием со дня моего рождения и 40-летием моей литературной работы…. Если говорить о моих желаниях, то самое искреннее из них состояло бы в том, чтобы никакого юбилея в этот несчастный для нашей родины год, не было. Настроение далеко не соответствует какому-то ни было торжеству. Я понимаю, конечно, что писатель отдает в известной мере себя и свои творения в*

распоряжение общества и мое желание решающего значения иметь не может. Я глубоко тронут добрым отношением инициаторов юбилея ко мне и к основным идеям моей работы, но прошу всё-таки принять во внимание мое настроение и состояние здоровья – простить меня, если я уклонюсь все-таки от участия в собраниях».

Сохранившийся текст – это еще один яркий штрих к портрету писателя.

***

Второе издание мемуаров Белоконского появилось в 1928 году. При переиздании, спустя 10 лет, И. П. Белоконский приводит достаточно подробное описание похорон писателя и заканчивает свои впечатления словами: *«Родина навеки потеряла своего знаменитого писателя, который при более благоприятных условиях мог бы еще долгие годы одаривать нас своими произведениями».* Да и сам И. П. Белоконский после этого события прожил сравнительно недолго.

В одном из некрологов о нем сообщалось предельно кратко, но в то же время, ёмко: *«В Харькове в 1931 году умер революционер-народник Иван Петрович Белоконский, родившийся 6 июня 1855 года. В 1880–1886 он находился в ссылке в Красноярске и Минусинске.*

Его статьи этих лет о ссылке, переселенцах, сектантах в Сибири, публиковавшиеся в сибирских газетах, собраны в книгах «По тюрьмам и этапам» и «Дань времени». Позднее служил в земских учреждениях, был близок партии кадетов».

Во втором издании книги «Дань времени» Белоконский впервые приводит текст очень интересного документа, некогда выданного Короленко полицией.

Этот документ, безусловно, имеет историко-литературное значение, поскольку он отражает свое время. Читаем: «*Справка. В. Г. Короленко из дворян*

времени. Примечательно, что при этом он называет Евграфа Максимовича уже своим двоюродным дядей.

Не менее интересна общая характеристика интересов и взглядов Е. М. Короленко, который оставил такой неизгладимый след в биографии, как Владимира Вернадского, так и в судьбе Владимира Короленко, но при этом навсегда остался личностью во многом загадочной и нераскрытой.

цитировал Монтескье, был радикал и республиканец, но однажды, когда на журфиксе рассказали ходивший по Пб. анекдот о том, как английский клоун, защищая свою даму, которую офицер поцеловал в ресторане, победил компанию офицеров, а одному «очень высокопоставленному» оторвал ухо, то Е. М. вспыхнул и страстно обрушился на людей, которые «радуются позору русского военного мундира».

Его молодые глаза метали молнии, седые усы становились торчком, а лицо налилось такой краской до такой степени, что можно было опасаться удара.

… он доказывал, что Дарвин не философ и что его теория оскорбительна для человечества.

И однажды, когда я зашел к нему, то застал его за грудой книг.

Оказалось, что он решил опровергнуть Дарвина…. Он окружил себя книгами и уже написал кипы бумаги, апеллируя против дарвинизма к энциклопедистам. Когда он прочел мне одну главу, и я позволил себе указать в одном месте фактическую неверность в изложении Дарвина, он вспыхнул, стал громить самонадеянность молодежи, уверенной, что она все понимает лучше, потом справился, увидел, что я был прав, рассердился еще больше. Потом захохотал, обнял меня, и расстались опять друзьями.

– А все-таки, знаешь, докажу…

…когда подходишь к самому краю жизни, то все-таки хочется узнать, кто ты был, откуда пришел и,… черт побери, куда все-таки уходишь… и вдруг пришел от папашеньки обезьяны, уйдешь в грязь…. Да, черт побери вас со всеми Дарвинами. Этого я не хочу… Оскорбительно для человечества… и глаза его опять горели, а лицо наливалось кровь».

В этом отрывке писатель создает жанровую картину того, что происходило однажды в салоне его дальних родственников и передает атмосферу того

Волынской губернии. В 1876 году принимал участие в студенческих беспорядках и вскоре был выслан из Москвы. В мае 1879 года его выслали в Вятскую губернию. За самовольную отлучку в январе 1880 года был сослан в Пермь. Он отказался принять верноподданническую присягу, порицая распоряжение административной власти, и с июля 1881 года был переведен в Якутск.

Его литературные произведения помещались в «Русской мысли», а также в заграничных нелегальных изданиях типа «Свободная Россия». Сочинения Короленко пользуются большой известностью в обществе. Они охотно печатаются всеми периодическими изданиями».

В своей книге Иван Петрович Белоконский вспоминает о матери писателя: «*Возле Томска 20 августа этап нагнала мать Владимира Галактионовича – Эвелина Осиповна, и родная сестра Мария (по мужу Лошкарева). Мать сопровождала дочь, которая ехала к мужу».*

Не менее интересно другое свидетельство мемуариста. Он писал: «*В Харькове в 1903 году происходило, не помню, какое-то событие, связанное с именем В. Г Короленко, быть может, с его юбилеем. Этим воспользовались украинцы, чтобы показать свое к нему отрицательное отношение».*

По этому поводу сам В. Г. Короленко написал другу: *«… я уже к этим благоглупостям давно привык и смотрю на них философски. Смеюсь над тем, что смешно, сочувствую тому, что правильно и очень жалею, когда, как в данном случае, арестуют и обыскивают, за что бы то ни было…. Надеюсь проездом через Харьков увидеться…»*

Белоконский заключает: «*Только Владимир Галактионович мог подметить душевную драму там, где обыватель ничего бы не усмотрел*».

***

В 1930 году в Москве в издательстве политкаторжан была издана вторая часть воспоминаний Белоконского под названием «В годы бесправия. Дань времени. Ч. 2».

К этой книге в качестве эпиграфа автор взял выразительные слова Гете: «*Кто жил для своего времени, тот жил для всех времен».*

Эти слова в полной мере могут быть отнесены к жизни Короленко.

***

В своей книге «Книга об отце» (Ижевск. 1968) старшая дочь писателя приводит фрагмент письма, которое Владимир Галактионович написал Белоконскому 16 (29) марта 1920 года:

«*Вернулся я из санатория... не особенно поправившись. Пожалуй, наоборот, сердечное утомление усилилось... Видел там, как деникинцы распоряжались в деревне. Бог с ними».*

***

Еще раньше, 2 (15) января 1919 года, Короленко записывает в дневнике: «*Я знаю, что сказать им, и не теряю надежды. Я хочу сказать им, что пора обеим сторонам подумать, что зверства с обеих сторон достаточно, что можно быть противником, можно даже стоять друг против друга в открытом бою, но не душить и не стрелять уже обезоруженного противника».*

Эти слова писателя и этот отрывок Софья Владимировна приводит в своей книге: «А раньше он то же самое говорил гетманцам. «*Мужество в бою и великодушие к побежденному противнику, лозунг не всепрощения, а борьбы», – повторяет он каждой из борющихся сторон.*

И далее: «*Вся страна устала от озверения. Мне*

«Что касается нас двоих, (имеется в виду Владимир и его брат Илларион – С. Ш.) *то никакие обращения не помогали,... а когда один солидный человек, кажется, мой дядя, упоминавшийся выше – Евграф Максимович Короленко обратился с вопросом о нас в градоначальство, то там ему ответили просто:*

– Помилуйте! Достаточно одних знакомств: все знакомые этой семьи сидят по тюрьмам! Это был факт, опровергнуть который было, разумеется, невозможно».

Факт заступничества Евграфа Максимовича за братьев Короленко – это ранее неизвестный и еще один дополнительный штрих к его портрету.

3

В ранней редакции главы «Я нахожу работу» приведен еще один интересный эпизод, связанный с личностью Е. М. Короленко, который почему-то в последний вариант главы так и не вошел. Короленко писал: *«Главный контингент посетителей салона Бируковых были учителя и их жёны…. Быть может, самой яркой фигурой в этой компании был мой двоюродный дядя Евграф Максимович.*

Это был старик лет около 70-ти, с молочно-белой бородой и волосами, в рамке которых выделялось полнокровное нервное лицо с живыми глазами.

Он легко вспыхивал, особенно в споре, лицо его тогда еще более краснело…

Говорил он нервно, быстро, возбужденно и часто красиво. Был когда-то офицером на Кавказе, заболел, причем врачи потребовали от него отказа от женитьбы. Он отказался, не знал женщин, вел строгий образ жизни, интересовался всеми вопросами современности.

Благоговел перед декабристами. Ненавидел Наполеона 3. Преклонялся перед Руссо и энциклопедистами,

журить меня за то, что я не бываю у моего дальнего родственника Ивана Васильевича Вернадского. При этом он открыл мне, что около бывшего издателя «Экономиста» группируется кружок либералов-конституционалистов, к которым принадлежит даже бывший петербургский губернатор Лутковский».

Определение писателя – «однофамилец», как выяснилось позже, было не совсем верным. По свидетельству В. Г. Короленко, дядя Евграф стремился наладить живой контакт с молодежью. Писателю запомнились его слова: «У *нас связи вверху, у вас – молодость и энергия. Нам следует сговориться».* Сам Короленко далее признается*: «Правда сказать, я ничего не ждал от этого союза».*

Короленко удается создать вполне зримый образ Евграфа Максимовича. Он писал:

«*Евграф Максимович был уже очень стар, хотя кипел какой-то особенной экспансивностью.*

Когда он говорил, горячась (а горячился он всегда, особенно во время споров), лицо его становилось багровым так, что внушало опасения удара. Старик был очень интересен. Умен, и оригинален, но спорить с ним и даже выражать при нем несогласное мнение было невозможно, а значит, невозможны были и соглашения.

…Вернадский в то время представлял почти развалину. Он перенес один удар, и даже говорил невнятно…. Помню, что все солидное общество собравшееся у Вернадского, было проникнуто сочувствием к Засулич, начиная с самого Вернадского и Евграфа Максимовича, и кончая сотрудничавшим в «Новом времени» историком…»

2

В другой главе писатель касается истории их ареста весной 1878 года. По этому поводу он писал:

хотелось бы иметь больше силы, чтобы сделать, что только возможно, в этом направлении» – строки из письма И. П. Белоконскому от 9 апреля 1919 года (

***

28 декабря 1920 года писатель поделился с Белоконскими своими первоочередными творческими замыслами: «*Современника» хоть потихоньку продолжаю. Боялся, что зима прекратит мою работу. Но эти опасения не сбылись».*

Эти признания писателя приведены в посмертном издании «Истории моего современника», причем в редакционной статье. (Изд. 1929).

***

Вспоминая это время, Белоконский пишет: «*20 мая 1921 года я получил письмо от Я. К. Имшенецкого: «В. Г. постепенно уходит заживо из жизни…»*

Я. К. Имшенецкий жил в Полтаве и был давним приятелем обоих, но особенно близок он стал семье Короленко в годы революции и гражданской войны.

Белоконский продолжает: «*... если потрясло меня письмо Имшенецкого, то не менее поражен был я и приведенным письмом В. Г. от 24 мая 1921 года… стоящий одной ногой в могиле, измученный жизнью писатель, не покладая рук, продолжает писать, думает «ходатайствовать», вообще полон сознания и жажды жизни. Не преувеличивал ли Имшенецкий*?».

Но Белоконский все чаще слышал от людей, приезжавших из Полтавы, что Короленко буквально угасает. Ухудшалось физическое и психологическое здоровье, подступал голод, одолевали старые болезни, нарастала потеря близких людей и друзей. Особенно писатель горевал после гибели своего зятя, которого очень любил – Константина Ивановича Ляховича – «*друга и истинного помощника во всех его делах*». Все

приближало его к часу кончины**.**

24 мая 1921 года Короленко сообщил И. П. Белоконскому о большом горе, постигшем его семью: «*…вы уже знаете, наверное, о горе, которое обрушилось на нашу семью. Константин Иванович Ляхович, мой зять, человек, которого я искренно любил, мой друг и истинный помощник во всех делах, умер…. Это так меня ушибло, что я не мог себе представить, как я без него буду опять писать, опять ходатайствовать перед «власть имущими» и т. д. Но… горе горем, а дела делами, и за них придется опять приниматься*».

Страница биографическая

Иван Петрович Белоконский был известным земским деятелем, публицистом и литератором. Он прожил долгую, нелегкую и чрезвычайно насыщенную жизнь, исполненную больших трудов, значительных встреч и свершений. Белоконский был разносторонней и незаурядной личностью, и не удивительно, что справочные издания представляют его по-разному:

- историк,
- земский статистик,
- публицист,
- российский общественный деятель**,**
- беллетрист,
- участник народнического движения.

В своих очерках и рассказах Белоконский в основном говорил о жизни «земской интеллигенции». Он был постоянным сотрудником многих периодических изданий – «Русские ведомости», «Сын Отечества», «Русское богатство», «Русская мысль»,

***

В «Истории моего современника» (М.1930) В. Г. Короленко также запечатлел образ Евграфа Максимовича. Когда они познакомились, Евграфу Максимовичу было около семидесяти лет. Это был 1878 год. Короленко вспоминал: *«Старик... с молочно-белой бородой и волосами, в рамке которых выделялось полнокровное нервное лицо с живыми глазами... Говорил он нервно, быстро, возбужденно и часто красиво... вел строгий образ жизни, интересовался всеми вопросами современности. Благоговел перед декабристами, ненавидел Наполеона III, преклонялся перед Руссо и энциклопедистами, цитировал Монтескье, был радикал и республиканец».*

«*Горячился он всегда, особенно во время споров... Старик был очень интересен, умен и оригинален, но спорить с ним, и даже выражать при нем несогласное мнение, было невозможно... Его молодые глаза метали молнии, седые усы становились торчком, а лицо наливалось краской... Но, несмотря на вспыльчивость и горячность, он был отходчив и добродушен».*

Таким нарисован художественный портрет этой неординарной личности.

В наиболее полном и бесцензурном издании «Истории моего современника» (М. ГИХЛ. 1965) встречаются значительные дополнения к более ранней публикации Короленко о Евграфе Максимовиче, причем не в одной главе.

1

Он писал: «*У меня был в то время в Петербурге дядя однофамилец, Евграф Максимович.*

Я встречался с ним еще прежде на журфиксах у своей двоюродной сестры, но тогда он относился ко мне, как к мальчику. После петровской истории и моей первой ссылки он изменил это отношение и однажды стал

В ней Е. М. Короленко выступает как противник самодержавия, как демократ и либерал. Он пытается проанализировать идеалы, методы и возможные результаты восстания польских патриотов (так в книге названы повстанцы).

Он писал: «*Оставаться равнодушным зрителем ожесточенной борьбы единокровных народов, братьев, всеми элементами своей натуры показывающих принадлежность их к одной великой семье, не может ни один мыслящий человек... Сражаться, умирать за идею отечества – не учиться стать ни поляку, ни русскому».*

Во взглядах Евграфа Максимовича характерен приоритет идеи человечности, вне которой он не признавал истинно образованного человека. Вот как он высказывался по этому поводу: «*Присматриваясь в продолжение долгой жизни к разным кругам человеческих обществ, я пришел к убеждению, что хотя человечество давно живет, а право, не далеко ушло от того состояния, в котором его застал потоп... Точно, будто образование состоит в том, чтобы набить свою голову разными учебными дрязгами, которые бы не оставили в ней места для разумного взгляда на жизнь. Такого рода образование, часто фактическое, не осмысленное гуманностью...»* И он с негодованием его отвергает.

«*Сделаться добрым, убить в себе прирожденный человеку эгоизм – единственная цель образования! Мерилом образования, как людей, в частности, так, в особенности, народов, может быть только одно – их гуманность».*

Это была самобытная и колоритная фигура русского интеллигента середины XIX века, увлеченного и самоотверженного искателя истины. Во многом его можно отнести к разряду незаурядных мыслителей.

«Вестник Европы» и других.

Он был автором многих книг. В его книгах представлена история общественных течений, настроений и дел интеллигенции, которую он считал «солью земли».

Некоторые из них представлены в фондах ХГНБК и, в частности, в фонде отдела редких изданий и рукописей (см. отд. приложение).

Будучи специалистом в области земской статистики, он неоднократно печатался и в специальных изданиях. В то же время как публицист и литератор он публиковал свои работы на страницах современной ему периодики в Москве и Петербурге. Он был знаком с весьма обширными кругами деятелей того времени – известными писателями, учеными, политиками, провинциальными чиновниками и обывателями.

И. П. Белоконский был достаточно близок с участниками революционного движения 70-80-х годов.

***

Он родился в семье врача. Учился в черниговской гимназии; был народным учителем, затем слушал лекции в Киевском университете. Затем недолго работал сельским учителем в Киевской губернии, где и сблизился в 1870-х годах с народниками. Он видел назначение революции в провозглашении политической свободы и равенства.

В Житомире он недолго редактировал газету «Волынь», но вскоре его арестовали и выслали. Впервые Белоконский был арестован в 1879 году за пропагандистскую деятельность. Больше года пробыл в одиночном заключении, а затем сослан в Восточную Сибирь, где пробыл с 1880 по 1886 год**.** Вернувшись из ссылки, он работал также в земствах Житомира, Курска, Орла и Харькова. В первые годы XX столетия Белоконский непосредственно участвовал в организации

«Союза освобождения», а позже стал членом партии кадетов.

Отбыв ссылку, Белоконский поселился сначала в Орле. Он принимал самое деятельное участие в газете «Орловский Вестник», но в 1889 году его опять арестовали. Орловский период в жизни Белоконского длился с 1886 по 1895 год, когда он работал в Орловском статистическом бюро и сотрудничал в «Орловском вестнике».

В «Орловском вестнике» Белоконский публиковался часто – рассказы и фельетоны, очерки и обзоры. Особенно заметным явлением в орловской журналистике стали его фельетоны. Публикации Белоконского обличали полицейско-бюрократические порядки губернского центра. После чего орловский губернатор получил от Главного управления по делам печати письмо, в котором указывалось, что «Орловский вестник» принял «*самое неблаговидное направление».*

***

В 1899 году Белоконский переезжает в Харьков, куда его пригласил председатель губернского земства работать секретарем управы. Но вскоре, не сойдясь во взглядах на совместную работу, Белоконский покидает этот пост и полностью отдается общественной и просветительской деятельности.

Как член Харьковского Общества по распространению в народе грамотности, он деятельно работает в издательском комитете и издает книги для народных читален и библиотек. Он был первым председателем справочно-педагогического комитета харьковского общества по распространению в народе грамотности. В этом комитете участвовали многие общественные деятели Харькова, в том числе, Н. П. Баллин и Л. Б. Хавкина.

Он уделял много внимания развитию библиотечного

населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них...»

Будучи цельной, оригинальной и сильной личностью. Евграф Максимович не мог не влиять на юношу.

Евграф Максимович Короленко был очень образованным и начитанным для своего времени человеком. Он живо интересовался разными вопросами естествознания, но более всего его занимали «вечные вопросы» о сути бытия, о тайне жизни и смерти, о законах единства мироздания и величия человеческого познания.

По своей искренней увлеченности поисками истины он не мог не увлечь этим и любознательного гимназиста Владимира Вернадского.

В беседах с Евграфом Максимовичем Владимир Вернадский не только упражнялся в фантазировании и свободном полете мысли, он учился видеть, примечать в обычном неведомое, размышлять о грандиозности и гармонии мироздания, о беспредельных далях пространства и невообразимых безднах времени.

Именно с той поры и до конца своих дней Вернадский пытался постичь смысл своего существования и бытия всего человечества в целом.

И еще одно замечательное качество воспитал Е. М. Короленко в своем юном друге – это веру в великие возможности научного познания и человеческого гения.

Именно эта вера легла в основу учения Вернадского о переходе биосферы в ноосферу: «*Безмерны возможности человека разумного».*

Установлено, что Е. М. Короленко являлся также горячим и убежденным патриотом России и славянства. Об этом, в частности, можно судить по его единственной книге, изданной в год рождения Вернадского: «По поводу свежих событий в Польше».

благородстве, о необходимости помогать ближнему, делать людям добро, и что для этого всего требуется быть сильным и мужественным.

В конце своей жизни Вернадский отметил, что в детстве огромное влияние на его умственное развитие имели только два человека: отец, Иван Васильевич, и его двоюродный брат, Евграф Максимович Короленко.

Лишь несколько статей Евграфа Короленко были в свое время опубликованы в журнале «Экономический указатель», который издавал Вернадский – старший.

Вспоминая свое детство, Вернадский писал жене: «*Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко. Это был оригинальный и довольно сильный человек. Самолюбивый, в высшей степени остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты... Был человеком хорошо образованным, хотя образование себе сам добыл... Он был самых либеральных убеждений, но в то же самое время был эгоистом и bon vivant (здесь: жизнелюб.— Р. Б.), и я помню, как он говорил, что никак не понимает, как можно было давать сжигать себя, как хотя бы Гус или Джордано Бруно. Он ставил обыкновенно в пример Вольтера и признавался, что если бы к нему пристали попы, он двадцать раз перецелует крест, а не даст себя сжарить. Попов он не любил от глубины души. Глубоко уважал Фурье и Сен-Симона, но считал это все очень далеким, недоступным...*

Вспоминаются мне темные, зимние, звездные вечера. Перед сном он любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный Путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне о них рассказывал, я долго после не мог успокоиться; в моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; *падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и*

дела на Харьковщине.

В 1900 году Белоконский обратился к ряду современных российских писателей с просьбой разрешить печатать их сочинения для народа в специальной серии книг для народа. Харьковчане – члены издательского комитета – попросили его обратиться и к Короленко. Писатель быстро откликнулся на эту просьбу Белоконского и харьковчан, и дал согласие. Да и разве могло быть иначе? По собственному признанию Белоконского, он был постоянно «по горло занят», но, тем не менее, его общению с любимым писателем это не мешало.

В 1901 году за подробные и профессионально выполненные рецензии о статистических работах Н. И. Борисова, сделанные по предложению харьковского университета, университет присудил Белоконскому золотую медаль.

С 1905 года он принимал активное участие в разных периодических изданиях Харькова. Белоконский был редактором газет «Будущее» и «Волна», которые недолго выходили в печати, а позже Белоконский стал членом редакции харьковской газеты «Утро».

Известно, что после 1905 года его книги часто подвергались цензурным преследованиям. (Об истории одного такого издания см. отд. приложение 3.)

Белоконский умело и просто вводил читателя в описываемую эпоху. С годами он стал широко известен и как земский деятель, и как статистик, и как историк земского движения.

В 1910 году в Харькове И. П. Белоконский редактировал том «Народной энциклопедии» (т. 10), посвященный истории народного образования в России. Его деятельность на этом поприще представляет собой самостоятельную страницу в его биографии.

***

В 1905–1907 году И. П. Белоконский деятельно участвовал в работе издательства «Донская речь» в Ростове на Дону.

В этом издательстве вышло несколько его прижизненных изданий. Большинство из них сохраняется в фондах харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко. Белоконский в годы первой русской революции непосредственно способствовал тому, чтобы в этом же издательстве печатали и Короленко.

Так, например, в издательстве «Донская речь» впервые был напечатан рассказ В. Г. Короленко «Чудная». Это произведение было написано давно и посвящено Эвелине Людвиговне Улановской (1860–1915), которая за участие в беспорядках ссыльных была выслана в Починки, где в то же самое время находился и будущий писатель.

В наиболее полном современном издании «Истории моего современника» (М. 1965) в примечаниях указывается, что *«находясь в тюрьме, Короленко занимался творческой работой. В частности, в тюрьме он написал рассказ «Чудная»...»*

И далее приведено сравнительно подробное свидетельство, напечатанное в журнале «Каторга и ссылка» его со-лагерником С. П. Шевцовым, который об этом времени вспоминал: «*Как он ухитрился это сделать, живя в «большой» камере с ее вечной сутолокой среди несмолкаемо гомона, – я совершенно не постигаю. Сделал это он, сидя на кровати, забравшись на нее с ногами и прижавшись в угол так, чтобы можно было писать на развернутой книге, положенной на согнутые колени… «Чудную» он прочел нам на одном из наших собраний, где присутствовала вся тюрьма в той же «большой камере». Впечатление было огромное. Тогда же рассказ был передан через Н. Ф. Анненского и*

- *«Образование подчас более способствует оглуплению человека, чем его поумнению: чрезвычайно вредно должно действовать на умственное развитие человека чтение без критики».*

Евграф Максимович, пробуждая чувство благоговения перед окружающим миром, будил в юноше фантазию, открывая неожиданные тайны мироздания.

Е. М. Короленко не публиковал своих трудов, но, благодаря В. И. Вернадскому, многие из них сохранились, в частности, сохранилась полемичная статья под названием «Против равенства людей по рождению». Сохранились варианты, заметки и наброски другой его статьи под названием «Доисторическое человечество, как деятель цивилизации – опыт естественной истории человечества». Взгляды Е. М. Короленко на разумную перестройку планеты человеком в некоторой степени предвосхитили мысли В. И. Вернадского о геологической и космической роли человека и о ноосфере как сфере разума.

В одном из писем к жене В. И. Вернадский признавался: «*Мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю».* Это признание появилось через шесть лет после смерти Е. М. Короленко.

Способность видеть необычное в обычном, удивляться и сознавать ограниченность своих знаний – вот качества, необходимые настоящему исследователю природы и натуралисту.

В. И. Вернадский их приобрел в отрочестве, и в немалой степени благодаря Е. М. Короленко.

Навсегда он запомнил свои вечерние беседы с дядей о разуме звезд и жизнедеятельности Земли, о происхождении рода человеческого и его предназначении в мире. А еще были беседы о чести и

лицом (шел ему тогда седьмой десяток), не утративший офицерской выправки, Евграф Максимович любил гулять перед сном в сопровождении своего юного друга Владимира Вернадского. В эти минуты ничто не мешало почтенному Евграфу Максимовичу фантазировать вслух. Он не признавал Бога, и звездное ночное небо вызывало у него необычайные образы. Он не сомневался в том, что далекие миры населены разумными существами. Более того, он верил, что все миры вместе, сонмы звезд и галактик не разбросаны в мировом пространстве случайно, не хаотичны, но составляют нечто единое, бесконечно сложное, организованное и разумное.

- Самолюбивый до крайности, остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты.
- «Он был человеком хорошо образованным, хотя образование «сам себе добыл»…» Так о нем позже написал в своих воспоминаниях В. И. Вернадский.
- Более всего его волновали проблемы, связанные с жизнью каждого человека и всего человечества.
- Он не признавал никаких авторитетов – ни философских, ни религиозных, ни научных, до всего пытался дойти своим умом.
- Е. М. Короленко любил фантазировать вслух.
- Евграф Максимович был, что называется, человеком без предрассудков...

Некоторые афоризмы Е. М. Короленко навсегда запомнились Владимиру Вернадскому и сыграли определенную роль в формировании многих его взглядов:

- «*Мысль немыслима без мысли», «Земля есть живой организм».*
- *«Трус не может быть нравственным человеком».*

ходившую к нему на свидания жену, Г. И. Успенскому, который пришел от него в восторг. Тогда же он пытался его напечатать, но, по цензурным условиям, это оказалось в те времена совершенно невозможным».

По цензурным соображениям, рассказ Короленко «Чудная» долго не печатался в России…. Но заграницей этот очерк Короленко был напечатан на русском языке в американской газете «Прогресс», еще в 1892 году, а затем появился также в различных переводах в целом ряде зарубежных изданий. В 1893 году очерк «Чудная» был выпущен в Лондоне отдельной брошюрой в издании Фонда Вольной Руссой прессы.

В России легально очерк был впервые напечатан под заглавием «Командировка» в «Русском богатстве» (1905. № 9) и лишь затем в том же году вышел отдельным изданием.

И. П. Белоконский отмечал, что в этом рассказе Короленко изобразил «*захватывающий тип народницы 70-х годов».*

***

Почти все сочинения Короленко дарил своему давнему другу тотчас по получении экземпляров из издательства, причем непременно с дарственной надписью. В библиотеке Белоконского хранилось немало книг подписанных писателем.

Судя по переписке, они часто встречались, и в Петербурге, и в Харькове, когда там проездом в Полтаву бывал писатель.

Белоконский пишет: *«… время от времени я посещал Короленко в Полтаве и он, проезжая через Харьков, бывал у меня…»* В начале ноября 1913 года они повидались в очередной раз в Харькове, когда Владимир Галактионович останавливался проездом.

***

Во всех своих строчках о В. Г. Короленко Иван Петрович Белоконский старался быть предельно документальным и правдивым.

Он оставил важные свидетельства о похоронах Короленко: «*Похороны его показали, как чтит его не только так называемое общество, а народ.*

Вот как хоронили Короленко 28 декабря 1921 года: Этот день был объявлен траурным. Занятия в школах и учреждениях не производились. Спектакли и зрелища в этот день запрещены. Местными учреждениями издана однодневная литературно-общественная газета «Призыв», посвященная памяти Короленко. Весь сбор с газеты поступил в фонд голодающих, как «фонд памяти Короленко».

В «Полтавских известиях» были помещены извещения губисполкома, губпрофсоюза, всех губ. отделов, союзов полтавского бюро соц-рев. о смерти Короленко.

На похороны прибыли из Харькова Представитель Наркомпросса Украины т. Гринько и писатель Пешехонов.

Из соседних сёл и деревень прибыло на похороны селянство и спец. делегации всех профсоюзов, учреждений, предприятий, организаций, учащихся и воинских частей. При глубоком молчании 100 тыс. толпы под торжественные звуки мощного хора, спевшего вечную память, вынесли гроб. Хор сменился оркестром. К концу шествия процессия разрослась в 150 тыс. толпу. Произведены киносъемки спец. аппаратом, доставленным из Харькова.

Первые венки возложили предгубисполкома т. Дробина и наркомпросса т. Гринько.

Затем был возложен венок от местной еврейской общины с надписью: «Великому писателю – гуманисту признательный еврейский народ».

Свидетельства одного из современников писателя

Глава 6

Загадочный Евграф Короленко

В биографии Вернадского неоднократно упоминается о том, какое огромное влияние на него оказал его двоюродный дядя Евграф Максимович Короленко:

- «*Евграф Максимович Короленко, дядя В. И. Вернадского, был поклонником Вольтера, вольнодумный, но добрый и сердечный человек, занимался наукой как любитель. Под влиянием Дарвина писал сочинение о происхождении человека».*
- «*Иван Васильевич Вернадский и его двоюродный брат Евграф Максимович Короленко были очень близки*».

В воспоминаниях В. И. Вернадского о своей юности есть такие строки: *«Жизнь в Харькове представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие можно пожелать. Самыми светлыми минутами представляются мне в то время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и моим двоюродным дядей Е. М. Короленко».*

***

Что же можно узнать о незаурядной личности Евграфа Максимовича Короленко (1810–1880)? Вот некоторые сведения о нем, которые удалось разыскать в разных справочных изданиях:

- Отставной (по болезни) офицер, служивший на Кавказе. После отставки жил в Полтавской губернии. Рано увлекся научно-философскими изысканиями. Короче, он был философом-дилетантом.
- Седовласый и седобородый, с молодым румяным

к 5 годам ИТЛ, вскоре после окончания срока наказания скончалась в ссылке, в г. Кинешме. Посмертно реабилитирована».

Заметим, что после ареста Е. П. Чернояровой референтом ученого в 1938 году стала старшая дочь его друга Дмитрия Ивановича Шаховского – Анна.

В примечаниях к этой записи следует интересное уточнение**:** *«Короленко Сергей Александрович (?–1908) окончил Николаевское артиллерийское училище и Академию генерального штаба, был женат на сестре В. И. Вернадского Екатерине (1884), в 1898 супруги развелись.*

В 1884–1889 – почетный мировой судья Новомосковского уезда (Екатеринославская губ.), с 1889 служил по Министерству государственных имуществ.

С. А. Короленко был азартным игроком в карты, неоднократно находился в состоянии стресса, покончил жизнь самоубийством».

В этом отрывке вызывает интерес практически все, и многое, безусловно, требует уточнений и дополнений.

Возник целый ряд новых вопросов:

- На основе каких источников составлены эти развернутые примечания?
- Сергей Александрович Короленко был однофамильцем Владимира Галактионовича Короленко или же имел к писателю какое-то отношение? Судя по отчеству, скорей всего, это – однофамилец. Но, конечно, нужно узнать развернутое родословие Короленко!
- Какого возраста был Сергей, и каковы были обстоятельства, вызвавшие такой печальный финал его жизни.

В этих примечаниях не упоминается о том, что он был творческой и пишущей личностью, в то время как мемуарист Корнилов на это указывал. Почему?

Увы, на многие вопросы пока не находятся ответы, но надо надеяться, что это временно.

в наши дни, к сожалению, практически забыты. Напомнить об этом авторе и было основной задачей этого историко-книговедческого этюда. К сожалению, его архив достаточно рассредоточен. В нем еще немало неопубликованных работ, а также документов, связанных с людьми, которых он встречал на протяжении долгой жизни. Наш поиск продолжается…

Приложение 1.
Слово Ивана Петровича Белоконского о Короленко (несколько фрагментов)

- *Всегда серьёзный, вдумчивый, сосредоточенный В. Г. располагал к себе искренностью и тёплой сердечностью, проявлявшимися по отношению ко всем его окружавшим. Каждый чувствовал, что если он обратится к Короленко, то встретит чуткое отношение к своей нужде, получит обдуманный совет. Мягкий по натуре, он был стоек в своих взглядах и убедителен в доводах.*
- *В. Г. играл одну из первых ролей в смысле предупреждения гибельных конфликтов.*
- *О Тургеневе говорили, что он целовал портреты подсудимых, называя их «святыми». Вероятно, о них думал и В. Г. Короленко, когда писал свой высокохудожественный рассказ «Чудная», напечатанный нелегально…*
- *… лично я уверен, что Короленко в значительной мере способствовал тому, что наше этапное путешествие до Томска дошло благополучно. В мае 1879 года Короленко был выслан в Вятскую губернию. В*

январе 1880 года он отлучился и был сослан за это в Пермь. Он отказался принять верноподданическую присягу, порицая распоряжение административной власти.

- *...по возвращении в Россию Короленко проявил себя как великий русской писатель и прекрасной души человек.*

Белоконский о Короленко как старосте политической партии

«*Старосте надо было иметь непосредственное сношение с нашими врагами. Дело это было весьма трудное. С одной стороны, приходилось соблюдать интересы товарищей, что немыслимо было без корректного, по меньшей мере, отношения к жандармам, а с другой – нельзя было терять достоинства и лично своего и партии.*

Но В. Г. сразу сориентировался в этом сложном вопросе, проявив тогда уже и свой великий талант, и свою великую, проникновенную душу.

... стоило привлечь Короленко, обыкновенно не участвовавшего в прениях, как он высказывал совершенно неожиданную оригинальную точку зрения. Вы чувствовали, что это нечто творческое, ***свое,*** *принадлежащее только В. Г. (выделено Белоконским – С.Ш.). И в то же время, она так ярко, так всесторонне освещала суть вопроса, такое решение предлагала, что, в конце концов, все соглашались с Короленко.*

В партии, среди которой подавляющее большинство состояло из людей с сильно потрепанными нервами, было немало таких, которые от малейшего раздражения приходили прямо в неистовство, особенно они не выносили жандармов. Это обстоятельство в каждый момент могло вызвать тяжелое столкновение,

фамилию Константиновичей: «*В семье Константиновичей было резкое деление на любимых и нелюбимых.*

Любимые: Миша, старшая Ольга – любимица Александра Петровича, Костя и Наташа. Нелюбимые: Катя, Соня. Соня мне нравилась – она этого не знала, и я это не показывал. Катя жила у нас, добрая, страстная, «недалекая». Семья считала Соню неумной. Обе девочки были с детства отданы в институт и редко видели родителей. Катя вышла за П. Галенковского, уже пожившего артиллерийского офицера, двоюродного брата С. А. Короленко, потом – за Черноярова – от него у нее дочь и внучка. Я их вижу в Москве. Живут трудно – «бывшие» люди, переходящие в новом поколении в новую жизнь – трудовую. Катя работает, сохранила душу».

Таким образом, одна из дальних родственниц Вернадского имела косвенное отношение к С. А. Короленко, но это никоим образом не раскрывает саму эту личность.

В примечаниях к этим фамилиям приведены краткие биографические сведения о них:

- *…Екатерина Александровна Константинович (по первому браку Галенковская, по второму – Черноярова) (1863–1942) – дочь А. П. Константиновича. В 1885 вышла замуж за П. А. Галенковского, а после развода в 1905 году – за Л. Н. Черноярова.*
- *Елизавета Павловна Черноярова (в замужестве Супрунова) (1894–1943) – дочь Е. А. Чернояровой от первого брака с П. А. Галенковским. Библиотекарь. В 1929–1936 году работала в Москве в библиотеках Текстильного института, затем Всесоюзной торговой палаты. В 1936–1937 году – референт В. И. Вернадского в Биогел АН СССР. 5. IX. 1937 была арестована по фальсифицированному делу, приговорена*

него и яркая личность его племянницы – Анны Сергеевны Короленко.

Еще один Короленко

В который раз перечитываю строки А. А. Корнилова, который писал: «*Семья В. И. Вернадского увеличилась в 1910 еще одним интересным человеком. Это была единственная дочь одной из двух сестер его «бывшей замужем за небезызвестным писателем и деятелем С. А. Короленко. Сам Короленко умер, а в 1910 году умерла и его жена Екатерина Ивановна. Таким образом, дочь их – Анна Сергеевна осталась круглой сиротой*».

Загадочно звучит характеристика отца девушки, ставшей в последующие годы столь близкой семье Вернадских.

Фраза мемуариста – «*небезызвестный писатель и деятель С. А. Короленко»* – дразнит своей нераскрытостью. Почему это определение «небезызвестный» соседствует с его характеристикой как писателя и деятеля? Если он печатался, то, в каких изданиях? Что еще можно узнать о нем?

В справочных изданиях и биографических словарях сведения о нем отсутствуют. Ну не мог же А. А. Корнилов дать подобную характеристику С. А. Короленко, совсем не обосновано.

Вновь обратимся к дневникам Вернадского. 20. 1. 1935 года, находясь в Ленинграде, он фиксирует в дневнике: *«Приехал из Москвы 18 (января, где пробыл 15-17)…»* и затем следует целый ряд фамилий и каких-то важных сцеплений этих имен, до конца понятных лишь ему одному.

Но все же постараемся вникнуть в тот фрагмент, который касается его встречи с семьей дальних родственников по материнской линии, носивших

как это и было в предшествующих партиях, да и у нас были случаи, когда вот-вот жандармы приступят к «усмирению» нас.

Но вмешивался Короленко, и всегда отстранял великую опасность. Объяснялось это его проникновенным стремлением найти, я бы сказал, человеческие струны в душе каждого смертного. И он находил их и у нас, и у жандармов.

Всегда спокойный, он в то же время обладал такой сердечной теплотой и мощным умом, что ни один, даже необузданный расстроенный товарищ не мог устоять перед такого рода свойством природы Короленко. То же самое происходило и с жандармами, когда В. Г., ни на йоту не поступаясь своим достоинством и взглядами, находил в них человеческие струны, вступал в переговоры и всегда имел успех».

***

В книге «Дань времени» (2 изд. 1928), которая была расширена и дополнена, по сравнению с первым изданием, Белоконский писал: *«Не раз, выражаясь фигурально, температура среди партии доходила до точки кипения. Не раз были моменты, когда резкость, невыдержанность, повышенная нервозность некоторых из товарищей могли повлечь за собой столкновение с вооруженным конвоем, который, понятно, всегда остался бы победителем, и Владимир Галактионович играл одну из первых ролей в смысле предупреждения подобных гибельных конфликтов…»*

Лично я уверен, что Короленко в значительной мере способствовал тому, что наше этапное путешествие до Томска прошло вполне благополучно. Точно так же немало сделал он и в смысле улаживания столкновения среди самой партии. Мне думается, что успех в этом объясняется присущей В. Г. (так в тексте – С.Ш.) чертой – видеть в каждом индивидууме, прежде всего, человека во всей сложности и разнообразности его

природы, а затем уже судить о нем, как о носителе тех или иных взглядов, при чем если эти взгляды были глубоки и искренни, то Владимир Галактионович относился к ним с полным уважением, как бы ни расходились они с личными его воззрениями».

***

В библиотеке сохранился экземпляр книги И. П. Белоконского «Земское движение. Изд. 2-е. Исправленное, значительно дополненное и иллюстрированное 260 портретами земских и общественных деятелей и группами» (М. 1914. Издательство «Задруга»).

В этом обширном историческом исследовании есть строки с упоминанием имени писателя. Так, И. П. Белоконский пишет о книге В. Г. Короленко «В голодный год»: «*…Владимир Галактионович заявил, что он может писать и говорить только о фактах ему хорошо известных, что он знает лиц, стоящих во главе земского дела, как людей глубоко честных...*»

И. П. Белоконский. Первая встреча.

«*Много было ко мне обращений – «дать что-нибудь для сборника памяти В. Г. Короленко». Но я категорически отклонял эти просьбы, и до сих пор лишь для близкого мне книгоиздательства «Задруга» сгруппировал письма ко мне покойного в течение более чем сорокалетнего знакомства. Несомненно, что и сейчас я ничего не дал бы ни для какого «сборника», потому что слишком тяжка для меня потеря Владимира Галактионовича, слишком она потрясла меня, чтобы справиться через полгода и спокойно писать о нем. И только просьба редакции «Врачебного Дела» – журнала, тесно связанного с Харьковским Медицинским О - вом, к которым проникнут я глубоким*

***

В годы второй мировой войны жизнь Вернадского подходила к своему естественному завершению. В это время он активно занимался составлением хронологии основных событий своей жизни, приводил в порядок записи, черновики, дневники. Он вновь обращается к пережитому и записывает в дневнике: «*Работаю над «Хронологией» родовой жизни нашей семьи. Дневники жизни Нюты – полные религиозной жизни*». Он заново открывает для себя внутреннюю жизнь племянницы и вступает с ней в мысленный диалог.

7 октября 1941 года он записал: «*Читал дневники и архив Нюты несколько недель тому назад. Ее яркая внутренняя жизнь видна в ее письмах и дневниках. Но для меня чужда эта горячая христианская вера, связанная с христианством в наши дни, когда подрываются основы той реальной канвы, вне которой христианин строит себе реальную обстановку, явно неправильную, в которую верит умная, дорогая Нюточка в дневнике 1916 года – последнего года, который она пережила целиком, – обращается к Господу как реальному лицу, который может помочь. Она пыталась найти опору в философии и изучала Даннемана: русский перевод, без переплета, сохранился – весь подчеркнутый и проникнутый ею …*»

И затем: «*Все эти дни приводил в порядок дневники Нюты с 1911 и до 1916 года включительно. Многое вспоминается. Ее дорогой образ восстанавливается, и переживаем эти годы. Мне кажется, ни в философии, ни в религии сейчас нельзя найти опору – роль науки и социального творчества выступает на первое место».*

Вера и религия были предметом постоянных размышлений Вернадского. Ими он делился со своим ближайшим другом Дмитрием Ивановичем Шаховским. Немалое значение в его духовных исканиях имела для

Екатерина Ивановна Вернадская (1864–1910) умерла внезапно, оставив свою дочь круглой сиротой.

Анна Сергеевна Короленко (1884–1917) после смерти матери семь лет жила в доме Вернадских. Она окончила Смольный институт, хорошо играла на арфе, и даже вела концертную деятельность, выступая вместе с известными в то время арфистками – сестрами Эрдели.

Преподавала в Петербургском музыкальном институте. В начале 1917 года она умерла от туберкулеза. Образ ее постоянно возникал в памяти Вернадского до последних дней его жизни…. На страницах дневников постоянно встречаются многочисленные воспоминания и ассоциации, связанные с «Нютой», как он ее любовно называл.

В 1923 Вернадские жили в Париже. 24 мая 1923 года он узнает о гибели Николая Гумилева, и в который раз задумывается о жизни и смерти, и снова возвращается к смерти любимой племянницы.

Он записывает в дневник: «В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы». Н. Гумилев убит в момент расцвета. *Гордый мозг не может жить в коммунистическом рабстве…. Но жизнь мгновенна. И днем больше, днем меньше – не все ли равно. Хотя иногда, как сегодня мысль, что Нюта Короленко могла б прожить еще несколько лет и несколько лет позже или раньше? Лучше жить глубже и полнее».*

***

Вернадский по памяти записывает начальные строки известного стихотворения поэта из его сборника «Жемчуга», напечатанного еще в 1910 году:

«В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий,
Как коршуны зловещи и угрюмы,
Они, столпившись, требовали мести».

уважением, заставляет меня взяться за перо, чтобы в санатории, еще не выздоровев от продолжительной и упорной болезни, сделать попытку написать для издаваемого ими «сборника» хоть несколько слов о незабвенном писателе. Именно «сделать попытку», так как совершенно не ручаюсь, что из моего писания получится что-либо мало-мальски достойное памяти его.

Как писал я уже в своих воспоминаниях, первое знакомство мое с В. Г. Короленко произошло 42 года назад, в 1880 г., по чисто случайному стечению обстоятельств. Дело в том, что Лорис-Меликов в период «диктатуры сердца» проявил некоторое внимание к политическим ссыльным, – особенно к высылаемым административным порядком, – оборудовал две довольно сносные политические тюрьмы: для севера России – в Вышнем Волочке, для юга – в Мценске. Из этих тюрем заключенные в строго определенном порядке перевозились в Москву, здесь они соединялись в особом арестантском поезде и отправлялись далее – в назначенные для ссылки пункты. Я из Мценской тюрьмы привезен был в Москву как раз в то время, когда Короленко доставлен был туда же из Вышнего Волочка. В поезде сидели мы в различных вагонах, а потому знакомства в нем не произошло: оно возникло в Нижнем Новгороде, на р. Оке, в арестантской барже и не в первый день. По внешнему виду Короленко не выделялся из массы, не бросался в глаза, и весьма вероятно, что сразу я не обратил бы на него особого внимания, если бы не произошло одного обстоятельства, ускорившего всеобщий интерес к будущему ...

...Тем более избрание это возбуждает интерес, что роль старосты в партии была весьма ответственна и щекотлива. Сами арестанты не могли шага ступить без разрешения сопровождавших нас жандармов, и

были совершенно беспомощны. Прежде всего, у жандармов были наши деньги, на которые мы продовольствовались. Затем, мы вовсе не могли выходить на пристанях из баржи и совершать закупки. Словом, в руках наших проводников и охранителей была наша жизнь и смерть. А старосте надо было иметь непосредственное сношение с нашими врагами. Дело это было весьма трудное. С одной стороны, приходилось соблюдать интересы товарищей, что немыслимо было без корректного, по меньшей мере, отношения к жандармам, а с другой – нельзя было терять достоинства и лично своего, и партии. Но Владимир Галактионович сразу ориентировался в этом сложном вопросе, проявив тогда уже и свой великий талант, и свою великую, проникновенную душу. Первый – обнаружился при беседах с товарищами. Значительный процент последних, по свойству русской природы, отличался, необыкновенной многоречивостью и склонностью к длиннейшим затяжным спорам по поводу каждой, с позволения сказать, чепухи. И что самое печальное, это то, что, в конце концов, не приходили ни к каким результатам, никто не высказывал чего-либо нового, а ограничивались ссылками на тот или иной авторитет.

Но стоило привлечь Короленко, обыкновенно не участвовавшего в прениях, как он высказывал совершенно неожиданную, оригинальную точку зрения. Вы чувствовали, что это нечто творческое, свое, принадлежащее только Владимиру Галактионовичу. И в то же время, она так ярко, так всесторонне освещала суть вопроса, такое решение предлагало ему, что, в конце концов, все соглашались с Короленко. Мало помалу, вместо жестоких схваток, противные стороны говорили: «пойдем, посоветуемся с Владимиром Галактионовичем», и мне неизвестны случаи, чтобы его советы не принимались, невзирая на

И далее Вернадский заключает: «*В связи с религиозными аспектами этого явления я много понял в общении с Нюточкой, и ее идея христианской помощи – как помощи индивидуальной и личной – в отличие от социальной и государственной – целиком отразилась в моем потенциальном предсмертном распоряжении. Неужели действительно охватившие меня во время болезни состояния позволили почувствовать предсмертное состояние сознательно умирающего человека, когда выступают перед ним основные элементы его земной жизни? Любопытно, что сколько помню, ни разу во время болезни и посейчас область этих переживаний не переходила в сны, и я мог засыпать и могу засыпать только тогда, когда замирают образы, связанные с этим построением моей жизни*»**.**

Наблюдения Вернадского – ученого и его размышления над явлениями, которые он пережил на собственном духовном опыте, служат ему непосредственным основанием для обобщений. И появление в данном контексте упоминаний о племяннице есть свидетельство необычайной близости ее к духовному миру Вернадского – человека.

***

2 апреля 1921 года Вернадский, возвращаясь в памяти к недавнему прошлому, записал размышления о любви своей сестры Кати, из-за которой ей пришлось расстаться с мужем – Сергеем Александровичем Короленко. Примечательна характеристика, которую дал ему Вернадский: «*…очень недюжинный и сильно сбитый жизнью человек. О нем стоит написать отдельно».* Но, к сожалению, в силу ряда обстоятельств и, прежде всего, условий жизни в круговерти гражданской войны и разрухи, он так ничего и не написал о С. А. Короленко.

остался жив. Едва оправившись от болезни и осознав близость смерти, он записал 15 марта 1920 года: «*В последнее время в связи с чтением здесь уже мыслей Ларошфуко, Вовенарга, Гёте, очевидно, эти старые стремления вновь оживились. Но то, чтобы они вылились в такую форму «Размышлений перед смертью», чтобы эта форма так или иначе, определяла их, повлияла на их состав – характер – известной строгости мысли, изложения, подбора тем – если можно сказать, элемента торжественности лицом к лицу все время с Вечной загадкой, столь многих пугающей и столь могущественной в своем влиянии на сознание человека – это элемент для меня совершенно неожиданный. И он дает единство бесконечному разнообразию тем и форм творчества этого рода. Точно так же совершенно неожиданна была для меня идея употребления дохода этой книги. Как будто она хотела связать ее с интимнейшими переживаниями моего духа. Я живу всегда – при всей отвлеченности моей природы – в сознании, что рационализирование охватывает небольшую часть духовных проявлений человеческой личности, что разум охватывает далеко не все, и нельзя даже считать его главным и основным решателем жизненных проявлений личности. Через всю мою жизнь проходит этот элемент и в том чувстве дружбы и братства, которое так красит жизнь, и я бы сказал, дает большую, чем, что бы то ни было, возможность развернуться человеческой личности. И странным образом эта способность дружбы, создания новых дружественных связей – глубоких и крепких – не исчезла у меня и теперь в старости, т. к. в Киеве зародились у меня глубокие дружественные связи с Василенко, Тимошенко, Личковым. Это все разные проявления эроса и эроса настоящего, связанного не с абстрактным человеком-рационалистом, а с живой человеческой личностью».*

то, что в партии, состоявшей из 80-ти лиц, было немного старших его по возрасту. Эти оригинальность и самобытность впоследствии сделались основой творчества Короленко как в публицистике, в области которой трудно указать на подобных ему в русской журналистике, – так и в художественных произведениях. В последних, кроме того, красною нитью проходит искание человека, если можно так выразиться, что также проявилось уже на пути в Сибирь. И вот из чего это было видно. В партии, среди которой подавляющее большинство состояло из людей с сильно потрепанными нервами, было не мало таких, которые от малейшего раздражения приходили прямо в неистовство. Особенно не выносили они жандармов. Это обстоятельство в каждый момент могло вызвать тяжелое столкновение, как это и было в предшествующих партиях, да и у нас были случаи, когда вот-вот жандармы приступят «к усмирению» нас. Но вмешивался Короленко и всегда отстранял великую опасность. Объяснялось это его проникновенным стремлением найти, я бы сказал, человеческие струны в душе каждого смертного. И он находил их и у нас, и у жандармов. Всегда спокойный, он в то же время обладал такой сердечной теплотой и мощным умом, что ни один, даже до необузданности расстроенный, товарищ не мог устоять перед такого рода свойством природы Короленко. То же самое происходило и с жандармами, когда Владимир Галактионович, ни на йоту не поступаясь своим достоинством и взглядами, находил в них человеческие струны, вступал в переговоры и всегда имел успех.

Вследствие всего сказанного, партия пользовалась всем, чем только возможно было в арестантских условиях. И вот, это проявление на пути в Сибирь искания в каждом смертном человека впоследствии выявилось в чудных художественных

произведениях Короленко.

Таково было первое впечатление от встречи с Влад. Галактионовичем, сделавшимся впоследствии красой русской литературы».

Эти строки И. П. Белоконский написал 15 июня 1922 года для харьковского сборника, посвященного памяти писателя к первой годовщине со дня его смерти. Некоторые мысли Белоконского как бы повторяют те, что были высказаны им еще в 1918 году, но все они свидетельствуют о незабываемом впечатлении от встреч с писателем, которые навсегда остались в его памяти.

Приложение 2.
Отдельные книги, публикации И. П. Белоконского:

- По тюрьмам и этапам. Орел. 1887.
- Народное начальное образование в Курской губ. (Курск. 1897).
- «Одна из главных причин медленного хода работ по оценке недвижимых имуществ, облагаемых земскими сборами». (Харьков. 1891).
- «О мелкой земской единице». (Харьков. 1903).
- «Губернские, уездные и волостные учреждения Российского государства». (СПб. 1901).
- Рассказы. (Т. I, СПБ. 1900 и 1909).
- Рассказы. (Т. II. СПБ. 1903).
- Рассказы. (Т. III. М. 1909).
- Рассказы. (Т. IV. Рост. н/Д. 1907).
- «Деревенские впечатления». (Т. I. СПБ. 1900; т. II, СПБ. 1903; т. III. Ростов н/Д., 1905).
- «Как живут японцы». (Ростов на Дону, 1904).

дневниковая запись: «*У меня эти дни опять тоска по Нюточке Короленко – тоска странная, т. к. по существу я считаю смерть естественной и неизбежной… и особенно теперь – когда смерть в самых разнообразных и тяжелых проявлениях кругом. Междоусобицы и общественная анархия. Царство насилия и господство преступников сделало из преждевременной смерти обыденное явление».*

Каждая его запись звучит как откровение души и похожа на исповедь.

***

26 августа 1918 года Вернадский записывает свои очередные размышления о жизни:

«… странно, как помимо сознательной жизни идет глубокая, бессознательная. Среди всего глубокая грусть-тоска по моей Нюте не раз возвращается, и хотя я сознаю, что вся жизнь преходяща – чувство сильнее. Иногда глубоко жаль, что еще я ближе к ней не подошел, иногда кажется, что ей должно быть дорого, и было бы при жизни приятно знать, что и после ее смерти память о ней будет жива среди близких. Другое странное проявление бессознательного процесса в глубоких тайниках души – вдруг среди работы вспоминаются обрывки старых воспоминаний – речи, впечатления, переживания во время каких-нибудь прогулок. Странно вспоминаются не места, а впечатления на местах, нет образа местности, но чувствуешь местность».

***

10 ноября 1918 года он признается: «*Бренность жизни и миг жизни чувствуется до чрезвычайности…»* Мысли о бренности существования все больше занимают его.

1920 год был особенно тяжелым в жизни Вернадского. Он заболел сыпным тифом и чудом

был опубликован, не помню чей, приказ о моем аресте и отправке в Кронштадт. Мы переехали на квартиру П. Е. Старицкого на Васильевском острове, 15 линия.

Оттуда я еще как министр, не сознавая прочности победы большевиков, выехал в Полтаву к Г. Е. Старицкому. Уже в Москве застал стрельбу – бомбардировку Кремля, поезд застрял».

В этой отрывочной записи сохраняется дыхание того трудного и мятежного времени, за которым последовали еще более тяжкие испытания.

***

Анна Сергеевна скончалась 12 марта 1917 года. Ей было немногим более 30-ти лет. Сохранилось более 70 писем к ней Вернадского и членов его семьи, которые хранятся в его архиве.

Весной 1918 года Вернадский приезжает в Полтаву. Время очень тяжелое. Испытания самые разные, одно тяжелей другого. И вот 12 апреля 1918 года он записывает: «*…страха смерти у меня нет, и как-то никогда не было. Я так чувствую ее неизбежность, и я бы сказал, необходимость. Так ярко это чувствовала и моя дорогая Нюточка. Поэтому мне как-то легче переносить смерть близких и дорогих. Чувство бренности жизни во мне очень сильно. Но в то же время я глубочайшим образом чувствую всю слабость отрицания верований всяких и ничтожность и суетность человеческих построений мироздания, выходящих за пределы научно разделенного наблюдения и опыта. Но «научно определенное» всегда знает пределы знания, а это забывается в ходячих представлениях о мироздании, судьбе человеческой личности в нем, и т. д.».* Горькие признания. Они звучат, словно диалог с каким-то близким человеком, с которым можно вести доверительный разговор.

***

Второго мая 1918 года появляется новая

- «Корея» (Ростов на Дону, 1904).
- «Родина – мать» (там же).
- Белоконский И. П. Деревенская конспирация. Изд. Н. Е. Парамонова. № 92. Ростов на Дону. Донская Речь. 1906. 12 с.
- Земство и конституция. Изд. 2-е. (М. 1910).
- Белоконский И. П. Съезд по вопросам внешкольного образования и разумных развлечений в Харькове // Для нар. учителя. – 1915. – № 14. – С. 20 – 26.
- Белоконский И. П. Дань времени. Воспоминания. – М., Задруга, 1918. – 368 с.
- Белоконский И. П. От деревни до парламента. Роль земства в будущем строе России // Изд. Парамонова. – Ростов-н/Д., б. г.
- Белоконский. И.П. «Земское движение. Изд. 2-е исправленное, значительно дополненное и иллюстрированное 260 портретами земских и общественных деятелей и группами» (М. 1914. Издательство «Задруга»).
- Белоконский И. П. Земское движение по образованию партии народной свободы. Харьков, 1929.

Приложение 3.

В отделе редких изданий и рукописей харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Корленко сохранилась книга, на титульном листе которой значится: И. П. Белоконский. К высоте своего призвания. Издание Н. Парамонова. Донская речь. Б. Г. – 31 с.

Несмотря на небольшой объем, книга состоит из двух частей:

1. Очерк: «На высоте своего призвания». – 20 с.

Начало текста: «*Когда я, обследовав почти половину Н-ского уезда, приступил к описанию участка, находящегося в ведении земского начальника А. Стержинского, то сразу почувствовал резкое отличие этого района от всех предшествовавших…*

…редкая для деревни организация установленного за мной надзора…»

2. Рассказ: За что и почему. Ростов на Дону. Донская речь. 1906. Он рассказывает о еврейском погроме по случаю манифеста правительства от 17 октября.

В тексте примечательны строки: *«…немногие верили, что с манифеста начинается истинная свобода, но большинство высказывало недоверие. Однако чувствовалось что-то хорошее, озаряла какая-то надежда».*

***

На обороте книги приведен список изданий, которые выпустило издательство «Донская речь»:

- Короленко. Государевы ямщики. № 7.
- Короленко. Из затмения. №3.
- Короленко Чудная. (без №).
- Короленко. Сон Макара. № 6.
- Песни борцов. Сборник стихов.
- Шевченко. Избранные стихи. Малоросс. яз.
- Песни рабочих.
- За свободу. Сборник стихов.
- Мельшин. Школа в каторге.

Именно благодаря этому сообщению, стал возможным дальнейший поиск сохранившихся экземпляров этих изданий как памятников книжной культуры времен первой русской революции. Особый интерес в этом списке представляют публикации рассказов Короленко.

добра людям, которое было связано с ее религиозными убеждениями.

Последних я хорошо не знал, хотя знал, что она интересуется различными сектами и даже ездила в Америку с Н. И. Оржевской для участия в каком-то теософическом конгрессе.

В Петербурге она была членом Теософского общества.

В 1914 году ей было уже 25 лет, и никто бы не подумал, что года через два нам придется ее хоронить».

***

К отдельным свидетельствам мемуариста я еще вернусь немного позже.

Отрывок заканчивался так: «Владимир страшно нежно и любовно относился к своей племяннице, и она платила ему тем же. Трудно было сказать, кого он любил больше, ее или собственных детей, горячо им любимых».

После таких свидетельств захотелось больше узнать об «Анюте», и в первую очередь, из дневников Вернадского.

***

Спустя десятилетия, уже в конце жизни, необычайно богатой события ми и творческими свершениями, Вернадский записал в хронологической последовательности: «В 1917 году умерла после долгих страданий Нюта Короленко – жила у нас – от туберкулеза. Тогда же – к моему удивлению и я заболел туберкулезом – чахоткой – и по совету доктора Рубеля, уехал в Полтаву, думал ненадолго – оказалось началом социальной катастрофы. Я должен был уехать и как исполняющий обязанности министра народного просвещения…. Я участвовал в попытке служащих учреждений сопротивляться. В большевистских газетах

Глава 5

Об Анюте Короленко
(по страницам дневников Вернадского)

Читая воспоминания друга Вернадского – историка и общественного деятеля А. А. Корнилова (1862 – 1925), я обратила внимание на следующий отрывок: «*Семья В. И. Вернадского увеличилась в 1910 еще одним интересным человеком. Это была единственная дочь одной из двух сестер его, бывшей замужем за небезызвестным писателем и деятелем С. А. Короленко. Сам Короленко умер, а в 1910 году умерла и его жена Екатерина Ивановна. Таким образом, дочь их – Анна Сергеевна осталась круглой сиротой.*

Это была прелестная девушка, окончившая курс в институте и на высших курсах, но занимавшаяся музыкой и игравшая на арфе.

Играла она прекрасно и нередко в Петербурге выступала в благотворительных концертах. В этот год, впрочем, она не привезла с собой на дачу арфу, и мы не имели удовольствие ее слышать. Я слышал ее игру несколько раз в Пб. В концертах и дома и всегда наслаждался тонким пониманием и изящным исполнением красивых пьес, которые она выбирала для своих выступлений. Арфа, впрочем, была не самой главной прелестью этой оригинальной и глубокой по натуре души девушки.

Анна Сергеевна была очень хороша собой: высокая брюнетка с замечательными большими и оттененными ресницами глазами. Держалась она всегда чрезвычайно любезно, но несколько замкнуто и недоступно. Хотя в то же время и просто.

Нина прозвала ее дома «Принцесса». Она делала много

Глава 3

К истории одной переписки
В. Г. Короленко

(по материалам писем
А. К. Лозина–Лозинского)

На долю тревожного поколения творческой интеллигенции России начала XX века выпало немало испытаний. Их искания, заблуждения, страдания, разочарования оставили свой неповторимый след в сокровищнице общественной и поэтической мысли России.

И сколь бы не были различны идейные и эстетические позиции отдельных художников, уровни и масштабы их дарований, творческих способностей, тем не менее, прослеживаются основные закономерности, привнесенные духовной жизнью этого поколения.

Язык документов неизменно скуп. Их суровая лаконичность помогает воссоздать атмосферу ушедшего времени. Поиск и обнаружение одних документов закономерно приводит к поиску других, неизменно рождая вопросы, на которые не всегда находятся ответы.

Письма, воспоминания, статьи, строки забытых книг, поэтические строчки – все, сплавившись воедино, позволяет увидеть творческую трагедию одного из тех, кто принадлежал к тому поколению предреволюционной интеллигенции, которую гениально воспел Александр Блок:

«Рожденные в года глухие,
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России,
Забыть не в силах ничего».

***

Осень 1915 года. Полтава. На столе у В.Г. Короленко, как всегда, гора рукописей и письма. Большая часть материалов – это рукописи начинающих авторов.

О взыскательности и творческой требовательности Короленко один из его современников писал так: «*К множеству обращающихся к нему начинающих писателей Владимир Галактионович относился с трогательным вниманием и ни одну рукопись не оставлял без прочтения. Но отрицательный отзыв имел мужество произносить твердо и решительно*». (Киевская мысль. 1913, от 15 июля. С. 6)**.**

4 октября 1915 года. Письмо из Полтавы в Петроград:

«*Многоуважаемый Алексей Константинович!.. мне неприятно сообщить Вам, что работа, стоившая вам столько времени и настроения, не может быть напечатана в «Русских записках», Написано, несомненно, очень литературно, есть красивые места и умные замечания, но в целом слишком растянуто и многословно. Один английский писатель сказал: «описания – только соус». Не следует подавать соус (да еще так много) без блюда.*

А «блюдо» – образы, преимущественно, конечно, человеческие. У Вас они почти отсутствуют. У Вас только описания, да еще долгие рассуждения в одиночку или в кампании… Мне кажется, Вы могли бы дать кое-что яркое и интересное, если бы перенесли центр

До конца жизни Короленко оставался непримиримым противником и того, и другого, сохраняя и подтверждая неоднократно свое критическое отношение к существующим реалиям.

Вернадский, в силу ряда объективных жизненных причин, перешел на позицию сотрудничества с советской властью.

По-разному подходили братья и к сложной теме «Природа и Человек». В. Г. Короленко провидел, что вскоре может наступить время, когда «*оскорбленная и возмущенная творимым человеком злом, природа восстанет и пойдет войной против него*»**.**

В. И. Вернадский же, напротив, в контексте будущей и весьма отдаленной перспективы, предсказывал наступление эры гармонии между Природой и человеком, их «*взаимного плодотворного сотрудничества*».

В наши дни мы можем сказать, что мрачный прогноз Короленко подтвердился и продолжает подтверждаться каждый день.

Предвидение Вернадского, обращенное в отдаленное будущее, пока остается весьма проблематичным и, скорее, романтическим.

В их кратком личном общении многое остается за гранью прошлых дней…. Но можно смело утверждать, что во внутренней жизни ученого незримое присутствие Короленко было постоянным, несмотря на то, что лишь изредка прорывалось наружу какой-то строкой в его дневнике.

романтического во многом гуманизма. Обогащенная личным опытом прожитых лет, она определяла и направляла поведение братьев и в последние годы жизни.

Для Короленко и Вернадского была типичной активная правозащитная деятельность. К сожалению, в конце жизни у каждого она проявлялась, главным образом, в частных обращениях (просьбах, протестах) в вышестоящие советские «инстанции».

Их представления об «идеале будущего развития России» в целом совпадали. У Короленко они носили несколько размытый, романтически-мечтательный характер, что соответствовало его поэтической натуре.

Он писал в ранний период творчества:

- «*Человек создан для счастья, как птица для полета….*
- *Исчезнет насилие, народы сойдутся на праздник братства, и никогда уже не потечет кровь человека от руки человека, а на Земле воцарятся радость и мир».*

В последующие годы Короленко сумел преодолеть многие народнические иллюзии молодости. В годы революции, он в значительной степени «*вину за поразившие общество болезни* – «бандитизм и террор», возлагал на сами народные массы, которые долгое время явно идеализировал.

Вернадский, напротив, увидел в народных массах, прежде всего, стремление к образованию, науке и культуре и видел в этом важнейшую динамику в общем движении человечества к ноосфере.

У Вернадского – ученого, его идеал принимал достаточно конкретные и четкие формы, что нашло отражение в ныне широко известном его учении о ноосфере.

Поразительно их отношение к таким феноменам в общественной жизни, как коммунизм и советская власть.

тяжести на внешний мир вместо бесплодного самоуглубления…. У Вас редкие образы не имеют самостоятельной жизни. Они – только иллюстрации для рассуждений, не люди, а аргументы в этих рассуждениях, затопивших сотни страниц».

(Письма В. Г. Короленко здесь и далее цитируются впервые. Подлинники хранятся в ЦГАЛИ, ф.293, оп. 1. № 169. 10 л.).

***

8 октября 1915 года. Ответ из Петрограда.

«*…я пишу Вам с живой симпатией к Вам, так как вижу в Вашем письме знак внимания ко мне, что очень ценится на этой поистине жесткой дороге «начинающего поэта». Я хочу на днях прислать Вам рассказ, где есть люди и образы. Скажу откровенно. Я не люблю таких рассказов. Я именно и люблю описания и рассуждения, и когда я покупаю книги, я никогда не ищу «людей». Я жду, что скажут мне о чем-нибудь большем, чем человек – о траве, о лесе, о море, о льде, о соснах, о звездах…»*

Полемично начав свой диалог, незнакомый корреспондент, продолжал на той же ноте:

«Вы говорите, что описание-само по себе устарелая форма искусства, что описание плохо уже как таковое. С этим, как говорил Михайловский, «можно спорить», и Вы не посетуете на меня, если я буду спорить, конечно, безотносительно к моему писанию… вы требуете образов людей, краткости, фабулы. Я против фабулы. Фабула умирает, форма дневника, хроники, эскиза без цели вытеснит фабулу… без фабулы написаны прекрасные последние вещи Гамсуна. Почти нет фабулы у Генриха Манна. Так, блики, намеки, поток жизни.

Мне это нравится: ведь и в жизни нет фабулы, а есть только беспрерывный, сплетающийся ниоткуда не

пошедший, нигде не кончающийся поток явлений, и фабулой мы любуемся только как примитивом в литературе».

(Письма А. К. Лозина–Лозинского здесь и далее публикуются впервые. Подлинники хранятся в архиве В. Г. Короленко. ОР ГБЛ. ф. 135, раздел 2. № 28, ед.хр. 56. 12 л.).

***

Письмо это было длительным и поразительно откровенным, но главное – полемичным. За строчками письма угадывался человек критического склада мышления с четкими представлениями о назначении искусства, очевидно, немалым жизненным опытом и достаточным багажом знаний.

***

«Мне кажется, – писал он, – жизнь надо отражать – «не завязку – развязку» с каким-нибудь определенным заключением, и даже не как эпизод. Надо просто вырубить кусок времени – вот так: от 7 декабря до 14 мая и показать – вот что было. Я поклонник Рабле, Свифта, Сервантеса, писавших длинно. И неужели сама эта длиннота не нужна для того, чтобы все сложное, бесконечное и болезненное было бы тем легче, тем острее разрешено двумя строчками? Ведь такова, такова же жизнь! Она сложна, скучна, болезненна, мучительна, вздорна и вдруг – момент! Свет, порыв, и все сразу ясно, и все решено, и мы нашли правду. А если бы я дал ее сразу, эту правду – это было бы зерно, упавшее на невспаханное поле. Простите, что затруднил Вас длинным, случайно написавшимся письмом. Искренне расположенный к вам А. К. Лозина–Лозинский».

общественной позиции, просвещения и убеждения людей. Отдельно он выделял публицистику как одну из форм пропаганды знаний.

Он не всегда верно понимал гражданскую позицию Короленко – публициста, страстный голос которого был направлен против насилия и беспредела, против разгула самых низменных проявлений и временного торжества той или иной власти.

Осознание катастрофы, к которой двигалась Россия, активный поиск путей и средств ее предотвращения, стали для братьев тем, что и определило в известной степени характер их общих гражданских ориентаций.

Соответственно это нашло отражение, прежде всего, в сочинениях Короленко, написанных в период 1917–1920 годов – в очерках «Война, отечество и человечество», «Падение царской власти», и, наконец, в нашумевших «Письмах к А. В. Луначарскому».

В «Письмах к Луначарскому» писатель затрагивал проблему террора как такового, независимо от его «цвета». В революционное время жизнь человеческая совершенно обесценилась, и Короленко рассматривал террор как недопустимое насилие по отношению к человеку.

Владимир Галактионович остро чувствовал личную ответственность за «общественную неправду», и недаром о нем современники говорили: «*совесть эпохи*», «*солнце России», «светлый духом».*

У В. И. Вернадского его позиция отразилась в письмах и дневниках, и затем – в его фундаментальных работах последних лет жизни: «Несколько слов о ноосфере» и «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки».

На всем жизненном пути их гражданская ориентация как общественных деятелей, начиная со времен юности, была всецело проникнута идеями отвлеченного,

моей, проверял семьи, из которых слагались: Старицкие, Зарудные, Константиновичи, Короленко, Куликовские, Гамалеи, Красницкие, Капцевичи, Горляковичи, Рудниковичи, Лазаревы, Арендты, Вернацкие.

Странное впечатление. Все украинцы (есть 2-3 случая, когда мать неизвестна по фамилии и имени) с XVII по XX век. Только два нерусских – Лазаревы у Константиновичей (XVII век – греки, купчиха) и Арендты у Старицких (XIX век). Ни одного великоросса. Только в XX веке у моих детей, например, Георгия – но Нина (жена Георгия, урожд. Ильинская) не может иметь детей, и наполовину украинка. Для Танечки (дочери Н. В. Вернадской-Толль) это уже не так: (Н. П.) Толль внес великорусскую (и может быть, татарскую) и шведскую в корне кровь Толлей, вероятно, и немецкую, и западноевропейскую.

Другое явление, которое резко бросается (в глаза) в истории рода – это последствия введения «дворянства» в Украину, и Комиссия 1784 (года): тогда западные люди стали скупщиками крепостных людей. В семьях Вернацких это было сделано моим прадедом священником. Отец никогда не мог примириться с тем, что моя бабушка Е. Я. Вернадская купила крепостных крестьян. Просматривал «Родословник» Модзалевского».

Владимир Иванович постоянно интересовался своей родословной. Он мечтал в дальнейшем провести соответствующие генеалогические разыскания, но возраст, напряженная научная деятельность и события второй мировой войны помешали осуществиться его мечте.

Как следует из ряда документов, духовная связь Владимира Ивановича Вернадского и Владимира Галактионовича Короленко была не только генетической и многоступенчатой, которая прослеживается на примере судеб разных представителей рода Короленко, но неизменно духовной и достаточно крепкой.

Вернадский считал публицистику важнейшим средством открытого выражения активной

***

Резкость и самостоятельность суждений, видимое отсутствие авторитетов, склонность к некоторому эпатажу, – но за всем этим проглядывает духовное одиночество и жизненная неустроенность. Вот, что прочитывалось между строк этого письма.

Владимира Галактионовича Короленко отличал неизменный интерес и внимание к людям, особенно творческим личностям. В характере у него была врожденная терпимость к любому, с кем бы ему не приходилось общаться. И нет ничего удивительного, что Короленко незамедлительно ответил своему несколько странному корреспонденту.

***

11 октября 1915 года.

«Многоуважаемый Алексей Константинович!.. Повторяю, что в чисто литературном отношении написано хорошо, и это дает основание отнестись бережно к Вашей работе. Может быть, мое впечатление ошибочно, но повторяю, оно определенно. Вы писали на вкусы экзотические…»

Не отрицая литературного дарования, признанный мастер решительно не принимал творческую позицию молодого автора и его взгляд на назначение литературы. Но при этом он не подавлял оппонента своим авторитетом.

А. К.Лозина–Лозинский прочитал ответ Короленко с некоторым разочарованием, и это нашло свое отражение в интонации его очередного ответа: «*Какая тут может быть ошибка. Тут дело вкуса. Дело взгляда на роль, цель, смысл литературы. А абсолютных мерил в искусстве, как точных инструментов для измерения, – нет. Нет и «проверки». Не будем спорить, кажется, спор уже надоел Вам…»*

***

На самом деле, Короленко и не собирался затевать спор о назначении литературы. Было абсолютно очевидно, что излишняя горячность и запальчивость его нового корреспондента выдает его возраст, эгоцентризм, откуда возникают и заблуждения, и разочарования от несостоявшихся исканий.

Проверку любому произведению дает Время. И хотя Короленко был воспитан на других этических и эстетических критериях, чем поколение литераторов начала XX века, и он многого не мог принять в литературных течениях первого десятилетиях века, тем не менее, он с интересом следил за появлением всего нового в искусстве и литературе, в частности. Он отнюдь не был, ни консерватором, ни ретроградом…

Его взгляды на жизнь и творчество сформировались в основном в 80-е годы XIX века, когда после разгрома народовольцев творческая интеллигенция углубилась в идеи так называемых «малых дел».

Демократизм взглядов писателя особенно ярко проявился в период создания «Истории моего современника». Однако все творчество Короленко было неизменно пронизано светом и верой в прекрасные и непоколебимые нравственные идеалы. Он уделял большое внимание теме мужественной борьбы лирического героя с неминуемыми жизненными испытаниями и преодолением их.

***

К началу этой переписки Алексей Лозина–Лозинский как литератор еще не заявил о себе в полную силу своих творческих возможностей. Однако он уже имел ряд печатных произведений. Он пробовал себя в самых различных жанрах – как поэт и переводчик, публицист и новеллист.

Вернадского написать о брате, к сожалению, не было реализовано».

Установлено, что в середине 30-х годов Вернадский посильно материально помогал испытывавшей нужду дочери писателя – Софье Владимировне.

Запись, сделанная Вернадским уже в 1940 году впечатляет своей скороговоркой и незавершенностью: «*Читал еще раз – последнее издание «Записок современника» Короленко – об Евграфе Максимовиче, Елене Никтополеоновне Бирюковой и так далее – мои воспоминания ранней юности».*

Вернадский имеет в виду книгу воспоминаний В. Г. Короленко «История моего современника», которая была включена в собрание сочинений писателя (1922–1929), а затем публиковалась отдельными томами в издательствах «Academia» (1930–1931) и Гослитиздатом в (1935–1938**).**

Слово Короленко о родных занимало особое место в сознании Вернадского-читателя.

***

Евграф Максимович Короленко (1810–1880) был двоюродным дядей В. И. Вернадского**,** а Бирюкова (урожд. Короленко) Елена Никтополеоновна (ок. 1846 – ?), приходилась дальней родственницей В. И. Вернадскому, но была двоюродной сестрой В. Г. Короленко.

В 1872 году она окончила Петербургскую консерваторию и затем вышла замуж за Иону Александровича Бирюкова – классного воспитателя Петербургского коммерческого училища. Она была крестной матерью сестры Владимира Ивановича – Ольги Вернадской.

4 октября 1940 года Вернадский записал: «*В связи с выяснением («биологическим») родословной моих детей и*

Вернадский как бы делится собственным восприятием прочитанного и последовавшими за этим размышлениями на ту же тему.

«*Прочел письма «Из Полтавы» В. Г. Короленко. Несомненно, очень тяжелые факты злоупотребления властью он описывает, но сейчас не это дело печати: так или иначе «ДА» – единственная сила, могущая вывести Россию из тупика и болота, куда завела ее бездарная старая власть и еще более бездарная и циничная социалистическая. Этого Короленко не чувствует. Для него большевизм и «ДА» – явления одного порядка».* (Под «ДА» подразумевается действующая Армия Деникина – С.Ш.).

***

В январе 1935 года Вернадский внес в дневник: «*Несколько времени тому назад прочел все воспоминания В. Г. Короленко (I–IV тома изданы семьей в Харькове). Издано ужасно и, по-видимому, семья ожидала лучшего их распространения. Вероятно, связано не с сознательным торможением, а с плохой работой. До какой степени мало изменилась эта сторона жизни – гнет вместо жандармов – ГПУ… сейчас во множестве – те же приемы и те же типы. Особенно это чувствуется здесь в Ленинграде, как и в Старом Петербурге короленковского времени. Здесь старое переплелось с новым и живым, и важным, и его гноит. Мне хочется набросать о Короленко».*

***

В примечаниях к этой записи находим следующие уточнения: «Короленко В. Г. Полное посмертное собрание сочинений. Харьков: Госиздат Украины, 1922–1924. Издание завершено не было. «История моего современника» составила первые пять томов. Впоследствии эта книга В. Г. Короленко неоднократно переиздавалась. Намерение В. И.

Осенью 1915 года он принял деятельное участие в издании тонкого журнала под названием «Богема», в котором выступал чаще всего под псевдонимами.

В одном из памфлетов той поры он с сокрушением писал: «*Россия стала трезвой и работящей, конкретной и любящей «малые дела», а современная литература стала украшением, отдыхом, побрякушкой публики, пустым делом нередко…»*

С известной долей категоричности, он объединял в своих характеристиках воедино самых разных поэтов – современников, не принимая во внимание ни их масштаба, ни значения.

Он писал: «*Блок, Брюсов, Бальмонт, Сологуб – украшения, но только для одиноких и мечтательных…, а значит не для всех…*»

В своих черновых набросках о природе публицистики, он высказывался следующим образом: «*Писатель виден сквозь его мысли на дне написанных страниц, виден, несмотря на то, что слово, действительно, выражает всех, отражает лишь общие понятия, никогда не доходит до полного выражения подсознательного процесса. Слово – символ! Слово – намек на душевную гамму, и этого достаточно… в манере писателя чувствуется интонация, темп, страстность. Мысль имеет все – тяжесть и легкость, имеет свою глубину, свою эпоху, свое прошлое, свое будущее*». (ОР. Пушкинский Дом (ИРЛИ). Ф. 161. № 12).

Нет сомнения, автор записи владел аналитическим даром гораздо более, чем даром художественного воплощения своих идей, не говоря уже о поэтическом даровании.

***

Герой Короленко почти всегда стремился к выявлению интеллектуально – психологической

общности людей, чья жизнь проходила в борениях, а не в созерцании, мечтаниях, рефлексиях. Быть может, именно поэтому писатель и был сторонником изображения в литературе исключительно конкретной действительности.

В своих письмах к литераторам разных поколений он по этому поводу писал не раз, и всегда достаточно четко высказывал собственную позицию.

Так, писателю Е. Чирикову он писал: «... *Когда в произведении преобладают конкретные представления, то гораздо более вероятности, что в их восприятии и воспроизведении скажутся личные о с о б е н н о с т и а в т о р а (а в этом и есть оригинальность), чем в том случае, когда он происходит не от живого факта, а отвлеченной схемы…. Прибавлю, что это не отрицание и д е и п р о и з в е д е н и я, а только известная постановка вопроса о ф о р - м е ее в о с п р о и з в е д е н и я». (Разрядка Короленко – С.Ш.).* (Короленко В. Г. О литературе. М. 1957).

***

После первых двух писем Короленко в адрес Лозина–Лозинского, казалось, их переписка заглохнет, но, несмотря на неприятие взглядов друг друга, писатель снова получил письмо, причем уже с рассказом под названием «Меланхолия».

Лирическому герою, равно как и автору, было мучительно больно жить на земле, переполненной пороками и пронизанной человеческой подлостью, он был в тупике. Весь рассказ напоен настроением отчаяния душевно и духовно одинокого человека. Короленко не мог остаться равнодушным и безучастным к судьбе автора этого пронзительно-печального «опуса».

23 октября 1915 года. Фрагмент письма Короленко к члену редакции журнала «Русские записки» А. Горнфельду**:** «*Портфель наш так беден, что и*

Нюточке Короленко – тоска странная, т.к. по существу, я считаю смерть естественной и неизбежной… и особенно теперь – когда смерть в самых разнообразных и тяжелых проявлениях кругом. Междоусобицы и общественная анархия. Царство насилия и господство преступников сделало из преждевременной смерти обыденное явление»….

И далее: *«… был вчера у Короленок. В.Г. спал, разговор с Авдотьей Семеновной, Софией Владимировной, бабушкой. Невольно приходится касаться тяжелых вопросов – переработки идеалов жизни…»*

Беседы в кругу родных писателя, безусловно, отвлекали Вернадского от невеселых мыслей и переживаний. Но так ли существенны были эти «переработки идеалов жизни» в духовном мире каждого из них?

***

13 сентября 1919 года в его дневнике появилась новая запись, связанная с творческой жизнью писателя, но особенно примечателен ее контекст. Вернадский записал: «... *среди зоологических украинских и великорусских инстинктов хочется уйти во что-то такое вечное, которое стоит выше этого, и с чем я соприкасаюсь в той творческой научной работе, которой живу эти месяцы…. Ходят по рукам напечатанные на машинке «Письма из Полтавы» В.Г. Короленко, которые не могут быть нигде напечатаны, критикующие деятельность Добровольной армии – в связи с казнью офицеров большевиков, случаями грабежа, преследованием украинского языка».*

В «Письмах из Полтавы», которые создавались летом и осенью 1919 года, Короленко резко критиковал политику Деникина.

***

В своем дневнике 20 сентября 1919 года

принадлежали и Вернадский – старший, и Вернадский – младший.

***

Владимир Иванович Вернадский придавал огромное значение такой форме общественного сознания, какой являлась в России религиозная форма.

Уже в 1923 году он записал: «*Я считаю себя глубоко религиозным человеком…. Могу очень глубоко понимать значение, силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии, для меня ясно, не только в том утешении в тяжестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее, как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания не касаются тех сторон, которые составляют ее удел. А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Бог – понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого».*

Не следует забывать, что быть религиозным еще не значит быть церковным человеком. Ученый был глубоко убежден, что религия и всякие научные построения могут вполне сосуществовать.

5 апреля 1918 года произошла их новая встреча. В дневнике Вернадский зафиксировал следующий, казалось бы, мелкий штрих к биографии писателя**:** *«… по дороге встретил Вл. Галакт. Короленко. Городские школьники, которые здесь копали грядки, очень приветливо ему кланялись, очевидно, зная, кто он такой».*

По тому, как Вернадский обратил внимание на такую, казалось бы, мелкую деталь, чувствуется, что она была ему по душе.

***

2 мая 1918 года Вернадский записал два важных события его внутренней жизни, внешне мало связанных между собой: *«… у меня эти дни опять тоска по*

«Меланхолия» приемлема. Прочие рассказы того же Лозины очень слабы. Фигур совсем нет, все какие-то самодовольные лирико-философские разглагольствования». (ОР ГБЛ, ф. 135. Разряд 2. К. 21. № 37. Л. 31.)

***

Спустя четыре дня последовало письмо Короленко в адрес Лозина–Лозинского: «*Многоуважаемый Алексей Константинович! Может быть, вы уже знаете, что рассказ «Меланхолия» принят и появится в «Русских записках», вероятно, в скором времени».*

В конце письма Короленко давал надежду на продолжение их творческих контактов: «*Возражать на Ваши замечания не стану. Остаюсь при прежнем мнении. Но если вы захотите прислать еще что-нибудь из Ваших работ, то встречу с интересом*».

В те же дни в специальной редакторской книге Короленко сделал запись: «*По-видимому, даровитый человек, но весь философически изломался».*

***

Растроганный вниманием, к которому он явно не привык, и потому не ожидавший положительного исхода, Алексей Лозина-Лозинский доверительно написал в ответ: «*Я благодарен за заботу известить меня, а также за интерес к моему писанию, который я, быть может, и не заслуживаю. Я не считаю себя установившимся писателем… писание – это моя болезнь своего рода, и я пишу урывками, как бы обманывая себя, что только сегодня и последнее. Особенно мало пишу я теперь, отчасти потому, что я заканчиваю старый и сухой труд по когда-то интересовавшей меня социологии (имеется в виду рукопись его труда «Античное меновое общество» –*

С.Ш.) отчасти потому, что мне мешает стоящая теперь у меня за спиной мысль – упрек: Это ты для печати пишешь...(подчеркнуто Короленко).

***

Естественным дополнением к этим исповедальным строкам служит другой документ – набросок о природе писательского труда: *«Писательство, – писал Лозина–Лозинский, – страдает своего рода диабетом. Подобно тому, как при диабете организм перерабатывает все жизненные соки в сахар, так у писателя все впечатления стремятся превратиться в литературные произведения. Жизнь, в конце концов, делается для писателя только сюжетом»*. (ОР. Пушкинский Дом (ИРЛИ). Ф. 161. № 10. Л. 5).

***

Если вспомнить отрицательное отношение Лозина–Лозинского к фабуле, как основе литературного труда и произведения, то в этом наброске можно увидеть скрытый подтекст. Продолжая свои размышления, он высказывается резко, бесстрашно, но правдиво: *«Чуть только поэт начинает систематически зарабатывать поэзией – кончено с его поэзией! Осквернённая в нем самом, она и людям становится ненужной!»*.

Относительно собственных поэтических исканий он не питал иллюзий: «*Мои стихи, юношеские и неуклюжие, я издал не обработав, от скуки. Я был на поруках, ждал суда по 102 статье, и, ожидая приговора, по какому-то капризу издал стихи. По суду я был оправдан, но административно выслан в три дня»*.

***

В этом письме речь идет об аресте в 1910 году,

основы христианства, я вошел бы в свободную православную церковь. Но для меня основы его неприемлемы. А вместе с тем я считаю православие (свободную церковь) и христианство меньшим врагом культуры, чем заменяющий религию социализм в той форме, в какой он охватывает массы».

12 марта 1918 года Вернадский записал в дневнике, словно продолжил ранее начатую беседу: «… *забывается одно – в религии одно из важнейших – глубокое переживание, связанное так или иначе с человеческим (более узкой формы религии) или космическим соборным чувством. Это может быть даже единожды в жизни – как единожды есть молодость, эпоха творчества или развитие сил. И, однако, без общей религиозной жизни и единичные переживания распыляются»*.

Следует отметить, что религиозный подъем в России в 1918 году был вызван, прежде всего, устремлениями верующих разрешить в условиях строительства демократической республики, давно назревшие правовые вопросы места и роли церкви в государстве, принципов организации самой церкви, свободы вероисповедания.

В это время в среде интеллигенции получили широкое распространение взгляды ведущих представителей религиозно-философских обществ и организаций, и в первую очередь, отца Сергия Булгакова и священника Павла Флоренского.

Воинствующий атеизм радикальных революционеров встречал у населения естественное чувство сопротивления.

В защиту религиозного чувства верующих и церкви от первых разрушительных посягательств темной толпы, сознательно подогреваемой революционерами, выступали и члены конституционно-демократической партии (кадеты), к которой

Из дневников Вернадского о Короленко

Они встретились в трудные дни 1918 года в Полтаве. Обоих занимали вопросы не только текущих событий, но и вопросы, связанные с жизнью человеческого духа и верой.

8 марта 1918 года Вернадский записал в дневнике: «… *мне кажется, что волостное земство слишком дорого обойдется населению и принесет, в конце концов, только вред, вследствие невежества и аморализма русского народа…. Вчера был у Короленко. Прочел письмо Георгия (Вернадского) о его религиозных настроениях и религиозном подъеме в Перми. Письмо производит сильное впечатление. В.Г. наиболее терпимо относится – он верит в силу религии, но считает, что должна создаваться новая религия, которая в своих обобщениях и космогониях пойдет дальше научных обобщений. В церкви, в частности православной, он видит много темного и думает, что это движение может привести к изуверству, к возвращению старого…. Наиболее ярко и определенно Прасковья Семеновна Ивановская – старый русский 70-ти десятник: для нее религия человечества – социализм. Социализм, признавая его моральное возможное крушение из-за русской революции, считает необходимой стадией и С. В. Короленко (дочь В. Г). Этим путем может выработаться более совершенная религия в будущем. Она признает, что социализм как религия более узка – но видит в ней любовь, братство и т. д.».*

***

Затем Вернадский признается: *«Они совершенно не сознают иррациональной стороны религии. Для меня эти вопросы сейчас стоят очень остро. Если бы я был безразличен в религиозном настроении или принимал*

т.к. именно в это время он издал первую книгу стихов под названием «Противоречия».

По обвинению в принадлежности к социал-демократии Лозина–Лозинского арестовывали трижды (так свидетельствовала в беседе со мной его родная сестра Ирина Константиновна летом 1976 года – С.Ш.).

В юности он мечтал стать профессиональным революционером, и уже в 16 лет читал «Капитал» Карла Маркса. Затем, поступив в Петербургский университет, активно участвовал в сходках, однако быстро разочаровался в политическом движении студентов, о чем написал страстный памфлет «Смерть призраков», издав его под псевдонимом. Книга эта почти сразу же была запрещена цензурой. Почти перед самым окончанием университета его вновь исключили, но уже без права восстановления в будущем.

Вообще с раннего детства на его долю выпало немало тяжких испытаний и потрясений.

Жизнь не баловала его: ранняя смерть матери (ему не было 3-х лет), несчастный случай, в результате которого он в 16 лет лишился ноги, затем – смерть близкого друга В. Ризеля, однокурсника и во многом единомышленника, потом – безответное многолетнее чувство любви, вызвавшее отчуждение.

«Сын чистейшей грезы, зачатый в восторге,
Мир узрел в тумане, в сумеречном морге,
В контурах, ушедших в муть и полутон,
Он всю жизнь пробродит на крикливом торге,
Холоден и странен. Чужд и изумлен».

Таков портрет его лирического героя в книжке «Противоречия». К слову сказать, эта книга не прошла для критики незамеченной. В Петербургском журнале «Гиперборей» отмечалось: «*Стихи Я. Любяра (псевдоним Лозина–Лозинского – С.Ш.) обнаруживают*

поэта, бедного образами, не способного к обобщениям, но зато имеющего бесспорное достоинство – всегда напряженную мысль, бескрылую, но не расплывшуюся в лиризме». (Гиперборей. 1913. №1.).

В этой рецензии отмечалось, что *«над книгой не вздохнешь, не задумаешься, но считаться с ней в своих размышлениях все же будешь*». И это было, пожалуй, самым главным в восприятии необычных строчек.

Спустя несколько лет о тех же стихах вспоминал и Сергей Городецкий: «Напряженность мысли, нагромождение образов отличали его первые стихи. Почти никто их, как всегда, не заметил, но в интимных литературных кругах нового поэта оценили». (Из частного собрания родной сестры поэта И. К. Северцевой).

***

К началу переписки с Короленко Лозина–Лозинский уже имел немалый жизненный опыт, но в творческом плане так до конца и не определился.

19 ноября 1915 года последовала его новая письменная исповедь в Полтаву:

«*…я пришлю Вам на днях маленькую цепь стихов: цикл об Италии, которую так люблю. Что же касается до работы литературной вообще, то не «барство» говорит во мне – я писал бы, работал бы, не был бы небрежен, если бы я мог по совести сказать себе: ц е л ь м о я – с к а з а т ь что-то людям. Но я не люблю людей вообще-то говоря, а следовательно общественная работа, а литература непременно о б щ е с т в е н н а я деятельность, приобретает для меня смысл заработка. Это грубо и создает раздвоение».* (Разрядка Лозина–Лозинского – С.Ш.).

***

Короленко справедливо считал, что «если литература ограничится воспроизведением настроений отчаяния и пессимизма, то это лишит ее возможности

Глава 4

Два Владимира

Сначала немного о родословии. В дневниковых набросках Владимира Ивановича Вернадского читаем: «*Прадед В. Г. Короленко был и моим прадедом, т. к. его дед Афанасий Яковлевич и моя бабушка Екатерина Яковлевна Короленко, по мужу Вернадская, были родные брат и сестра».*

Яков Короленко имел детей:

- сына Афанасия – (дед В.Г.) (1787–1857). Его Владимир Галактионович. застал еще в живых. Дед Короленко по отцовской линии – Афанасий Яковлевич был управляющим радзивиловской таможней, о чем сообщается в «Летописи жизни и творчества писателя»,
- дочь Екатерину (по мужу Вернадская).

В. Г. Короленко (1853–1921) и В.И. Вернадский (1863–1945) были троюродными братьями. К концу жизни каждый из них прошел свой непростой духовный путь исканий и свершений.

Это были годы, по-своему переломные, катастрофические в истории и России, и всего человечества. Жизнь братьев завершалась в исторические эпохи, содержание которых определяли, прежде всего, *войны*: межгосударственные и гражданские, завоевательные и освободительные, локальные и мировые. Последние выдвинули на передний план в качестве главной, никогда ранее еще не возникавшей, угрозу *самоуничтожения* человечества, что многократно подчеркивалось, как Короленко, так и Вернадским.

в интереснейшую антологию под названием «Мир искусства в образах поэзии», куда вошли также стихи А. Блока, В. Брюсова, О. Мандельштама и др. Эта антология была издана в 1922 году в книгоиздательстве «Работник просвещения».

Фрагменты поэмы А. Лозина–Лозинского «Санкт–Петербург» вошли в современную антологию «Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии».

Время по-своему проявляет ушедшее. Документы, сложно сопрягаясь с перепиской и реальными событиями, раскрывают разные страницы в развитии поэтической и художественной мысли начала XX века.

***

В письмах Короленко к П. С. Ивановской указывается, что за время редактирования журнала «Русское богатство», которое длилось почти 20 лет, В. Г. Короленко прочитал более 5000 рукописей и при этом проделал тщательную их редактуру.

***

В. Г. Короленко бережно, по-отцовски отнесся и к дарованию молодого поэта Алексея Лозина–Лозинского. Он старался помочь ему выйти из круга заблуждений и пессимистических воззрений на жизнь и мир, которые так и не преобразились в трагическое миросозерцание в понимании сложнейших кризисных явлений предреволюционной России.

Обнаруженные материалы в который раз убеждают в нетленности подлинных человеческих порывов, дел, устремлений и творческих ошибок**.**

(1978–1982)

подготавливать будущее».

Он был убежден, что художник обязан «сохранять остроту зрения», чтобы не проглядеть «признаки обновления действительности», и потому ему глубоко не созвучны были искания поэтов, чье становление пришлось на годы мрачных десятилетий, наполненных безверием, реакцией, прославлением добровольного ухода из жизни, в известной степени ухода как формы протеста.

Александр Блок, которого по праву считают певцом предреволюционного поколения творческой интеллигенции, в своей статье «Крушение гуманизма» убежденно писал: «Оптимизм вообще – несложное и небогатое миросозерцание, обыкновенно исключающее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собой в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с т р а г и ч е с к и м миросозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира». (Разрядка Блока – С.Ш.).

***

В творческих устремлениях Лозина–Лозинского намечалось лишь приближение к трагическому миросозерцанию. Не всегда при этом он обретал оптимальные средства для выражения нравственно – художественных раздумий о мире, о жизни, о вечно «юных и проклятых вопросах» бытия, которые каждый истинный поэт на собственном уровне постижения мира разрешает по-своему.

Ему было не занимать острого и трезвого взгляда на развитие современного литературного процесса, был он беспощаден и к самому себе. Иначе разве мог бы он написать: «*Литератор только тогда хороший литератор, когда он более чем литератор, когда он – апостол, проповедник, борец, верующий*…» Ему же было дано осознать всю тщету собственных творческих

усилий.

А Короленко, в свою очередь, стремился его поддержать, и не уставал повторять: *«…повторяю, что с интересом встречу дальнейшие Ваши работы, но желал бы, чтобы они подошли ближе к жизни…»*

Настроение безнадежности при бесстрашном «взгляде во тьму колодца бытия» лишало поэтического героя Алексея Лозина–Лозинского притягательной и жизненной силы. Он признавался в одном своем стихотворении:

«Меня в даль жизни потянули
Мечты – доплыть иль пасть.
Я спасся сам, но потонули –
Правдивость, сила, страсть.
Мертвы желанья и виденья
Лежат на берегу моей души.
Но погребенья свершить я не могу».

Казалось, что эта переписка зашла в тупик и едва ли не исчерпала себя из-за идейных и творческих разногласий. Но вот еще одно письмо без даты. Голос печального адресата Короленко звучит в нем особенно тревожно. Мысли его не всегда логичны и последовательны:

«*…Писать люблю, и всегда держу в уме пару рассказов и пару статей. Но всем своим существом я чувствую какую-то ложь в профессии литератора (только для меня, конечно). Литератор влюблен в Истину, Добро и Красоту. И служит им пером…»*

Сознавая, что подобными признаниями он, быть может, развенчивает себя, тем не менее, он продолжал исповедоваться: *«Я ничуть не осуждаю себя, но страшно писать при таких условиях. К тому же мне приходит мысль, что если уж действительно любить*

тайниках своей души этой влюбленности, даже намека на нее, он в одном разочаровании от жизненных и творческих противоречий в ноябре 1916 года добровольно ушел из жизни. Ему не хватило мужества, чтобы жить дальше…

В прогрессивном журнале тех лет «Летопись», выходившем под редакцией А.М. Горького, весной 1917 года в критическом обзоре современной литературы появились строки: «*Пессимизм сердца – это специфически русское явление, на русской унылой ниве возросшее, русским серым дождем окропленное. Лозина–Лозинский честен в своей книге и не старается оправдать свою болезнь, превратить изначальный порок души в добродетель*. Критика называла его прозу «*беспощадной к себе и людям исповедью», большим, эмоциональным по силе человеческим документом, но не литературой…*»

***

Спустя пять лет после его смерти критик и литературовед Э. Голлербах написал: «*Лозинский был талантливо одинок. Всякий, кто предпочитает стихам (а поэзия и стихосложение не одно и то же), знает – какого интересного и яркого поэта утратила наша литература в лице А. Лозина–Лозинского – «жонглера и мученика мысли»…»*

***

Некоторые произведения А. К. Лозина–Лозинского выдержали испытание временем, и это, в первую очередь, относится к его переводам, а также к некоторым стихотворениям.

Его переводы Шарля Бодлера были включены в современное издание французского поэта в серии «Литературные памятники». Стихотворения Лозина–Лозинского из его итальянского цикла были помещены

***

Взаимосвязь имен порой бывает очень причудливой и не всегда очевидной. Первые шаги в литературе писателя Алексея Чапыгина в начале 90-х годов XIX века направлял именно Владимир Короленко. Чапыгин с большой душевной теплотой вспоминал о своем наставнике: *«Короленко просто, ласково и очень близко умел подойти к душе начинающего писателя. Я чувствовал, что Короленко мне, как родной, и главное, ясный, естественный человек».*

Под этими словами мог бы подписаться и Алексей Лозина–Лозинский, но, к сожалению, и к великой для себя трагедии, сам он не был «ясным и естественным человеком».

Ранней осенью 1916 года одна за другой стали выходить его книги. Они вобрали в себя наиболее зрелое, что было написано им в последние пять лет. Он писал:

«Как это грубо жить!
А в мире нет конца.
Но надо, чтобы жить,
Выдумывать границу.
О пустота, о тишь,
О, ужас мудреца,
Перевернувшего
Последнюю страницу…»

***

Накануне своего 30-летия поэт стоял перед качественно новым этапом жизни, отличным от того, который ему пришлось прожить вместе с поколением предреволюционной творческой молодежи. Он как бы завершил песнь своего «больного поколения».

Осознав, что только влюбленность в мир и людей составляет сущность искусства и жизни, не увидав в

Истину, Добро и Красоту или людей, то в нашей жизни с этим тотчас надо помереть от ежеминутного оскорбления этих чувств или погибнуть на Кресте».

***

Искренности ему было не занимать, причем в заблуждениях тоже. Недаром в одном из некрологов о нем безвестный автор верно написал: *«Он был одним из немногих поэтов с искренней и строгой музой, на базар суеты житейской, на рынок поэтического пустозвонства он принес небольшую книгу глубоких и талантливых стихов, так выгодно отличавшихся от незрелых опытов равнодушных версификаторов или искусственных узоров подражателей. Он пережил то, что писал, и печать выстраданности и заповедного лежит на его произведениях».* **(**Частное собрание И. К. Северцевой).

Примечательно, как автор некролога определил основную беду Лозина–Лозинского как поэта и человека, когда заключал: *«Мысль, особая способность отчетливо-позитивного цинического видения вещей, были для него дьявольским даром. Убивая непосредственность, разрушая душу живую, она надевала на его лицо какую-то маску, и в то же время обнажала существования и скудость бытия. Он умер так же мучительно и больно, как жил и творил».*

***

В. Г. Короленко тонко и верно подметил «философическую изломанность» молодого литератора, ту надломленность, которая стала неодолимым препятствием на пути раскрытия его творческих возможностей.

Стараясь объяснить причины, побудившие его вновь написать в Полтаву, поэт признавался: *«Может, я некстати расписался, но я ведь не считаю, что вы*

обязаны отвечать. Я же сам пишу Вам, может быть, потому что вы всегда вызываете во мне удивление своим добросовестным отношением к делу. Вы – редкий редактор, который читает рукописи и отдает им что-то. Вам часто чувствуешь себя постоянно обязанным за то, что Вы так внимательны и так не деспотичны, не безапелляционны».

***

Пережив в конце ноября 1915 года внезапную кончину родного брата, Владимир Короленко слег, но редакторскую работу не прекращал. На письма отвечал лишь в редких случаях. Это был трудный период в его жизни.

1 6 декабря 1915 года. Из письма Короленко к А. Г. Горнфельду: *«…я являюсь ходатаем за Лозина–Лозинского, с его «изысканностями»… судьба этого человека странная и печальная, есть несомненное литературное дарование, есть некоторое и даже немалое литературное дарование, много пишет и все-таки до сих пор не стал писателем… Мне кажется, его стоит поддержать, и хотя бы для этого дать кое-что (по-возможности больше из серии итальянских стихотворений… одно–два не стоит). Если давать, то дать именно серию. В целом она все-таки дает кое-что заметное».* (ЦГАЛИ, ф. 155. Оп. 1. № 342. Л. 150).

Спустя десять дней Короленко получил ответ: «*… если хотите, то конечно, возможно выбрать десяток и напечатать, но я решительно против…*» (ОР ГБЛ, ф.135. Раздел 2. К. 21. № 37. Л. 33).

Вскоре стихи поэта об Италии составили отдельную книгу под названием «Благочестивые путешествия», которая выла в конце 1916 года. По этому проводу в одной из рецензий отмечалось: «*Посмертная книга молодого, много обещавшего и успевшего кое-что дать поэта – Алексея Лозина–*

не удалось.

В феврале 1916 года Короленко вновь написал Горнфельду, как бы подводя итог этому эпизоду: *«Простите мне мое приставание по поводу «поэта», о коем Вы высказали столь бесповоротное мнение. Тем более, что я не могу, в конце концов, не присоединиться, хотя и не столь, может быть, бесповоротно. Как-то жаль ставить крест над предполагаемыми возможностями*. Взятие слова поэт в кавычки, скорей всего, было не случайным. Это был приговор.

В одной из немногих прижизненных рецензий на стихи А. К. Лозина–Лозинского были слова, находящиеся в поразительном согласии с мнением Короленко.

Так, в тонком «Журнале журналов» отмечалось: «*Холодным светом рассудка Лозинский освещает все углы своего «Я». Каждое движение души, каждое желание, каждую мечту. Не умирает ли от этого беспощадного анализа Поэзия?».* (Частное собрание И. К. Северцевой).

***

В эти месяцы 1916 года издательство «Жизнь и знание», которым в то время руководил В. Д. Бонч-Бруевич, приступило к изданию прозы Лозина–Лозинского под необычным и выразительным названием «Одиночество».

По прочтении этой рукописи, известный писатель Алексей Чапыгин написал автору: «*Если бы мое скромное имя могло служить Вам для рекомендации хорошему издательству, то я горячо рекомендовал бы Вашу рукопись. В ней есть то грустно-лирическое, которое так близко и мило моей душе, которое необходимо во всяком настоящем произведении».*

Заканчивалось это письмо признанием: *«Вы счастливо обошли банальное…»* (ЦГАЛИ, ф. 293. Оп 1. № 85).

жизни вообще. И это, конечно, плюс…»

Рассуждая подобным образом, он все-таки втайне надеялся, что его станут разубеждать. Оттого он и спрашивал: *«Если ставить вопрос о жизни на почву социальную, если смотреть на себя, прежде всего, как на члена общества, а не мира, то не есть ли занятие литературой – «малое дело»?». (*Знак Лозина–Лозинского – С.Ш.).

Он явно ждал, что же ему подскажет человек, чья жизнь была подлинно подвижнической, кто не ведал компромисса, кто был глубоко убежден в высоком нравственном назначении социально-направленных произведений литера туры?

Недаром в дни юбилея в 1912 году критик Д. Н. Овсянико-Куликовский писал: *«В. Г. Короленко по праву причисляется к тем умственно и морально творческим натурам, жизнь и деятельность которых получают нормативное значение для ряда поколений».*

***

Соглашаясь с Короленко, что «стихи без непосредственности – не стихи», Лозина–Лозинский все же не мог удержаться и возразить: «*Нельзя представить себе поэзии, – писал он, – без элементов рационализма, умствования. Опосредствованная… поэзия принимается как результат сложной умственной работы, конечно, на фоне непосредственно воспринятого мира».*

Предчувствуя, что его откровенная исповедь может оттолкнуть писателя, которого он так почитал, Лозина–Лозинский заканчивает словами: «*Мне почему-то не хочется уходить из поля Вашего внимания ко мне, которое, поверьте, меня трогает. Не потому, что дело идет обо мне, а потому, что Вы с любовью относитесь к пишущим вообще. А в то же время, литературные нравы так неслыханно грубы…»*

Было ясно, что переубедить друг друга им так и

Лозинского показала, что он воспринимал явления жизни и природы больше умом, чем душой, а потому в его стихах – холодная задумчивость преобладает над свободным дуновением поэзии. Но для стихолюба в книжке много интересных, врезающихся в память строк». (Частное собрание И. К. Северцевой).

Наступил 1916 год. В середине января Владимир Короленко получил очередное письмо от поэта. В этом письме Лозина–Лозинский высказывал свои взгляды на истоки поэзии и искусства, на проблему современного читателя. Он словно вел живую беседу в надежде на единомыслие. По тону письма можно предположить, что это ответ на какое-то письмо Короленко, которое, к сожалению, не сохранилось**.**

Читаем**:** «*Вы пишите – у меня нет в виду читателя. Как нет? А я-то сам, разве не читатель*?». Эти строки Короленко подчеркнул. Они его явно покоробили.

Дочь писателя как-то вспоминала, что «люди самолюбивые, книжные или с самомнением, этими чертами отталкивали его от себя, несмотря на другие достоинства».

При всей терпимости к своеобразию любой творческой индивидуальности, Короленко в то же время не исключал строгую меру ответственности за написанное, не прощая ни малейшего проявления или даже намека на цинизм и фиглярство, на духовную распущенность и нетребовательность к себе**.**

***

22 января 1916 года он написал два письма. Одно – Лозина–Лозинскому, другое – Горнфельду, которому он все-таки направил стихи поэта, сделав следующую приписку: «*Рискуя вызвать Ваше насмешливое замечание…, все-таки опять посылаю на ваше усмотрение несколько стихотворений Лозина–*

Лозинского из нового цикла «Из записной книжки яхтсмена». Весь цикл, на мой взгляд, не годится и в ансамбле недостатки выступают особенно резко. Но, может быть, хоть что-нибудь из присланных пяти стихотворений возьмете? Мне кажется, что этот автор все-таки не безнадежен. Застывает он в какой-то изломанности и почти археологическом романтизме». (ЦГАЛИ, ф. 155. Оп. 1. № 342. Л. 150 – 151).

Объясняя далее свою настойчивость и желание действенно помочь самоутвердиться еще одной творчески одаренной личности, Короленко продолжал в том же письме: *«Может, пригреть его немного – не отойдет ли? Что-то все-таки в нем есть…, если бы Вы что-нибудь приняли, я был бы за него доволен…»*

В тот же день Короленко написал Алексею Лозина–Лозинскому, словно продолжил давно начатую беседу: *«То, что в начале XIX столетия писали Гете и Шиллер, это, конечно, верно? и время для поэзии было хорошее. Оно, между прочим, было проникнуто отзвуками классического Возрождения, и немец начала XIX столетия часто думал и чувствовал (или старался думать и чувствовать) как грек древности…, но когда русский лирик думает и чувствует в начале XX века, как думал и чувствовал немец XIX века, то тут из непосредственности извлекается уже корень 3-ей степени. А лирика– вся в непосредственности. Удаляясь от источника непосредственного чувства, она усыхает и теряет живую силу отражения…»*

Их полемика то затихала, то вспыхивала вновь, менялся лишь объект. Слова Короленко были целительны, но и беспощадны в чем-то глубинном.

Как часто Короленко молодым талантам деликатно высказывал нелицеприятные вещи. Он стремился выявить их заблуждения и убедить, но действенной помощи при этом не лишал.

После терпеливого и предельно доброжелательного разбора слабых поэтических строк поэта, он словно извинялся: «*…простите, что пишу много и, пожалуй, резко. Вы задели меня тем, что у вас есть дарование, но что-то в Вашем отношении к нему делает его бесплодным».*

Последние слова письма – это слова Мастера и старшего товарища; они поражают своей цельностью и пронзительностью:

«Я хотел бы только, чтобы вы меня верно поняли: литература есть и должна быть самым демократическим из социальных явлений, а лирика должна быть самым демократическим явлением из явлений литературных… у меня давно есть мысль написать об этом, да все как-то не примусь. И вот почему Ваш художественный аристократизм вызывает меня на длинные письма и, может быть, резкие…»

***

Это письмо оказалось последним. Больше он Лозина–Лозинскому не писал. Письмо словно подвело итог размышлениям старого Мастера о назначении литературы. Это чрезвычайно важный документ в его творческой биографии.

Однако на этом этот письменный диалог не был окончен. В горькую минуту отчаяния поэт написал в Полтаву еще одно письмо. Читаем: *«Вы говорите, что чего-то мне не хватает, я прекрасно знаю – чего. Не хватает мне не таланта… не хватает бескорыстной само-отдачи литературному труду. Каюсь, я даже иногда осуждаю литературу и литераторов…»*

Лозина–Лозинский явно не стыдился своих откровений, душевного опустошения и продолжал: *«Лечить литературой! Какая химера! Никогда и нигде ничего не исправляла литература. Литература только утончала и обогащала формы социальной борьбы, да и*